

МЕЖПАРАЛАМЕНТСКАЯ АССАМБЛЕЯ
ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ
СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

ТАВРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

часть II

2020

ЦЕНТР ИСТОРИИ ПАРАЛАМЕНТАРИЗМА

**МЕЖПАРЛАМЕНТСКАЯ АССАМБЛЕЯ
ГОСУДАРСТВ — УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА
НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ**

ЦЕНТР ИСТОРИИ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

Таврические чтения 2020

**Актуальные проблемы парламентаризма:
история и современность**

Международная научная конференция

Часть вторая

Санкт-Петербург
2021

УДК 328; 94(4)

ББК 67.400.6

Т 13

Научное издание

Печатается по решению оргкомитета
международной научной конференции

Под редакцией доктора исторических наук, профессора,
заведующего кафедрой русской истории (XIX–XXI вв.)
Института истории и социальных наук РГПУ имени А. И. Герцена,
заместителя председателя научно-методического совета
Центра истории парламентаризма МПА СНГ
А. Б. Николаева

Рецензенты: Давыдов Александр Юрьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры русской истории (XIX–XXI вв.) Института истории и социальных наук Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена; Мусаев Вадим Ибрагимович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

Т 13 Таврические чтения 2020. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 10–11 декабря 2020 г. : Сборник научных статей. В 2 ч. / Под ред. А. Б. Николаева. — СПб.: Астерион, 2021. — Ч. 2. — 206 с. — Текст : электронный. — Системные требования: PC ; Windows 98/NT/2000/XP/7/8/10 ; Adobe Reader ; 1 электрон. опт. диск (CD-ROM) ; 12 см.

ISBN 978-5-00188-067-7

ISBN 978-5-00188-072-1 (Часть 2)

ББК 67.400.6

© Центр истории парламентаризма
Межпарламентской Ассамблеи
государств — участников СНГ, 2021

ISBN 978-5-00188-067-7

ISBN 978-5-00188-072-1 (Часть 2)

СОДЕРЖАНИЕ

«УЧИТЕЛЯ И УЧЕНИКИ»: АНГЛИЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ПОРТНЯГИН Д. И. Проблемы реформирования британского парламента в конце XIX — начале XX века.....	7
СОЛОВЬЕВ К. А. Российская Дума и английский образец.....	21
СЕЛЕЗНЕВ Ф. А. Депутаты Государственной думы — кадеты и русско-британские связи	28
ПОРТНЯГИНА Н. А. «Англия — единственная школа, которая годна нам»: британский парламент в освещении кадетской печати в 1906–1907 гг.....	33
ДИСКУССИЯ	44
И. К. КИРЬЯНОВ	44
ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ	45
И. К. КИРЬЯНОВ	45
Д. И. ПОРТНЯГИН	45
Н. А. ПОРТНЯГИНА	46
И. В. ОМЕЛЬЯНЧУК.....	46
Ф. А. СЕЛЕЗНЕВ	47
И. В. ОМЕЛЬЯНЧУК.....	47
Д. И. ПОРТНЯГИН	47
Д. В. АРОНОВ.....	48
К. А. СОЛОВЬЕВ	48
Н. А. ПОРТНЯГИНА	49
А. Н. ЕГОРОВ	49
Ф. А. СЕЛЕЗНЕВ	50
К. А. СОЛОВЬЕВ	50
Н. А. ПОРТНЯГИНА	51

ВЫСТУПЛЕНИЯ	51
С. И. БУГАШЕВ	51
В. Н. БОРИСЕНКО	53
Ф. А. ГАЙДА	55
В. В. КАЛАШНИКОВ	57
Д. В. АРОНОВ	58
Е. О. НАУМЕНКОВА	59
Д. И. ПОРТНЯГИН	61
С. И. БУГАШЕВ	61
И. К. КИРЬЯНОВ	62
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ДОКЛАДЧИКОВ	64
Д. И. ПОРТНЯГИН	64
Н. А. ПОРТНЯГИНА	64
Ф. А. СЕЛЕЗНЕВ	64
К. А. СОЛОВЬЕВ	65
И. К. КИРЬЯНОВ	66

**КРУГЛЫЙ СТОЛ:
ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. Н. БУКЕЙХАНОВА
(К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

А. А. ИВАНОВ	67
В. И. КОЗОДОЙ	68
А. А. ИВАНОВ	70
В. И. КОЗОДОЙ	70
З. Е. КАБУЛЬДИНОВ	73
А. А. ИВАНОВ	76
В. И. КОЗОДОЙ	76
З. Е. КАБУЛЬДИНОВ	78
А. А. ИВАНОВ	79
О. Г. МАЛЫШЕВА	80
В. И. КОЗОДОЙ	80
А. А. ИВАНОВ	81

ПРОГРЕССИВНЫЙ БЛОК — «КАТАЛИЗАТОР» РЕВОЛЮЦИИ ИЛИ «СПАСАТЕЛЬНЫЙ КРУГ» ОТ НЕЕ?

ИВАНОВ А. А. «Чёрный» взгляд на «желтый» блок: консервативная критика думской либеральной оппозиции в годы Первой мировой войны	82
ХОЛЯЕВ С. В. Прогрессивный блок Государственной думы — инициатор конфликта, приведшего к Февралю.....	92
ДЁМИН В. А. Прогрессивный блок: возможный спасительный тормоз и реальный катализатор революции	98
ДИСКУССИЯ	102
А. Н. ЕГОРОВ.....	102
ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ	103
А. В. ЕВДОКИМОВ	103
С. В. ХОЛЯЕВ.....	103
Ф. А. СЕЛЕЗНЕВ	104
В. А. ДЁМИН.....	105
И. В. ОМЕЛЬЯНЧУК.....	105
В. А. ДЁМИН.....	106
О. Г. МАЛЫШЕВА.....	106
С. В. ХОЛЯЕВ	107
ВЫСТУПЛЕНИЯ	108
А. Н. ЕГОРОВ.....	108
Д. В. АРОНОВ.....	108
Е. С. ГАВРОЕВА	110
Ф. А. ГАЙДА	112
И. В. ОМЕЛЬЯНЧУК.....	113
Ф. А. СЕЛЕЗНЕВ	115
А. Н. ЕГОРОВ.....	117
СВОБОДНАЯ ДИСКУССИЯ.....	118
И. В. ОМЕЛЬЯНЧУК.....	118
Ф. А. СЕЛЕЗНЕВ	118
В. А. ДЁМИН.....	120
А. Н. ЕГОРОВ.....	122

ВСЕРОССИЙСКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

КАЛАШНИКОВ В. В. Роспуск Учредительного собрания как причина Гражданской войны: pro et contra	123
--	-----

РАЗВИТИЕ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В ГОСУДАРСТВАХ — УЧАСТНИКАХ СНГ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

ГУРЬЯНОВ А. А. Технологическая природа государств–участников СНГ: некоторые аспекты парламентаризма в условиях регионализации и глобализации	138
ЯЛЫШЕВ Р. А. Второй Съезд народных депутатов СССР: кризис плавной модернизации и дискуссия о судьбе союзного государства	145
МАЛХОЗОВА Ф. В. Подготовка Второго (внеочередного) Съезда народных депутатов РСФСР: задачи, проблемы, итоги	152
УЗЛОВА И. В. Федеральное Собрание РФ первого созыва: второй год работы	162

ИЗ ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

БОЧКАРЕВ С. В. Французский парламентаризм начала XX века: доктрина и практика	176
БУГАШЕВ С. И. Джеймс Мэкстон — лидер Независимой рабочей партии Великобритании	180
РАБУШ Т. В. Ситуация в Афганистане в 1978–1979 гг. и позиция Конгресса США	188
КАТКОВА Е. П. Скупщина в политической системе независимой Черногории (2006–2020 гг.)	193
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ (НА ДЕКАБРЬ 2020 Г.)	200
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И АББРЕВИАТУР	204

«УЧИТЕЛЯ И УЧЕНИКИ»: АНГЛИЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ БРИТАНСКОГО ПАРЛАМЕНТА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

ПОРТНЯГИН ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры европейских исследований
факультета международных отношений
Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: d.portnyagin@spbu.ru

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы, связанные с трансформацией роли парламента в системе государственного управления Великобритании на рубеже XX–XXI веков. Автор приходит к выводу, что в результате серии реформ, прежде всего парламентской процедуры, законодательный процесс значительно ускорился, и баланс сил сместился в сторону исполнительной власти. Безусловное преимущество при прохождении через парламент получили законопроекты, предложенные или поддержанные правительством. В результате формирования общенациональных политических партий и складывания двухпартийной системы способность парламента реально контролировать деятельность правительства значительно снизилась. Реформа палаты лордов привела к тому, что ее роль в законодательном процессе стала номинальной. Фактически устанавливается доминирование исполнительной власти, которое сохраняется на протяжении XX и XXI веков.

Ключевые слова: парламент Великобритании, реформа Бальфура, Г. Кэмпбелл-Баннерман, Г. Асквит, реформа палаты лордов.

Британский парламент ведет свою историю с 1265 г. Он начинался как парламент Англии и по мере присоединения Уэльса, Шотландии и Ирландии пополнялся представителями соответствующих регионов. После подписания англо-ирландского договора

1921 г. Вестминстерский парламент лишился большей части депутатов от Ирландии, но сохранил представителей Ольстера. Палаты общин и лордов до сих пор являют наглядный символ британской системы управления и формально находятся в самом ее центре. Принцип парламентского суверенитета или верховенства по-прежнему рассматривается как один из основополагающих в некодифицированной британской конституции. При этом в самой Великобритании стали общим местом рассуждения о том, что, несмотря на свою древность и престиж, в реальности нынешний британский парламент не является могущественным институтом, а действительные рычаги управления находятся в руках исполнительной власти. По мнению критиков, палата общин в значительной степени контролируется правительством и не представляет в полной мере весь спектр политических предпочтений населения страны. Верхняя же палата лордов в силу архаичной системы формирования, несколько модернизированной законом 1999 г., не играет существенной роли в процессе законотворчества¹. Текущее положение дел является результатом реформирования Вестминстерского парламента, начавшегося на рубеже XIX–XX веков и продолжающегося до настоящего времени.

Отметим, что само появление парламента в Англии и его последующая эволюция никоим образом не были связаны с народовластием и продвижением демократических процедур. Цель встреч монарха с английской знатью заключалась не в выработке политики демократическими способами, а в консультации политической власти с той частью общества, которую она считала значимой для себя². Результатом становилась легитимация действий короны, прежде всего, по сбору налогов. В свою очередь монарх выслушивал жалобы «политического сообщества» и предпринимал меры по разрешению проблем баронов и рыцарей. Подобный порядок позволял устанавливать и поддерживать эффективную систему управления, а также накладывать некоторые ограничения на использование политической власти³. Со времен Славной революции 1688–1689 гг. начался процесс формирования конституционной монархии благодаря смещению властных полномочий от короля к парламенту. Возможно, эта трансформация началась еще в период Реставрации при Карле II, но была приостановлена при Якове II. В любом случае, к моменту вступления на британский престол первого представителя Ганноверской династии Георга I баланс сил был уже в значительной степени на стороне парламента. Несмотря на то, что формально объем королевских прерогатив в Великобритании в XVIII в. вполне соответствовал статусу абсолютного монарха, в реальности ежегодно собиравшийся

¹ Leach R., Coxall B., Kouins L. British Politics. Second edition. London, 2011. P. 227.

² Butt R. The Power of Parliament. London, 1967. P. 31.

³ Rush M. Parliamentary Government in Britain. London, 1981. P. 21.

парламент полностью контролировал государственный механизм через финансовую систему. В XVIII в. начинает формироваться и то, что впоследствии получило название кабинета министров. Сэр Роберта Уолпола, бывшего ведущим министром в 1721–1742 гг., в Великобритании принято считать первым премьер-министром страны, хотя сам этот термин закрепился только в 1930-е гг. Все это позволяет говорить, что на протяжении XVIII в. Великобританией наравне с монархом управлял и парламент, состоявший из представителей узкой группы наиболее состоятельных людей, прежде всего крупной земельной аристократии¹.

Расстановка сил в парламенте начинает быстро меняться на протяжении XIX в. в результате трех последовательных реформ 1832, 1867, 1884–1885 гг., существенным образом расширивших избирательные права населения. Ведущей к концу века становится палата общин, а аристократическая палата лордов превращается в рудиментарный орган². Поскольку выборы проводились в нижнюю палату, то получаемая ею от избирателей легитимность быстро привела к логическому выводу: правительство должно формироваться на основе палаты общин. На рубеже XIX–XX вв. складывается конституционная конвенция, согласно которой пост премьер-министра может занимать только член палаты общин. Последним выходцем из верхней палаты, занимавшим этот пост, был маркиз Солсбери, ушедший в отставку в 1902 г. Ситуация с Алемом Дуглас-Хьюмом в 1963 г. стоит особняком. Прежде чем занять пост премьер-министра, он отказался от титула и был избран в нижнюю палату.

Избирательная реформа стимулировала процесс формирования в Великобритании в последней трети XIX в. политических партий современного типа. В 1870-е гг. создаются национальные организации консервативной и либеральной партий, главной задачей которых становится проведение избирательных кампаний в Вестминстерский парламент в условиях значительного увеличения числа имеющих право голоса. Зачастую в историографии эти процессы трактуются в терминах «роста демократии», «появления массовой политики, ориентированной на национальные политические партии, и развития представительного правления»³. Другое понятие, которое используют для описания политической системы, сложившейся в Великобритании во второй половине XIX — начале XX в. — Вестминстерская модель. В основе ее лежат три принципа: парламентский суверенитет, министерская ответственность, сильное партийное правительство⁴.

¹ Harling P. *The Modern British State*. Oxford, 2001. P. 37–38.

² Norton P. *The British Polity*. London, 2001. P. 45.

³ Salmon Ph. *Parliament // The Oxford Handbook of Modern British Political History, 1800–2000* / Ed. by Brown D. S., Crowcroft R., Pentland G. Oxford, 2018. P. 84.

⁴ Kelso A. *Parliamentary reform at Westminster*. Manchester, 2009. P. 18.

Первый из них, как мы уже отмечали, относится к основополагающим положениям британского конституционного устройства. Наиболее популярное его определение дал видный английский специалист в области конституционного права Альберт Дэйси: «Парламент имеет ... право принимать или отменять любой закон, какой бы он ни был»¹. При этом само парламентское законодательство отменить никто не может. А. Дэйси проводил различие между юридическим и политическим пониманием суверенитета. Это означало, что парламент может не иметь никаких юридических запретов на свои действия, но политически, поскольку появился массовый электорат, он ограничивался тем, что являлось приемлемым для избирателей. Поскольку Вестминстерская модель обеспечивала доминирование правительства, то на практике парламентский суверенитет означал суверенитет исполнительной власти, подкрепленной сформировавшейся двухпартийной системой.

Не менее важным для понимания взаимоотношений между парламентом и правительством является принцип министерской ответственности, который включает два аспекта. Коллективная ответственность предполагает принятие министрами правительства ответственности за решения, принятые на уровне кабинета министров. Индивидуальная ответственность предполагает принятие министрами ответственности за политику своих ведомств². Однако в условиях доминирования исполнительной власти и двухпартийной системы вопрос о возможности палатой общин выполнять функцию контроля за правительством в целом и отдельными министрами в частности вызывает большие сомнения. Как отмечал один из британских исследователей, конвенция о министерской ответственности «далека от гарантии того, что департаменты подчиняются парламенту, но фактически служит для защиты департаментов от парламентского контроля»³. Схожей точки зрения придерживается Дэвид Джадж: «ответственность министров ... переворачивает логику доктрины открытости и подотчетности, ускоряя тайный и закрытый процесс принятия решений»⁴. Хотя внешне подобные суждения выглядят парадоксально, но система секретности, характерная для функционирования исполнительной власти Великобритании на протяжении XIX и большей части XX веков, вела к тому, что министры, включая ведущих членов кабинета, представляли весьма дозированную информацию о деятельности собственных департаментов в палате общин. В подтверждение данного утверждения достаточно сравнить материалы заседаний кабинета

¹ Dicey A. V. *An Introduction to the Study of the Law of the Constitution*. London, 1959. P. 39–40.

² Blackburn R., Kennon A. *Parliament: Functions, Practices and Procedures*. London, 2003. P. 28, 45.

³ Birch A. H. *Representative and Responsible Government*. London, 1964. P. 140.

⁴ Judge D. *The Parliamentary State*. London, 1993. P. 152.

министров¹ со стенограммами парламентских дебатов, которые также доступны в сети интернет². Ситуация стала несколько меняться только после вступления в силу в 2005 г. в полном объеме закона о свободе информации. Сам закон был принят в 2000 г. и обязал министерства и департаменты Соединенного королевства публиковать информацию о своей деятельности на официальных сайтах³.

Расширение избирательных прав и создание общенациональных партийных структур привело к росту внутренней дисциплины и большему контролю руководства над рядовыми партийцами. Расколотым партиям было сложнее выиграть выборы, а для правительства отсутствие единства ставило под вопрос реализацию законодательной программы. Применительно к палате общин это означало рост значения партийных организаторов «кнотов», которые отвечали за поддержание дисциплины в парламентской фракции. С другой стороны, сами парламентарии, особенно те, кто рассчитывал на карьерный рост, были менее склонны нарушать партийное единство. Давления партийной элиты обычно оказывалось достаточно для того, чтобы парламентарии следовали генеральной линии. Особенно это верно для депутатов от правящей партии. В результате усиление дисциплины внутри партий привело к тому, что на смену так называемому парламентскому правлению приходит сильное партийное правительство, которое придало устойчивость политической системе, но одновременно поставило под вопрос возможность контроля представительного законодательного органа за действиями исполнительной власти. Как отметил лидер палаты общин в 2001–2003 гг. Робин Кук: «Мы все парламентарии, но мы также партийные политики. Мы глубоко неоднозначно относимся к тому, хотим ли мы, чтобы парламент принимал независимые решения, или мы хотим, чтобы наша партия закрепила свою собственную повестку дня»⁴.

В последние десятилетия XIX в. и в начале XX в. в палате общин были проведены несколько процедурных реформ, которые еще более склонили баланс сил в пользу правительства. Как отмечал Йозеф Редлих: «Фундаментальным понятием, лежащим в основе изменения, было... стремление приспособить регулирование и проведение парламентской

¹ Cabinet Papers с 1915 г. представлены на сайте Британского Национального архива [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://www.nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers/default.htm?WT.ac=Cabinet%20Papers%20Home>

² Historic Hansard: 1803–2005 [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/index.html>

³ Freedom of information Act 2000 [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2000/36/contents>

⁴ Cook R. A modern parliament in a modern democracy// Political Quarterly. 2003. № 1. P. 78.

работы к полностью сформировавшейся системе партийного управления. И первоначальный импульс в направлении реформирования процедуры, и постоянная движущая сила, которая вынуждала ее, исходили из всеобщего признания того факта, что демократизация Палаты общин требует перестройки ее работы»¹. Парламентская процедура оказалась серьезной политической проблемой и одновременно большим властным ресурсом после избирательной реформы 1867 г., следствием которой стала значительно возросшая возможность партий более четко структурировать работу палаты общин. Еще более ускорила процесс выработки регламента парламентских заседаний кампания обструкции, начатая в 1877 г. депутатами от Ирландии. Одним из важнейших новшеств стало принятое в 1887 г. т. н. правило «гильотины», позволявшее прекращать дебаты в случае превышения лимита времени, отведенного на обсуждение конкретного законопроекта. Цели, которые преследовались в процессе реформирования парламентской процедуры, можно свести к следующему. 1) Повысить дисциплину парламентариев и пресечь возможность обструкции в ходе заседаний. 2) Обеспечить правительству полный контроль за распределением времени в ходе дебатов и, таким образом, гарантировать первоочередное прохождение законопроектов, им инициированных.

Именно в это время стало крайне затруднительно отдельным депутатам провести собственный законопроект через парламент. Отныне реальные шансы на принятие имели только билли, входившие в законодательную программу правительства². Правда, как показал опыт XX в., по тем или иным причинам правительство иногда предпочитало выдвигать собственную инициативу под видом «частных биллей». Чаще всего это было связано с дискуссионным характером законопроектов и возможной неоднозначной реакцией общества на них. Таким образом было реализовано в 1960-е г. законодательство об отмене смертной казни, уголовного преследования за гомосексуализм, легализации аборт, а в 1980-е введены ограничения на рекламу табака и наказания за непристегнутые ремни безопасности передних пассажиров в автомобилях.

Желая еще более укрепить позиции исполнительной власти в палате общин, консервативное правительство маркиза Солсбери инициировало изменение парламентской процедуры в 1902 г., известное как реформы Бальфура. Их главной целью было упрощение и ускорение ведения дел в палате общин. Выступая в парламенте 7 февраля 1902 г., Артур Бальфур уверял парламентариев: «последнее, что правительство имело в виду при разработке настоящих правил, — это оградить нынешнее или любое последующее правительство от законной критики. Наша цель заключалась в том, чтобы превратить палату в то, чем она должна быть — место, где человек, стремящийся служить своей стране, может

¹ Redlich J. The Procedure of the House of Commons. London, 1908. V. 1. P. XXXII.

² Ibid. P. 206.

делать это без тех абсурдных жертв, которые требуют от него наши нынешние правила»¹. Предложенные реформы включали в себя существенные изменения в организации работы парламента. В результате правительственные законопроекты получили еще больший приоритет, а возможности отдельных парламентариев влиять на ход обсуждений значительно уменьшились. Например, отныне получить устный ответ от члена правительства можно было, только сделав заранее специальный запрос². Экономия времени была также достигнута путем внесения изменений и сокращений на различных этапах законодательного процесса. Если в 1900 г. для согласования билля о налогах и расходах потребовалось около трети всего времени заседания палаты общин, то после принятия новых правил такой же законопроект в 1902 г. прошел за двадцать с небольшим дней.

Реформы Бальфура были следствием объективной тенденции усложнения процесса государственного управления и дали импульс усилению исполнительной власти, которое продолжалось на протяжении всего XX века. В 1906 г. уже либеральное правительство Генри Кэмпбелл-Баннермана назначило комитет по процедуре с целью дальнейшего совершенствования работы палаты общин. Как обозначил в своем выступлении Герберт Асквит, на тот момент канцлер казначейства, задачей этого специального комитета было рассмотрение существующей процедуры и внесения в нее необходимых дополнений и новых правил для повышения эффективности работы палаты общин³.

Предложения комитета были реализованы в 1907 г. и предусматривали в том числе изменение времени начала и завершения заседаний палаты общин с целью некоторого сокращения их продолжительности. Более важным было расширение системы постоянных комитетов нижней палаты. Их число увеличивалось с 2 до 4, и все законопроекты, прошедшие второе чтение, в ходе которого они согласовывались в принципе, передавались на рассмотрение в один из них в обязательном порядке. Исключением являлись финансовые билли⁴. Такая процедура мотивировалась необходимостью экономии и более эффективного использования парламентского времени. Однако следует учитывать способ формирования и регламент работы постоянных комитетов. Правительство гарантированно получало большинство в комитетах, включая назначение их председателей, которые имели право ограничивать время обсуждения билля. Законопроекты, инициированные правительством, также получали приоритет при рассмотрении в комитетах. Весьма показательно, что, несмотря на поддержку процедурных новаций правительством и лидерами оппозиции, пакет реформ в итоге был проведен через палату

¹ House of Commons Debates (далее — HCD). 1902. 7 February. Vol. 102. Col. 785.

² Borthwick R. Questions and Debates // The House of Commons in the Twentieth Century / Ed. by Walkland S. A. Oxford, 1979. P. 478.

³ HCD. 1906. 28 February. Vol. 152. Col. 1153–1154.

⁴ HCD. 1907. 21 March. Vol. 171. Col. 896.

общин с помощью «гильотины». Это было сделано из-за многочисленных поправок, которые пытались внести в регламент заднескамеечники для того, чтобы не допустить автоматического направления в постоянные комитеты законопроектов определенных видов¹.

Если реформы Бальфура 1902 года стали существенным шагом на пути усиления исполнительной власти, то реформы 1906–1907 годов в этом смысле были еще более новаторскими. Как отметил один из британских исследователей, с их внедрением «процедуры палаты общин были преобразованы таким образом, что правительство эффективно контролировало парламентскую повестку дня и могло своим большинством фактически гарантировать принятие своей законодательной программы»². Масштабы реформ 1906–1907 гг. были таковы, что процедурные изменения в последующие годы «являлись скорее детализацией уже существующего регламента и не вносили каких-либо фундаментальных новаций, усиливали власть правительства, повышая производительную эффективность палаты общин как законодательной машины»³.

Возможности отдельных парламентариев выдвинуть собственные проекты законов в виде «частных биллей» были сведены к минимуму. В результате институционального развития Вестминстерского парламента после 1907 г. исполнительная власть уже обладала значительным инструментарием для продвижения собственного законодательства, существенным образом адаптировав правила игры под свои цели и задачи. Понятно, что и ранее исполнительная власть была весьма могущественна, однако после 1907 г. она практически полностью контролировала работу палаты общин, которая формально была существенным образом демократизирована в ходе серии парламентских реформ. Уже в 1912 г. американский ученый и президент Гарвардского университета Эббот Лоуренс Лоуэлл заметил, что палата общин «решила вопрос времени, отдав большую его часть правительству для использования по своему усмотрению». Поправки к правительственному законодательству, внесенные без молчаливого одобрения самого правительства, стали «чрезвычайно редкими», а система постоянных комитетов очень затруднила для палаты общин воспрепятствование реализации намеренной кабинетом законодательной программы⁴.

В конце XIX — начале XX в. консервативные и либеральные правительства разработали внутренние процедуры, гарантирующие, что они смогут быстро, безопасно и с минимальными затратами энергии достичь своих целей, которые, прежде всего, заключались в демонстрации избирателям их способности управлять государством решительно и эффективно. Заметим, что подобная модернизация парламентской процедуры продолжалась на протяжении всего XX в., а также новыми лейбористами в начале

¹ Walkland S. A. Government legislation in the House of Commons // The House of Commons in the Twentieth Century / Ed. by Walkland S. A. Oxford, 1979. P. 258.

² Rush M. The Role of the Member of Parliament Since 1868. Oxford, 2001. P. 61.

³ Ibid.

⁴ Lowell A. L. The Government of England. New York, 1912. Vol. 1. P. 317–318.

XXI в. В особенности это становится заметно в периоды, когда к власти приходят правительства, настроенные на реализацию новаторской законодательной программы. Так было, например, после прихода к власти либералов в 1906 г. Правительства Г. Кэмпбелла-Баннермана и Г. Асквита реализовывали реформы в духе идей социального либерализма. Так было и впоследствии после победы лейбористов на выборах 1945 г. и 1997 г. В таких обстоятельствах правительства были убеждены, что факт большого электорального успеха давал им мандат на реализацию собственных планов и, в случае необходимости, подстраивали парламентский регламент в еще большей степени под себя.

В то же время, как свидетельствует опыт XX в., правящая партия не желает доводить «процедурную эффективность» до крайностей. Причина этого кроется в очевидности того факта, что рано или поздно избиратели предпочтут другую партию, и «новаторам» придется перейти в оппозицию. С другой стороны, главная оппозиционная партия, как правило, без особых возражений соглашалась на процедурные реформы, поскольку рассчитывала получить от них выгоду после возвращения к власти. При этом необходимо подчеркнуть, что лидеры обеих главных британских партий всегда воздерживались от внесения таких изменений в процедуру, которые бы усилили возможности палаты общин влиять на процесс законотворчества. Наиболее очевидным примером этого является их регулярный отказ поддержать идею создания специального комитета палаты общин по определению законодательной повестки дня. Ни одна из ведущих партий не поддерживала подобных планов, поскольку это несколько ограничило бы сложившуюся систему и полномочия лидеров правящей партии и главной оппозиционной партии. Некоторым отступлением от этой традиции стало создание вскоре после парламентских выборов 2010 г. Комитета по делам заднекамеечников (Backbench Business Committee)¹. Он стал первым в истории палаты общин комитетом подобного типа. Однако переоценивать значимость данного события не следует. Комитет получил право один раз в неделю, но не более 35 за сессию, определять повестку дня заседания палаты общин. При этом конкретный день и время обсуждения определяются правительством. Председателем комитета является представитель ведущей оппозиционной силы, но остальные семь мест распределяются в зависимости от количества депутатов от партий в палате общин². Таким образом, правящая партия обладает большинством в комитете. Факт его создания следует рассматривать как некоторую уступку консерваторов своим тогдашним партнерам по коалиции — либеральным демократам.

¹ Backbench Business Committee [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://committees.parliament.uk/committee/202/backbench-business-committee/>

² Standing Orders of the House of Commons — Public Business 2019. Para 1521 [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201919/cmstords/341/body.html>

Надо отметить, что складывающийся перекос в сторону исполнительной власти был очевиден многим уже в начале XX в. Тогда же стали предлагать и способы решения проблемы. Среди наиболее радикальных можно назвать предложение видного лейбористского политика Фреда Джоветта, т. н. «план Джоветта», который предусматривал передачу реальных властных полномочий от кабинета министров парламентским межпартийным комитетам. Таким образом, парламентарии могли бы избавиться от «партийного ярма» и голосовать по существу законопроектов¹. Показательно, что, несмотря на одобрение плана на ежегодной партийной конференции лейбористов в 1914 г., идеи Ф. Джоветта не пришлись по вкусу лидеру партии Рамсею Макдональду. В итоге Ф. Джоветт был вынужден покинуть пост председателя независимой рабочей партии, аффилированного члена лейбористской партии.

Еще одна реформа, которая, по мнению ее сторонников, могла переломить сложившуюся тенденцию, сводилась к изменению избирательной системы. Выборы в Вестминстерский парламент до сих пор проводятся по простой мажоритарной системе, при которой для победы в избирательном округе достаточно набрать хотя бы на один голос больше, чем у пришедшего вторым к финишу кандидата. При таком порядке нередко случаются случаи, когда для получения статуса депутата палаты общин достаточно набрать 30–40% голосов избирателей округа. Подобная мажоритарная система благоволит крупным партиям. Во многом благодаря ей в Великобритании сложилась двухпартийная система, а ведущие партии заняли доминирующее положение в парламенте. В 1884 г. известный английский ученый и либеральный политик Джон Лаббок основал Общество за пропорциональное представительство, которое под названием Общество за избирательную реформу существует до сих пор². Сторонники пропорциональной системы полагали, что ее введение не только приведет к тому, что палата общин будет полнее представлять спектр политических предпочтений избирателей, но и избавит самих депутатов от чрезмерного контроля со стороны партийной верхушки и заставит их рассматривать законопроекты по существу, а не исходя из указаний парламентских кнотов. Активная агитационная кампания Общества за пропорциональное представительство привела к тому, что в 1908 г. правительство либералов пошло на создание королевской комиссии, которая должна была сделать заключение о необходимости реформирования избирательной системы. Несмотря на то, что некоторые свидетели, выступавшие на заседаниях комиссии, высказывались в пользу введения пропорциональной

¹ Hanson A. H. The Labour Party and House of Commons reform — I // *Parliamentary Affairs*. 1957. № 4. P. 460.

² Electoral Reform Society. Our History [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://www.electoral-reform.org.uk/who-we-are/our-history/>

системы как способа повысить статус депутата и снизить его зависимость от партийного руководства, в итоговом докладе идея пропорциональной системы не была поддержана. Не нашла отражения идея пропорциональной системы голосования и в Законе о народном представительстве 1918 г.¹

Никакие аргументы в пользу избирательной реформы как средства изменения соотношения сил между исполнительной и законодательной властью и повышения эффективности парламента не могли повлиять на отношение к ней ведущих политических партий, которые всячески сопротивлялись введению пропорциональной системы. Искушение оказалось слишком велико даже для лейбористской партии, которая в 1920-е гг. сменила либералов в качестве второй главной политической партии. В 1926 году лейбористы приняли резолюцию против пропорциональной системы на том основании, что она могла помешать им получить власть².

На протяжении второй половины XX и в начале XXI веков только либералы и их преемники либеральные демократы последовательно выступали за изменение избирательной системы, поскольку это давало им шанс вернуться к власти. После парламентских выборов 2010 г., когда консерваторам для того, чтобы сформировать правительство, пришлось идти на заключение с либеральными демократами коалиционного соглашения, одним из пунктов достигнутого компромисса стало проведение национального референдума по избирательной реформе. Вынесенный на голосование в 2011 г. вариант реформы предусматривал введение преференциальной системы, которую сложно было назвать пропорциональной. Однако даже такой проект не встретил поддержки ведущих политиков страны. Консерваторы во главе с Дэвидом Кэмероном проводили кампанию против введения подобной системы. У лейбористов такого единодушия не наблюдалось, но большинство видных партийных деятелей также были настроены к ней негативно. После того, как большинство голосовавших на референдуме британцев высказались за сохранение мажоритарной системы, представляется, что вопрос о реформе избирательной системы вряд ли вновь возникнет в обозримом будущем.

Другая проблема, которая регулярно поднималась на протяжении XX в. в связи с реформированием Вестминстерского парламента, заключалась в роли палаты лордов в законодательном процессе. Вопрос становился все более насущным в конце XIX — начале XX вв. по причине расширения избирательных прав и, как следствие, большей легитимации нижней палаты. Известный конфликт между общинами и лордами 1909–1911 гг., приведший к очередной парламентской реформе, является наглядным примером использования исполнительной

¹ Hart J. Proportional Representation: Critics of the British Electoral System 1820–1945. Oxford, 1992. P. 156.

² Ibid. P. 225.

властью всех возможных ресурсов для усиления собственного доминирования. Зачастую противостояние между палатами сводят к спорам вокруг бюджета, предложенного канцлером казначейства Дэвидом Ллойд-Джорджем на 1909–1910 финансовый год. Однако проблемы возникли с момента оглушительной победы либералов на парламентских выборах 1906 г., которые пришли к власти с широкой программой социально-экономических преобразований¹. В этой ситуации консерваторы попытались использовать верхнюю палату, где они доминировали, для противодействия планам либералов. Уже в 1906 г. лорды заблокировали ряд важных правительственных законопроектов, в том числе билль об образовании².

Ответом стала довольно очевидная угроза, прозвучавшая в королевской речи 1907 г.: «Серьезные вопросы, влияющие на работу нашей парламентской системы, возникли из-за досадных разногласий между двумя палатами. Мои министры обсуждают этот важный вопрос с целью разрешения проблемы»³. В ее развитие последовала резолюция, внесенная в палату общин премьер-министром и гласившая, что «для осуществления воли народа, которую выражают выбранные им представители, необходимо ограничить законом права другой палаты изменять или отклонять законопроекты, принятые этой палатой, таким образом, чтобы гарантировать приоритет решений палаты общин в пределах работы одного парламента»⁴.

Лорды попытались выйти из назревавшего кризиса путем разработки собственного проекта реформы верхней палаты. В 1907 г. они сформировали специальный комитет под председательством лорда Розбери, который внес на следующий год ряд предложений, касавшихся, главным образом, принципа формирования верхней палаты, и допускал отход от ее исключительно наследственного характера⁵. Правительство же интересовало как раз вопрос о разделении властных полномочий между палатами. В этой ситуации ему было крайне удобно делать акцент на нелегитимном характере палаты лордов и добиваться на этом основании ограничения ее роли в законодательном процессе. Поэтому предложения лордов были отклонены, и дело дошло до глубокого политического кризиса, выразившегося, в том числе, в дважды проводившихся в 1910 г. парламентских выборах. Первые прошли в январе и рассматривались как своего рода голосование по бюджету, который лорды заблокировали впервые за 250 лет. Повторные, прошедшие в декабре, правительство уже рассматривало как плебисцит по проекту парламентской реформы. В обоих случаях либералы победили с минимальным перевесом и могли действовать только при поддержке лейбористов и ирландских

¹ *Shell D.* The House of Lords. Oxford, 1988. P. 9.

² *Jenkins R.* Mr. Balfour's Poodle. London, 1989. P. 37–63.

³ House of Lords Debates. 1907. 12 February. Vol. 169. Col. 3.

⁴ HCD. 1907. 24 June. Vol. 176. Col. 909.

⁵ *Kelso A.* Op. cit. P. 140.

парламентариев. Однако этого оказалось недостаточно, и потребовалась угроза короля Георга V, конечно, сделанная по совету премьер-министра Г. Асквита, назначить около 400 новых лордов из числа либералов для изменения баланса сил в верхней палате¹. В результате прямого давления исполнительной власти в 1911 г. был принят закон о парламентской реформе, который, помимо прочего, лишил лордов права реально влиять на прохождение всех законопроектов, имеющих отношение к финансам, а для остальных биллей у них сохранилась возможность отлагательного двухгодичного вето.

Таким образом, оформившаяся на рубеже XIX–XX веков в Великобритании модель государственного управления характеризовалась безусловным доминированием исполнительной власти. Как показал опыт XX в., реформирование парламента ее интересовало только в двух аспектах. Во-первых, изменение процедуры работы палаты общин с целью максимально быстрого и безболезненного прохождения правительственных законопроектов. Во-вторых, недопущение превращения палаты лордов в реальный противовес нижней палате. Неслучайно, что процесс реформирования верхней палаты, начавшийся в 1999 г., на сегодняшний день свелся практически всего лишь к сокращению числа наследственных лордов до 92². Все проекты превращения ее хотя бы частично в выборную провалились, а вопрос о повышении роли лордов в законодательном процессе фактически и не поднимался. Вестминстерская модель оказалась весьма эффективной и устойчивой, поскольку стала результатом объективной тенденции усложнения процесса государственного управления. При этом переоценивать ее демократичность не стоит. Простая мажоритарная система способствовала формированию двухпартийной системы, которая, хотя и претерпела за последние 30–40 лет некоторую коррозию, в Вестминстерском парламенте сохраняется до сих пор. Партийные элиты, сначала консерваторов и либералов, а затем консерваторов и лейбористов, практически полностью контролируют ситуацию в парламенте. Это не исключает возможности т. н. «восстаний» заднескамеечников, которые, несмотря на порой значительное влияние на какие-то текущие вопросы, не меняют общий баланс сил в системе государственного управления. Сохраняющаяся избирательная система также ведет к тому, что мнение значительной части избирателей остается неучтенным. Справедливости ради стоит отметить, что для большинства жителей страны это не является проблемой. До 2005 г., когда был принят закон о конституционной реформе, вообще сложно было говорить о соблюдении принципа разделения властей в Великобритании. Правительство формировалось на основе

¹ *Shell D. Op. cit.* P. 9.

² House of Lords Act 1999 [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1999/34/contents>

парламентского большинства, что делало и делает весьма проблематичным контроль над ним со стороны однопартийцев в палате общин. Функции высшей судебной инстанции выполняли двенадцать судейских лордов, которые были членами верхней палаты. Показательной была фигура лорда-канцлера, одновременно являвшегося членом кабинета министров, возглавлявшего судебную систему и ведшего заседания в палате лордов. Только в 2009 г. начал работу Верховный суд страны, что несколько отделило судебную власть от законодательной и исполнительной.

РОССИЙСКАЯ ДУМА И АНГЛИЙСКИЙ ОБРАЗЕЦ

СОЛОВЬЕВ КИРИЛЛ АНДРЕЕВИЧ,

доктор исторических наук,
профессор Школы исторических наук
факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»;
главный научный сотрудник
Института российской истории РАН,
Москва, Россия;
kirillsol22@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена представлениям об английском парламентаризме, бытовавшим в российском общественном мнении начала XX в., а также условиям становления законодательного представительства в России. Автор отмечает драматическое расхождение политических идеалов, получивших отражение в программных документах партий, и тактической линии, характерной для любой думской фракции. Многие рассчитывали на следование английскому образцу и одновременно с тем приравнивали к социальным, политическим обстоятельствам, характерным именно для России и предусматривавшим становление особой модели парламентаризма.

Ключевые слова: Государственная дума, английская политическая система, общественная мысль, парламентаризм.

В конце XIX — начале XX вв. и консерваторы, и либералы¹ нередко ссылались на английский политический опыт. Зачастую он оценивался как эталонный. При этом интерпретации могли быть самые разные. Видный общественный деятель, в прошлом один из основателей «Союза 17 октября», Д. Н. Шипов рассматривал английскую политическую систему как практически образцовую славянофильскую. Именно там, в Великобритании, власть государя ограничивается не конституцией, а лишь сознанием необходимости единения короля и народа перед лицом стоявших перед страной проблем. По мнению Шипова, солидарность нации и монарха в Англии и есть подлинная основа государственного строя. «Я считал вероятным и возможным, что если идея русского самодержавия сохранится непоколебимой в своей основе, то при постепенном развитии нашей государственной жизни эта идея могла бы получить

¹ Виноградов П. Г. Накануне нового столетия. М., 1902. С. 16–17; Кокошкин Ф. Ф. Об основаниях желательной организации народного представительства в России. М., 1906. С. 36–37; Острогорский М. Я. Конституционная эволюция Англии (В течение последнего полувека). Падение палаты лордов // Вестник Европы. 1913. № 10. С. 204; Гессен В. М. Теория конституционного государства. СПб., 1914. С. 4.

в более или менее близком будущем выражение и осуществление в формах и порядке, аналогичных государственному строю в Англии», — писал Д. Н. Шипов¹. Иными словами, по мысли славянофила, подлинное самодержавие было как раз в Великобритании, а не в России. М. М. Ковалевский, наоборот, не видел значимых отличий между английской конституционной монархией и Французской республикой². По его оценке, королевская власть на Британских островах смотрелась красивой бутафорией, которая не могла смутить даже самого наивного наблюдателя: английская конструкция власти, в сущности, в короне не нуждалась, а сохраняла ее по инерции.

Российские парламентарии периодически возвращались к британскому опыту. Часто перенимали английскую терминологию. Например, сравнивали Палату общин и Государственную думу³ или же Манифест 17 октября 1905 г. и Великую Хартию вольностей⁴. В 1906 г. вспоминали английскую революцию XVII в.⁵, дело Дж. Гемпдена⁶. Разумеется, народные избранники рассчитывали использовать этот опыт — пассивного или самого активного сопротивления. Некоторое время спустя, уже в период Первой мировой войны, депутаты, действовавшие и бывшие, в большинстве своем неизменно превозносили Великобританию, отмечая ее многочисленные достоинства в сравнении с Германской империей⁷. По мысли Ф. Ф. Кокошкина, Англия и Германия — два полюса современного человечества. «Германия шла от равенства к гегемонии, от германского союза и индивидуализма 1848 г. к военной олигархии. Британская империя, напротив, идет от гегемонии к равенству»⁸. Соответственно, германский тип организации Европы вел к милитаризму и войнам, британский — к международному миру.

Было и другое: не только превознесение образца, но и научная гипотеза, что было в итоге достигнуто к началу XX в. Обычно историки права отмечали «органический» путь Англии к своей неписаной конституции. Она возникла не на пустом месте. Она не стала плодом усилий далеких от жизни интеллектуалов. Напротив, она складывалась медленно,

¹ Шипов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом / автор предисл. и коммент. С. В. Шелохаев. М., 2007. С. 288.

² Ковалевский М. М. Прогресс // Вестник Европы. 1912. № 2. С. 237.

³ П. А. Столыпин: Биохроника. М., 2006. С. 212; Шидловский С. И. Воспоминания: В 2 т. Берлин, 1923. Т. 1. С. 124; [Челноков М. В.] Письмо М. В. Челнокова А. И. Шингареву. 27.07.1909 // Bakhmeteff archive (BAR). Miliukov coll. Box. 1.

⁴ [Ковалевский М. М.] Русская конституция: очерк проф. М. М. Ковалевского. СПб., 1906. С. 3–4.

⁵ Ковалевский М. М. Моя жизнь: Воспоминания. М., 2005. С. 362–363.

⁶ Петрункевич И. И. Политическая роль первой Государственной Думы // Первая Государственная Дума: В 3 вып. СПб., 1907. Вып. 1. С. 94; См. также: Быков А. Борьба за законность в старой Англии // Народное дело. 12 апреля 1906. № 35. С. 2–3.

⁷ Туманова А. С. Общественные организации в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.). М., 2014. С. 60–71.

⁸ Кокошкин Ф. Ф. Англия, Германия и судьбы Европы. М., 1918. С. 31.

постепенно и, главное, незаметно для обывателя. Это происходило само собой в силу естественного развития социальных отношений. Тем прочнее была корневая основа конституции¹. В данном случае государственная власть — это не просто совокупность учреждений или законов, а в первую очередь писанные и неписанные правила игры, признанные и усвоенные всем обществом и, даже возможно, не вполне оторефлексированные им².

Однако эта обоснованная исследовательская позиция плохо сочеталась с публицистическими клише, характерными для многих периодических изданий того времени. Английский порядок возник не в один день, тем не менее он мог быть перенят Россией в кратчайший срок. На это рассчитывали в Конституционно-демократической партии³. Сложившийся к 1905–1906 гг. политический режим оценивался как временный и неудачно скроенный — и в России, и во всех прочих странах с дуалистической монархией (например, в Германской или Австро-Венгерской империях)⁴. Конечно, «парламентарная система управления устанавливается повсюду не законом, а обычаем, и едва ли она может быть установлена иным путем и в России», — рассуждал Ф. Ф. Кокошкин⁵. Однако этот обычай не может не сложиться в ближайшее время. Так казалось весной 1906 г., когда безусловной смотрелась легитимность новообразованной Государственной думы. Бюрократическое правительство должно было уступить популярным депутатам. По мысли В. М. Гессена, «господство законодательной власти в конституционном государстве обусловлено, прежде всего, представительным характером ее организации. Парламент в конституционном государстве всегда необходимо рассматривать с большим или меньшим основанием в зависимости от природы действующего избирательного права — как непосредственный выразитель народной воли»⁶.

Как это часто случается, практика шла вразрез со словами. Депутатам приходилось выстраивать свою линию поведения, исходя из реального расклада сил, особенностей государственных учреждений, политических институтов. Прежде всего, речь идет о включенности Думы в бюрократическую законотворческую машину, которая с учреждением представительных органов власти далеко не во всем изменилась по сравнению с дореволюционной.

¹ Кистяковский Б. А. Государственное право (общее и русское). СПб., 1999. С. 421.

² Котляревский С. А. Власть и право: проблема правового государства. М., 1915. С. 108.

³ Съезды и конференции конституционно-демократической партии: В 3 т. М., 1997. Т. 1. С. 74–76.

⁴ Гессен В. М. Теория правового государства // Вестник права. 1905. Кн. 4. С. 252.

⁵ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 1. С. 76.

⁶ Гессен В. М. Теория правового государства // Политический строй современных государств. СПб., 1905. Т. 1. С. 135.

Таких особенностей было не мало.

1. Например, Государственный совет по духу, по стилю работы оставался учреждением бюрократического типа. Это определяло отношение его членов к депутатскому корпусу, а также характер работы с законопроектами¹. С Советом так или иначе приходилось считаться. Показательно, что в согласительных комиссиях именно он (а не Дума) играл «первую скрипку»².

2. В России продолжал функционировать целый ряд законосовещательных учреждений, составленных из чиновников, которые активно участвовали в процессе подготовки политических решений³.

3. В конце концов, Совет министров фактически обладал законодательной властью, доставшейся ему в «наследство» от Комитета министров⁴. В его ведении были дела «общественного порядка, спокойствия и безопасности», народного продовольствия, чрезвычайные происшествия. На его заседаниях принимались решения об установлении усиленной и чрезвычайной охраны в той или иной местности. В то время, когда Дума не заседала, Совет министров имел право обсуждать вопросы, привычно принимавшиеся в обычном законодательном порядке (собственно речь идет о широкоизвестной 87-й статье Основных государственных законов). Согласно формуле члена Государственного

¹ Демин В. А. Верхняя палата Российской империи, 1906–1917. М., 2006. С. 83–85.

² Демин В. А. Согласительная процедура // Государственная дума Российской империи, 1906–1917. Энциклопедия. М.; Челябинск, 2013. Т. 1. С. 654–656.

³ Труды Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. 1909. СПб., 1911. Т. 2. С. 218.

⁴ Кокошкин Ф. Ф. Совет министров // Русские ведомости. 1910. 1 января; Магазинер Я. М. Чрезвычайно-указное право в России (87 ст. Основных законов). СПб., 1911. С. 50–51. Схожим образом определил полномочия Совета министров и М. М. Ковалевский в связи с утверждением законопроекта о введении земства в Западном крае. 24 марта 1911 г. на заседании Государственного совета он утверждал: «Если бы признать закономерным действием поведение Совета министров в данном случае, то пришлось бы последовательно прийти к заключению, что статья 87 рассчитана на то, чтобы парализовать действие статьи 86, по которой требуется, чтобы новый закон не мог последовать без одобрения Государственного совета и Государственной думы. Каждый раз, когда Совет министров признает нежелательным для себя решение одной из двух палат по внесенному им законопроекту, ему открыта была бы в таком случае возможность не только в промежутках между сессиями, но и во время перерыва сессии прибегать к статье 87 для того, чтобы обратить в закон законопроект, только что отвергнутый одной из палат. Но это было бы равносильно признанию, что законодательными палатами у нас являются не Государственная дума и Государственный совет, а Государственная дума, Государственный совет и Совет министров, причем последний при разномыслии Государственной думы и Государственного совета имел бы решающий голос. Нелепость такого предположения слишком очевидна; но что оно логически вытекало бы из обращения недавней практики в частую или постоянную, это необходимо бросается в глаза каждому» (Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия шестая. 1910–1911. СПб., 1911. Стб. 1416).

совета С. Ф. Платонова, «до конституции министры правили страной через царя. А после введения конституции царь правит страной через министров»¹. Уместной была и другая шутка. М. М. Ковалевский отличал «летний» и «зимний» политический строй империи. Зимой он был конституционный: тогда законодательствовали Дума и Государственный совет, за ними неустанно следили газетчики. Летом страна погружалась в сон. Депутаты и журналисты разъезжались по домам, в провинцию, или же отдыхали на дачах. Законодательство переходило в руки правительства. Россия же обращалась в обычное «полицейское государство»².

4. Как хорошо известно, право законодательной инициативы депутатов было ограничено³. Не стоит в этом видеть российскую специфику. Любая политическая система предоставляет правительству ключевую роль в подготовке решений, что следствие не злой воли, а исключительно профессионализма чиновников⁴. Вместе с тем в России эта проблема множилась на отсутствие законодательного опыта у большинства представителей депутатского корпуса. Зачастую они оказывались беспомощными политически игроками в сравнении со своими контрагентами со стороны исполнительной власти⁵.

5. Некоторые законодательные процедуры сложились еще в дореволюционные времена и не самым радикальным образом менялись впоследствии. В частности, это касается бюджетных правил, предельно неудобных для Государственной думы⁶.

Этот список можно было бы продолжить. Однако и того, что здесь перечислено, достаточно, чтобы утверждать: депутат Думы встраивался в чужой для себя мир. Народному избраннику приходилось приноравливаться к нему. Вместе с тем одним своим присутствием он менял политический ландшафт.

1. Отчасти этому способствовал сам депутат, за которыми стояли различные группы интересов. С их ходатайствами он шел в министерские канцелярии и чаще всего не напрасно. Пребывая там часами, он завязывал контакты с чиновниками разного уровня, договаривался с ними, выстраивал целую систему отношений⁷. Собственно она складывалась сама собой, устраивая практически всех участников политического

¹ Клячко Л. М. Повести прошлого. Л., 1929. С. 10.

² Ковалевский М. М. Писаная и действующая конституция // Русские ведомости. 1910. 1 января.

³ Следует иметь в виду, что конституционный строй отнюдь не гарантировал представительным учреждениям право законодательной инициативы. Так, согласно французской конституции (хартии) 1814 г., палата депутатов им не обладала. Аналогичная ситуация имела место во Франции в 1852–1869 гг. (Алексеев А. А. Бюджетное право французского парламента // Журнал Министерства юстиции. 1915. Октябрь. № 8. С. 41–42).

⁴ Лазаревский Н. И. Русское государственное право. СПб., 1913. Т. 1. С. 604.

⁵ Вебер М. Политические работы, 1895–1919. М., 2003. С. 172.

⁶ Соловьев К. А. Законодательная и исполнительная власть в России: Механизмы взаимодействия (1906–1914). М., 2011. С. 280–289.

⁷ Там же. С. 464–480.

процесса: не только депутатов и министров, но в первую очередь чиновников среднего звена, которые непосредственно взаимодействовали с народными избранниками¹.

2. Наличие Думы и реформированного Государственного совета обеспечивало публичность политическому процессу в России: разумеется, не во всем и не в полной мере. Однако журналист в хорах Таврического дворца сам по себе становился значимым фактором принятия решения. И правительство, и депутатский корпус оглядывались на читателя газет и хотели ему понравиться².

3. Наконец, драматически новая процедура принятия решений подразумевала ревизию всех привычных алгоритмов законотворчества. Прежние навыки кодификации, редактирования правовых норм, экспертизы проектов становились ненужными. Законодательный процесс заметно рационализировался.

Этот список тоже можно продолжить, при этом не ставя под сомнение то, что было сказано раньше: народный избранник по необходимости обживался в чиновничьей канцелярии, приноравливая ее к своим нуждам. Политическая система Российской империи того времени конструировалась в ходе думских работ. Она достраивалась в поисках баланса между правительственной бюрократией и цензовой частью общественности. В итоге складывалась думская практика, очень далекая от английских реалий.

Это рефлексировали и представители правительственной администрации. В августе 1906 г. П. А. Столыпин давал разъяснения английскому журналисту: «В Англии судят с английской, то есть с парламентской точки зрения. Между тем, нужно отличать *парламентаризм* от *конституционализма*. У нас есть только *конституционализм*, как и в Германии или даже в Американской республике»³. Осенью того же года Столыпин давал схожие комментарии и другому английскому корреспонденту: «Законодательная власть должна быть строго ограничена от исполнительной. Не забудьте, что нынешний строй строго конституционный, а не „парламентарный“»⁴. Столыпин с известной регулярностью ссылался на британский опыт. По оценкам английского посла А. Николсона, премьер был поклонником английской политической системы, при этом не видя в ней ближайшего ориентира для России⁵. Согласно письму графа Д. А. Олсуфьева Л. А. Тихомирову от 9 августа 1907 г., «П. А. Столыпин

¹ Ключев И. С. Дневник // РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 6. Л. 6.

² Соловьев К. А. Указ. соч. С. 456–464.

³ В данном случае примечательно то, что П. А. Столыпин четко и недвусмысленно говорил о наличии конституционного порядка в России (П. А. Столыпин: Грани таланта политика. М., 2006. С. 469).

⁴ Там же. С. 479.

⁵ Портнягина Н. А. П. А. Столыпин и А. Николсон: беседы о русском парламенте (1906–1907 гг.) // Таврические чтения 2018. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность / Под ред. А. Б. Николаева. СПб., 2019. Ч. 1. С. 226–227.

высказал мнение, что законосовещательная или решающая [роль зависит] от реальной силы учреждения. Английский парламент по конституции не имеет никакого права, однако он все, а, наоборот, с парламентом решающим монархическая власть, если она сильна, может совсем не считаться. Значит не в этом термине дело»¹. Дело в той социальной, культурной, интеллектуальной среде, в которую вписано представительное учреждение

Анализируя английские политические реалии, Столыпин был во многом последовательнее и точнее своих оппонентов в Думе. Видимо, в первую очередь по той причине, что он не был обязан следовать партийной догме. В его понимании британская неписаная конституция выросла из многовековой практики, а не доктрины (чему собственно и учили в университетах). Примерно так должно было случиться и в России. Парламентаризм всякий раз ситуативен в своих основаниях. Он зиждется не на абстрактных идеалах, формально прописанном проекте, а на конкретном соотношении сил тех, кто умеет отстаивать свои интересы. Непродолжительный думский опыт вывел на авансцену обновленный политический класс, включивший в свои ряды и значительную часть цензовой общественности, которая прежде имела весьма ограниченный доступ в министерские канцелярии.

¹ П. А. Столыпин: Биохроника. М., 2006. С. 212.

ДЕПУТАТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ — КАДЕТЫ И РУССКО-БРИТАНСКИЕ СВЯЗИ

СЕЛЕЗНЕВ ФЕДОР АЛЕКСАНДРОВИЧ,

доктор исторических наук,
профессор Института международных отношений
и мировой истории

Национального исследовательского
Нижегородского государственного
университета имени Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия;
e-mail: fseleznev@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается роль депутатов Государственной думы — конституционных демократов — в развитии связей между Россией и Великобританией. Автор показывает, как конституционные демократы смягчали противоречия между Россией и Англией. Анализируется поездка российских депутатов в Англию в июне 1909 года.

Ключевые слова: русско-английские отношения, история Ирана, III Государственная дума, поездка депутатов Государственной думы в Англию, П. Н. Милюков.

Образ Англии в русском общественном сознании начала XX века не был одномерным¹. С одной стороны, имели место проявления англофобии². С другой стороны, симпатии к Великобритании, с ее политическими и гражданскими свободами, были обычным элементом мировоззрения членов крупнейшей оппозиционной российской партии — конституционно-демократической (или партии народной свободы).

Вполне естественно, что эта партия приветствовала начавшиеся в 1906 г. русско-английские переговоры о разграничении интересов двух стран в Азии. При этом кадеты желали не просто разрядки напряженности в отношениях Петербурга и Лондона. «Что касается до задач конкретной международной политики, то здесь на первом плане должна по нашему мнению стать подготовка союза (курсив мой — *Ф.С.*) с Англией», — написал в январе 1907 г. член ЦК партии народной свободы С. А. Котляревский³. Отметим, что это заявление было сделано в тот момент, когда отношение правящих кругов Российской империи к договоренности с Великобританией окончательно еще не определилось. Когда же русско-английское соглашение о разделе сфер влияния в Азии

¹ Давидсон А. Б. Образ Британии в России XIX и XX столетий // Новая и новейшая история. 2005. № 5. С. 51–64.

² Колоницкий Б. И. Политические функции англофобии в годы Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquium). СПб., 1999. С. 274.

³ Котляревский С. А. Партия народной свободы и внешняя политика // Вестник партии народной свободы. 1907. № 2. 11 января. Стб. 81.

было подписано (август 1907 г.), кадеты приложили много сил к тому, чтобы общественное мнение страны воспринимало его как союз.

При этом они старались всячески сглаживать время от времени дававшие о себе знать противоречия Российской и Британской империй. В этой связи И. Е. Воронкова отметила «осторожность, тактичность, а зачастую и оправдательный характер замечаний кадетов в отношении внешней политики Англии». Как полагает исследовательница, такое отношение конституционных демократов к Великобритании было вызвано «пониманием ценности ее дружбы в плане как международной, так и внутренней политики России»¹.

Особенно четко это проявилось в реакции конституционных демократов на события в Персии, где в 1908 г. шла острая борьба между шахом и сторонниками ограничения его власти. Руководящим центром конституционалистов являлся меджлис (парламент). Под контролем противников шаха находилась обширная область на северо-западе страны — Персидский Азербайджан. Шах Мохаммед-Али оставался у власти только благодаря поддержке России. Опорой монарха была казачья бригада, созданная в 1879 г. русскими офицерами. С 1906 г. ею командовал полковник В. П. Ляхов. По просьбе шаха он летом 1908 г. разогнал меджлис². Дальше встал вопрос о вводе русских войск для борьбы с революционным движением в Персидском Азербайджане.

Все это грозило нарушить баланс интересов Российской империи и Великобритании в Персии. Кадетская газета «Речь» 9 июля 1908 г. определила произошедшее как «испытание» англо-русского соглашения. Действительно, в Лондоне многие парламентарии выразили обеспокоенность политикой России. В октябре 1908 г. они создали Персидский комитет, объявивший своей целью защиту независимости и целостности Персии от посягательств России. В этой ситуации П. Н. Милюков при обсуждении вопросов внешней политики на заседании Государственной думы 31 декабря 1908 г. резко осудил действия полковника Ляхова в Персии и охарактеризовал готовящиеся «приготовления к оккупации» этой страны как «авантюру»³.

В это время Николай II выступал за продолжение поддержки шаха, даже путем вооруженной интервенции. Министр иностранных дел А. П. Извольский был не склонен с ней спешить, учитывая возможную негативную реакцию англичан. П. А. Столыпин тоже ратовал за единство действий с Англией, полагая, что если дойдет дело до интервенции, она должна была быть согласованной и общей с британцами⁴.

¹ Воронкова И. Е. Кадеты о русско-английских отношениях в конце XIX — начале XX в.: источники антагонизма и основы согласия // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. История. 2009. № 4 (12). С. 18.

² Пикатова Н. В. Русское общественное мнение и политика России в Персии в 1905–1909 гг. // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2011. Вып. 3. С. 175.

³ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1908. Ч. I. Стб. 2699–2701.

⁴ Бестужев И. В. Борьба в России по вопросам внешней политики: 1906–1910. М., 1961. С. 313.

В условиях отсутствия единства в верхах позиция кадетов, хотя они и находились в III Государственной думе в меньшинстве, имела немало-важное значение. Их лидер П. Н. Милюков считался ведущим парламентским специалистом по международным делам. К тому же под контролем кадетов находилось значительное количество популярных печатных изданий. Они постоянно критиковали действия Ляхова и реакционную политику шаха, что соответствующим образом формировало общественное мнение. А это, в свою очередь, помогло сторонникам сближения с Англией в правительстве в 1909 г. добиться перевеса. В. П. Ляхов был отозван из Персии. Россия ослабила поддержку шаха Мохаммеда-Али. Он был низложен и заменен на троне сыном, который вновь созвал меджлис.

Подобное развитие событий не только отвечало интересам английской дипломатии в Персии, но и создавало почву для общеполитического сближения России и Великобритании, что в условиях нараставшего англо-германского противоборства для Лондона было весьма актуально. В этой связи английские правящие круги возлагали большие надежды на приезд Николая II в Англию, намеченный на июль 1909 года.

Однако английское общественное мнение пока не было готово воспринимать царскую Россию в качестве союзницы. Англичане привыкли враждебно относиться к русскому самодержавию. В их стране находили надежный приют все противники российской власти, начиная с А. И. Герцена и участников народнического движения. С целью их моральной и финансовой поддержки в 1890 г. в Лондоне было основано «Общество друзей русской свободы»¹. Для английского читателя оно издавало ежемесячник «Free Russia» («Свободная Россия»), редактором которого был знаменитый революционер-террорист С. М. Кравчинский, убийца шефа жандармов Н. В. Мезенцева, оказавшийся талантливым беллетристом. Благодаря книгам Кравчинского, таким как издававшаяся несколько раз большими тиражами «Russia under the Tsars» («Россия под царями»), англоязычный читатель привык противопоставлять царскую Россию «свободной России» будущего. И, конечно, приезд русского монарха неминуемо бы вызвал в Англии протест.

Чтобы предотвратить проявления вражды по отношению к русскому императору, которые могли привести к новому охлаждению в отношениях двух стран, руководство британского кабинета решило предварительно пригласить в Англию делегацию российского парламента (Государственной думы и Государственного совета), включая и оппозиционных депутатов. Их приезд должен был продемонстрировать английскому общественному мнению, что в политическом строе России произошли положительные изменения. И она, благодаря царю Николаю II, движется к идеалу конституционной монархии.

Вопрос о приглашении российских парламентариев решался на уровне британского министра иностранных дел Э. Грея. Организатором

¹ Good E. J. America and the Russian Revolutionary Movement, 1888–1905 // Russian Review. 1982. Vol. 41. No. 3. P. 276.

визита стал профессор русской истории, языка и литературы Ливерпульского университета Бернард Пэрс, регулярно приезжавший в Россию и хорошо знакомый с российскими политиками¹.

В составе делегации было 18 депутатов. Трое из них (П. Н. Милюков, В. А. Маклаков, М. В. Челноков) принадлежали к думской фракции Народной Свободы².

Английские левые сразу начали демонстрировать недовольство предстоящими визитами депутатов и царя. В виде протеста лидер лейбористов Артур Гендерсон и его коллега Кейр-Гарди во время дебатов в британском парламенте призвали урезать смету министерства иностранных дел. И хотя их предложение было отклонено 187 голосами, 79 депутатов его поддержали. Популярная газета «Дейли ньюс» написала, что в Англии будут рады видеть только депутатов Государственной думы от конституционно-демократической партии, особенно Милюкова, а Николаю II приезд нужно запретить. 13 июня 1909 г., когда российские депутаты уже находились в Лондоне, «Дейли ньюс» и еще несколько газет опубликовали манифест лейбористов с резким осуждением визита Николая II³.

В тот же вечер большая часть российских депутатов собралась, чтобы решить, как реагировать на этот демарш. Член Государственного совета М. А. Стахович потребовал, чтобы вся делегация немедленно покинула Лондон. Однако другие парламентарии выступили за то, чтобы остаться, но осудить манифест лейбористов печатным протестом. Соответствующий текст был составлен. Было решено, что его должны подписать все участники делегации, включая представителей оппозиции, т. е. конституционных демократов. Однако их лидер П. Н. Милюков отказался это сделать. Причины можно понять из его воспоминаний: руководитель кадетов осуждал роспуск I и II Думы и критически относился к III Думе. Он также симпатизировал лейбористам. И напрасно Пэрс «просиживал целыми часами» в гостиничном номере Милюкова, всячески убеждая его подписать общую декларацию⁴.

Однако в итоге Пэрс нашел выход. Ответ российской делегации подписали ее глава Н. А. Хомяков и от имени оппозиции кадет В. А. Маклаков. Что касается Милюкова, то он (по доброй воле или под воздействием каких-то рычагов) повторил основные идеи этого документа в двух своих важных публичных выступлениях. 15 июня в Ливерпульской торговой палате он заявил: «Прежде всегда было две России — официальная и народная», но теперь, «когда России дарована конституция, Россия — одна». Особенно большой резонанс вызвало выступление П. Н. Милюкова 19 июня

¹ Алексеева И. В. Последнее десятилетие Российской империи: Дума, царизм и союзники России по Антанте. 1907–1917 годы. М.; СПб., 2009. С. 158–160, 163–164.

² Давидсон А. Б. В годы сердечного согласия: англо-русские общественно-политические контакты накануне и во время Первой мировой войны // Россия и Британия. Вып. 5: На путях к взаимопониманию / отв. ред. и сост. А. Б. Давидсон. 2010. М., 2010. С. 37–38.

³ Алексеева И. В. Указ. соч. С. 161, 172–173.

⁴ Милюков П. Н. Воспоминания (1859–1917). М., 1990. Т. 2. С. 35.

1909 г. на завтраке у лорд-мэра Лондона. Лидер кадетов начал с того, что присутствующие не дождутся от него восхваления существующих в России «конституционных учреждений»: русская либеральная оппозиция желала бы, чтобы права Думы были значительно расширены, а избирательное право демократизировано. Однако далее он выразил сожаление по поводу газетного «недоразумения» (отказ царю в приглашении в Англию) и заявил: «До тех пор, пока в России существует Законодательная Палата представителей с правом контролировать бюджет, русская оппозиция остается Оппозицией Его Величества, а не Его Величеству»¹.

После публикации ответа депутатов Государственной думы на манифест лейбористов обстановка вокруг российской делегации и будущего визита царя нормализовалась. К российским депутатам стали относиться доброжелательно и дружелюбно. Один из них, конституционный демократ М. В. Челноков, с восторгом вспоминал, как в Эдинбурге русским гостям показали регалии шотландских королей (меч, щит, корону, два скипетра и державу). Большое впечатление на него произвели прогулка на автомобилях, а также зрелище гонок лодок по Темзе².

Совместное неформальное времяпровождение способствовало сближению представителей различных российских партий. Пэрс полагал, что оно в будущем сделало возможным их объединение в Прогрессивный блок³. В известной степени с этим можно согласиться. По нашему мнению, Прогрессивный блок в годы Первой мировой войны будет создан для достижения одной общей цели его участников — доведения войны с немцами до победного конца, т. е. на антигерманской основе⁴. А антипатия к Германии тогда во многом была производной от симпатии к ее сопернице Англии.

Симпатии к Великобритании в разной степени проявляли все участники российской делегации, приехавшей в 1909 г. в Лондон. Но у большинства депутатов эти симпатии были обусловлены какими-то личными причинами. Например, член фракции умеренно-правых В. А. Бобринский учился в Эдинбурге. И когда он вместе с другими российскими депутатами приехал в этот город, то в восторге закричал: «Джентльмены, я здесь, я один из тех, кто вернулся вновь, и поверьте, я был более горд, когда я был выбран в студенческий совет Эдинбургского университета, чем когда я был выбран в Думу»⁵. И только у конституционных демократов позитивное отношение к Англии имело прочный идеологический фундамент. Это обусловило особую роль депутатов-кадетов в развитии русско-британских политических связей.

¹ Алексеева И. В. Указ. соч. С. 173, 174, 177.

² Селезнев Ф. А. «У нас беда — страшная привычка к словам...». Письма депутата Государственной думы М. В. Челнокова к графине Е. А. Уваровой. 1903–1912 гг. (продолжение) // Исторический архив. 2004. № 2. С. 109.

³ Алексеева И. В. Указ. соч. С. 165.

⁴ Селезнев Ф. А. Революция 1917 года и борьба элит вокруг вопроса о сепаратном мире с Германией (1914–1918 гг.). СПб., 2017. С. 81–90.

⁵ Алексеева И. В. Указ. соч. С. 175.

«АНГЛИЯ — ЕДИНСТВЕННАЯ ШКОЛА, КОТОРАЯ ГОДНА НАМ»: БРИТАНСКИЙ ПАРЛАМЕНТ В ОСВЕЩЕНИИ КАДЕТСКОЙ ПЕЧАТИ В 1906–1907 гг.

ПОРТНЯГИНА НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА,

кандидат исторических наук,

доцент Института истории

Санкт-Петербургского государственного университета,

Санкт-Петербург, Россия;

e-mail: n.portnyagina@spbu.ru

Аннотация: Статья посвящена проблемам освещения кадетской печатью британского парламента в 1906–1907 гг. Автор приходит к выводу о том, что кадеты, выделяя положительные черты британского парламента, идеализировали парламентарный строй Великобритании, не замечая доминирования исполнительной власти в британской системе управления и отсутствия полноценного контроля за ней со стороны законодательной власти. Занятые борьбой с правительством, они видели в британском парламенте прежде всего то, что хотели бы видеть в русском, поэтому привлекали для обсуждения в прессе те материалы, которые могли бы им помочь решить насущные политические проблемы или обосновать занимаемую ими политическую позицию. Статья написана на основе материалов периодической печати того времени.

Ключевые слова: I и II Государственные думы, Великобритания, британский парламент, кадеты, кадетская печать, журналисты.

В начале работы II Думы «Речь» писала: «Работа Думы — это работа строительства. Дума — зодчий и каменщик, она должна перестроить наш „дом“, превратить полицейскую кордегардию или военную казарму — архитектурный тип бюрократической России — в обитаемое человеческое, гражданское жилье»¹. Разумеется, именно Великобритания, «передовая страна европейского либерализма»², и британский парламент с его многовековой историей стали неисчерпаемыми источниками образцов для кадетов во времена кардинальной перестройки общественной жизни России.

Политическая жизнь Британии всегда влияла на формирование мировоззрения российских либералов. Неслучайно П. Н. Милюков писал, что его «зимовка в Англии» в 1903–1904 гг. помогла «выработать в подробностях мое собственное политическое мировоззрение, и только впоследствии я мог оценить все значение для меня моих лондонских наблюдений»³. Хорошее знание истории британского парламента кадеты

¹ Речь. 1907. 21 февраля.

² Речь. 1906. 4 июня.

³ Милюков П. Н. Воспоминания (1859–1917) / Сост. и авт. вст. ст. М. Г. Вандалковская. Комментарий и указатель А. Н. Шаханова. М., 1990. Т. 1. С. 232.

использовали в период выборов в I и II Государственные думы. Только они смогли провести эти выборы организованно, дисциплинированно, «на европейский манер» и выиграть их. При обсуждении в парламенте многих законопроектов они апеллировали к опыту британцев. Например, когда кадеты внесли законопроект о неприкосновенности личности в I Думу, а потом повторно и во II Думу, они ссылались на опыт Британии, «родины современной гражданской и политической свободы», в которой именно неприкосновенность личности была завоевана раньше других свобод¹. Английский опыт использовался ими даже при построении структуры газеты «Речь». Редакция старалась вести ее по образцу лондонской «Таймс»². Но все-таки как воспринимали кадеты британский парламент? Что именно им было интересно в его истории и практике? Какие проблемы британского парламента они считали нужным обсудить с широкой общественностью своей страны? Считали ли они себя учениками по отношению к британскому опыту? Решению этих вопросов посвящена данная статья.

Восприятие кадетами британского парламента нашло отражение в их прессе. Обратимся к кадетской периодике 1906–1907 гг., периоду формирования российского парламента. Британский парламент становился героем кадетской печати в это время достаточно часто, прежде всего, на страницах столичных газет и журналов («Речь», «Русские ведомости», «Новь», «Реформа», «Вестник партии народной свободы», «Право», «Русская мысль» и др.). В провинциальных газетах таких материалов немного. Некоторые публикации принадлежали перу видных кадетов: В. М. Гессену, Ф. Ф. Кокошкину, С. А. Котляревскому, А. В. Тырковой, другие размещались без указания авторства, отражая мнение редакции. «Русские ведомости» часто публиковали репортажи своего постоянного сотрудника и корреспондента газеты в Лондоне И. В. Шкловского, известного под псевдонимом Дионео. Он печатался и в «Речи». Благодаря этому автору, по словам П. Н. Милюкова, вся Россия следила «за успехами прогрессивных идей в старой стране политической свободы»³. Дионео много писал и для «Русского богатства», что дало возможность В. И. Ленину определить направление «Русских ведомостей» как «своеобразно сочетающих правый кадетизм с народническим налетом»⁴. На страницах «Русской мысли» и «Русских ведомостей» нередко можно было прочесть работы известного историка С. Ф. Фортунатова, также считавшегося большим знатоком политической системы Великобритании.

Прежде всего, Англия воспринималась кадетами как классическая страна гражданской свободы, усиленное общение с которой в период становления русского парламента, по их мнению, могло бы быть

¹ Речь. 1907. 21 февраля.

² Махонина С. Я. История русской журналистики начала XX века. Учебное пособие. М., 2002. С. 79.

³ Милюков П. Н. Воспоминания (1859–1917). Т. 1. С. 229.

⁴ Ленин В. И. Откровенные речи либерала // Ленин В. И. ПСС. М., 1973. Т. 23. С. 193.

полезно для российских граждан, имеющих менее развитую культуру и смутное понимание основ гражданской жизни¹. Корреспондент нижегородской газеты писал, повторяя давние мысли А. И. Герцена: «Англия — единственная школа, которая годна нам»². Многие стороны жизни английского парламента вызывали восхищение журналистов. Прежде всего, утверждение в Англии «нормальной» формы конституционной монархии — парламентарной, для которой характерно тесное взаимодействие между законодательной и исполнительной властью в противовес дуалистической, при которой исполнительная власть не зависит от законодательной³. Наличие сильной оппозиции в парламенте кадеты считали не только «необходимым условием правильного функционирования государственного механизма» в Британии, но и внесением «творческого элемента в государственную жизнь»⁴. Положительная роль оппозиции виделась кадетам в том, что она поднимает все вопросы внутренней и внешней политики, необходимые для контроля над государственным механизмом. Журналисты особо отмечали, что ни правительство, ни страна не считали такие обсуждения потерей времени⁵. Одним из самых важных уроков существования британского парламента кадеты находили в его постоянной демократизации, которая совместно с широкими политическими свободами позволяла Англии развиваться эволюционным путем и решать многие социальные проблемы, такие как установление пенсий для рабочих, ответственности предпринимателей за жизнь и здоровье работников, 8-часового рабочего дня в некоторых отраслях промышленности, проведение широкой реформы народного образования и др.⁶. Кадетская пресса не раз отмечала при этом, что парламентарная монархия в Англии складывалась постепенно, исторически, борьба парламента за власть была многовековой⁷, и целый ряд обстоятельств содействовал ее успеху: равнодушие к английским делам двух первых Георгов, существование в течение долгого времени только двух больших партий в палате общин, развитое местное самоуправление, которое постепенно готовило общество к политической жизни⁸.

В 1907 г. «Русские ведомости» опубликовали 5 больших очерков о парламентаской жизни Англии, автором которых был Дионео. Он полагал полезным и поучительным для граждан России сопоставление

¹ Ветринский Ч. К сближению России и Англии. Забытые мысли Герцена // Нижегородский листок. 1907. 9 марта.

² Ветринский Ч. К сближению России и Англии. Забытые мысли Герцена // Нижегородский листок. 1907. 10 марта.

³ Фортунатов С. Парламентарная монархия // Русская мысль. 1907. № 5. С. 80.

⁴ Русские ведомости. 1906. 4 февраля.

⁵ Дионео. Очерки парламентаской жизни в Англии. 2. Бюджет // Русские ведомости. 1907. 19 апреля.

⁶ Русские ведомости. 1906. 30 августа.

⁷ Борьба за власть. Социолог // Речь. 1906. 3 августа.

⁸ Фортунатов С. Парламентарная монархия // Русская мысль. 1907. № 5. С. 80–81.

повседневной работы «самого младшего из парламентов, собранного в грозу, с самым старым народным собранием, деятельность которого течет спокойно»¹. Дионео выбрал для подробного освещения такие стороны жизни британского парламента, как его законодательная работа, принятие бюджета, деятельность спикера палаты общин, формирование кабинета министров и роспуск палаты². Эту серию статей автор начал с подробного освещения роли председателя палаты общин, который одним только своим выходом поддерживал «уважение к институту, седому от времени, как парик первого коммонера»³. Он особо отметил сдержанность спикера и его беспристрастность по отношению к депутатам разных парламентских партий. С точки зрения автора, британский парламент своей работой способствовал созданию практически идеальной государственной машины. Он заставил британских министров тщательно формировать бюджет, добился действенного контроля над государственным механизмом, уничтожения казнокрадства, упрощения бюрократической жизни страны. Автор обратил внимание своих читателей на то, что благодаря парламентарной монархии британцам всякий раз удается создавать компетентное правительство, исключать злоупотребление властью со стороны министров, защищать интересы всех социальных и национальных групп путем включения в состав правительства представителей рабочих и национальных меньшинств.

Газеты часто отмечали корректность британского парламента⁴, послушание и уважение к спикеру палаты общин, атмосферу джентльменства и дисциплинированной непринужденности. Публицисты не раз писали, что подобная атмосфера выгодно отличает палату общин от Государственной думы, в которой депутаты ни разу не извинялись перед председателем: «чтобы депутат ни сделал, он считает себя правым, и если не отвечает прямо грубостью на замечание председателя, то во всяком случае прощения не просит»⁵.

Большинство сюжетов из жизни британского парламента, которые выбирали для освещения кадетские публицисты, так или иначе касались проблем, которые решала партия в это время: борьба с бюрократией, консерваторами, верхней палатой, создание кадетского правительства, проблема осуждения террора, отмены военно-полевых судов и др.

¹ Дионео. Очерки английской парламентской жизни. Первый коммонер // Русские ведомости. 1907. 25 марта.

² Дионео. Очерки английской парламентской жизни. Первый коммонер // Русские ведомости. 1907. 25 марта; *его же*. Очерки парламентской жизни в Англии. 2. Бюджет. // Русские ведомости. 1907. 19 апреля; *его же*. Очерки парламентской жизни в Англии. 3. Законодательная работа // Русские ведомости. 1907. 17 мая; *его же*. Очерки английской парламентской жизни. 4. Формирование кабинета // Русские ведомости. 1907. 17 июня; *его же*. Очерки парламентской жизни в Англии. 5. Роспуск палаты // Русские ведомости. 1907. 21 июля.

³ Дионео. Очерки английской парламентской жизни. Первый коммонер // Русские ведомости. 1907. 25 марта.

⁴ Вергежский А. Феминизм // Реформа. 1906. 20 апреля.

⁵ Рапопорт С. И. Поведение членов парламента // Реформа. 1907. 28 апреля.

Кадетская пресса бурно приветствовала победу британских либералов на выборах в парламент в 1906 г., а также появление на политической арене страны новой парламентской партии, партии лейбористов¹. Кадеты полагали, что либеральная партия «сделает попытку осуществить идеал английского либерализма, мечтающего о примирении интересов отдельных классов общества без потрясений, путем проведения практических реформ»². Консерваторы подвергались в это время резкой критике со страниц кадетских газет за милитаризм³, за излишнее обращение к патриотизму, которым они затуманивали сознание народа (в этом смысле английских консерваторов газеты сравнивали с русскими)⁴, за затягивание необходимых для страны демократических реформ⁵. При этом не раз подчеркивалось, что парламентская оппозиция также служит своей стране, а ее вожди пользуются таким же официальным признанием, как члены правительства⁶.

Большое значение британского парламента кадеты видели в его возможности контролировать бюрократию. «Речь» писала: «деятельность администратора продолжается до тех пор, пока о ней не узнают пресса и английский парламент». Правда, английские бюрократы, по мнению кадетских журналистов, отличались от русских. Они обладали умом, образованием, просвещением, честностью, в то время как русские чиновники представлялись им исключительно «щедринскими героями», глубоко невежественными и продажными⁷.

Глубокое уважение граждан Великобритании к закону, по мнению кадетской прессы, коренилось в том, что они видели в законе «свою собственную волю», поскольку он принимался парламентом, а не являлся произволом администрации⁸. «Уважение к праву, — писала „Речь“, — воспитано веками и свойственно в одинаковой степени английскому чиновнику и английскому гражданину»⁹. Особое внимание журналисты уделяли практике принятия законов в Великобритании. Они считали правильным, что работа над новыми законами в парламенте Англии начиналась после его единодушного одобрения общественным мнением¹⁰. Если же парламент вдруг принимал закон, идущий вразрез с общественным мнением, то общество со временем заставляло отказаться от него:

¹ Русские ведомости. 1906. 15 января; Нижегородский листок. 1906. 12 января; Свобода и право. 1906. 12 января.

² Русские ведомости. 1906. 20 января.

³ Там же.

⁴ Русские ведомости. 1906. 11 января.

⁵ Русские ведомости. 1907. 18 января.

⁶ Русские ведомости. 1906. 4 февраля.

⁷ Дионео. Об одних дебатах // Речь. 1906. 25 марта.

⁸ Там же.

⁹ Д. Л. Недоразумение между проф. Ковалевским и английской конституцией // Речь. 1906. 21 июня.

¹⁰ Межуев Л. Г. Восьмичасовой рабочий день в Западной Европе, Америке и Австралии // Русская мысль. 1906. № 3. С. 4–6.

«англичане крайне чутки к каждой реакционной мере, в какой бы форме она ни проявлялась»¹.

В центре внимания кадетов, боровшихся в это время за формирование кадетского правительства, было британское парламентарное министерство. Исполнительная власть, ответственная перед парламентом, считалась кадетами наилучшей, так как государство в этом случае устойчиво и эффективно², а престиж британского монарха сохраняется при любых обстоятельствах («король не может делать зла», во всем виноваты дурные советники)³. Основные плюсы такого министерства, с точки зрения С. Ф. Фортунатова, заключались в доверии народа, поскольку, по сути, английский кабинет являлся одним из самых важных комитетов парламента. Более того, по его мнению, неправильно считать, что в Англии исполнительная власть подчиняется законодательной, так как обе они изъявляют волю избирателей. Это видно из права кабинета распускать палату общин, если она не выражает более мнения народа⁴.

Реформированный Госсовет кадеты восприняли враждебно: они считали его органом, направленным против народного представительства. А. Каминка писал в апреле 1906 г.: «Вопрос о двух палатах спорный. Партия не высказывалась за две палаты, она лишь допускала для членов партии возможность быть сторонниками двух палат»⁵. При этом, в любом случае, по мнению автора, речь шла о выборности верхней палаты. Поэтому кадеты не принимали аргумент своих оппонентов о существовании двух палат в британском парламенте в поддержку такой же системы в России. Кадетская пресса резко критиковала палату лордов. Она отмечала, что двухпалатная система сложилась в Англии исторически, однако, в современном мире верхняя палата потеряла всякое свое значение и смысл, а право на существование получает только ценою «своего ничтожества»⁶. Она не выбирается, не ответственна, ей не доверяет народ⁷, но при этом она имеет возможность тормозить законодательную работу, является оплотом родовых привилегий, практически не связана с национальной жизнью⁸. Существование палаты лордов в Британии трактовалось кадетами как политическая отсталость, пережиток старых политических форм, вредное действие которого отчасти парализовано жизнью. От этой палаты, не представляющей интересы народа, по их мнению, нельзя ничего ожидать, кроме «консервативной, реакционной,

¹ Русские ведомости. 1906. 10 марта.

² Борьба за власть. Социолог // Речь. 1906. 3 августа.

³ Кареев Н. Нам нужно парламентарное министерство // Речь. 1906. 3 мая.

⁴ Фортунатов С. Парламентарная монархия // Русская мысль. 1907. № 5. С. 82, 91.

⁵ Каминка А. Государственный совет // Вестник партии народной свободы. 1906. 19 апреля. С. 486–487.

⁶ Гессен В. О двухпалатной системе // Право. 1906. 6 августа. Стб. 2525.

⁷ Новь. 1906. 17 января.

⁸ Новь. 1906. 20 декабря.

антидемократической и вообще враждебной народу политики»¹; она перестала быть собранием благоразумных людей, но превратилась в ультраконсервативное крыло торийской партии².

Один из лидеров партии С. А. Котляревский писал: «Нам требуется известная доля воображения, чтобы понять, как при этой демократизации Англии, которая происходит по всей линии, палата лордов остается нетронутой. Этот прирожденный нации психологический консерватизм, который не равен косности и своекорыстию мысли и который с удивительной способностью приспосабливается к новым требованиям жизни, представляет для нас что-то загадочное»³. Газеты уверенно говорили о том, что очень скоро Англию ждет либо уничтожение палаты лордов, либо ее серьезная реформа⁴, поскольку борьба с нижней палатой лордам не по силам, так как среди них мало талантливых и просто умных депутатов⁵. В прессе приводились всевозможные проекты реформирования палаты лордов: от ее уничтожения до преобразования в выборное демократическое учреждение⁶. Некоторые публицисты, правда, отмечали определенную политическую гибкость палаты лордов, умеющую вовремя пойти на уступки и проголосовать, пусть и скрепя сердце, за законопроекты, которые поддерживает большинство населения страны. Например, отклонив школьный билль, предложенный палатой общин, палата лордов приняла два рабочих билля⁷. И лишь газета «Реформа» заняла совершенно особую позицию. Она указала на то, что британцы сохраняют свою верхнюю палату не из-за дани традициям, а в качестве противовеса случайным увлечениям случайного большинства палаты общин: «Введение парламентской гильотины для пресечения прений не обеспечивает полной обдуманности всех решений»⁸.

Иногда газеты прибегали к прямому сравнению русского и английского парламентов. Кадетов задевали обвинения в адрес русской Думы в «бесполезной болтовне». Пресса с удовольствием отмечала, что работоспособность Думы значительно выше, чем работоспособность английского парламента, который несколько месяцев, с февраля 1906 г., обсуждал третьестепенный школьный билль и к концу сессии рассмотрел его только в комитетской форме. А русская Дума за два месяца подняла серию вопросов, которую английский парламент разрешал в течение

¹ Кистяковский Б. Как осуществить единое народное представительство? // Русская мысль. 1907. № 3. С. 122.

² Русские ведомости. 1907. 18 января.

³ Котляревский С. Иностранная политика // Русская мысль. 1907. № 3. С. 214.

⁴ Новь. 1906. 17 января; Новь. 1907. 11 января; Новь. 1907. 17 января; Новь. 1907. 1 февраля; Котляревский С. Иностранная политика. Англия // Русская мысль. 1907. № 3. С. 211–215; Русские ведомости. 1907. 18 января.

⁵ Русские ведомости. 1906. 11 мая; Котляревский С. Иностранная политика // Русская мысль. 1907. № 3. С. 213.

⁶ Новь. 1907. 1 февраля.

⁷ Русские ведомости. 1907. 3 января.

⁸ Реформа. 1907. 1 мая.

250 лет, при том, «что в Англии нет губернаторов, по поводу беззаконий которых нужно делать постоянные запросы, нет карательных экспедиций, нет военных судов, административных ссылок, погромов, типографий, печатающих в министерстве внутренних дел призывы к убийствам и грабежам»¹.

Кадетская пресса сопоставила русский и английский варианты подавления беспорядков, а именно выступления в Ирландии против власти в 1907 г. и революционные события в России. Русскому правительству ставилось в пример английское, осознавшее, что замирить недовольный край может только такой парламент, который пользуется народным доверием. Именно поэтому оно отказалось от проекта, выработанного ранее консервативным министерством, дававшим колониям подобранную палату народных представителей. Правительство осознало, что такая палата приведет не к успокоению страны, а только вызовет всеобщее раздражение. «Правительство, против которого существует обвинение в политическом шулерстве, теряет всякое уважение в глазах народа», — писали «Русские ведомости»².

Публицисты любили проводить параллель между русскими и английскими консерваторами-парламентариями. Консервативная парламентская партия неизменно критиковалась русской леволиберальной прессой, но все же, по ее мнению, английские консерваторы выгодно отличались от русских элементарной порядочностью и верным глазомером. Они умели точно определить тот момент, после которого сопротивление реформам политически невыгодно. Например, они перестали возражать против мысли о необходимости введения самоуправления в Ирландии³. Иногда кадетские журналисты сравнивали британских консерваторов, особенно заседавших в палате лордов, с русскими черносотенцами. Так, летом 1907 г. В. Азов опубликовал в «Речи» пародию, написанную в духе публикаций «Русского знамени»: «Как только английская палата общин приняла билль о принудительном отчуждении земель на началах справедливой оценки в пользу ирландских фермеров, союз истинно английских людей поднял по всей стране шумную агитацию против этого возмутительного закона. Газеты „Английское знамя“, „Ливерпульские ведомости“ и даже официоз „Британия“ опубликовали сотни телеграмм, в которых требовали разгона палаты общин. Особенно агитировал против палаты общин бирмингемский отдел союза английского народа и его предводитель — известный английский патриот мистер Джек-Потрошитель»⁴.

Свой проект решения аграрного вопроса, представленный I Думе, кадетская пресса считала вполне сопоставимым с аграрными

¹ Русские ведомости. 1906. 15 июля.

² Русские ведомости. 1907. 22 февраля.

³ Русские ведомости. 1907. 14 февраля.

⁴ Азов В. Рассказы из английской истории. Истинно-английские люди // Речь. 1907. 3 августа.

законопроектами для Шотландии, Англии и Уэльса, рассматривавшимися в английском парламенте. Кадеты полагали, что они похожи своей направленностью против крупных землевладельцев и идеей сделать землю доступной народу¹.

Серьезной проблемой российского общества в это время был террор, который буквально захлестнул страну. По неполным данным Департамента полиции только с февраля по май 1906 г. террористы убили и тяжело ранили 1421 человека, а в 1907 г. было совершено 3487 терактов². Кадеты не осудили его ни в печати, ни в Государственной думе, полагая, что он поможет им в политической борьбе. Весной — летом 1906 г. в партии было популярно мнение Н. В. Тесленко, высказанное им на совещании ЦК с представителями губернских комитетов. Он призывал тогда использовать тактику левых для достижения своих политических целей: «Мы не сочувствуем их тактике. А результатами пользуемся и поджигаем»³. П. А. Столыпин, желая добиться общественного осуждения террора и снижения его размаха, предложил кадетам взамен на осуждение II Думой террористических актов легализацию партии. Премьер был согласен даже на статью без подписи в «Речи», осуждающую террор⁴. Вместо этого «Речь» ссылалась на примеры из истории английского парламентаризма. Она указала, что еще в XVII–XVIII веках в Англии выпускались памфлеты, призывавшие к насильственному устранению человека, который посягает на конституцию, а в 40-е годы XIX в. находились защитники «священного права мятежа», в случае ее нарушения, и лишь после окончательного слома абсолютизма террор как средство борьбы был строго осужден общественным мнением страны⁵. «Русские ведомости» также напомнили читателям, что и англичане имели в своей истории эпоху, когда правительство не считалось с запросами общества, а насилие со стороны правительства вызывало заговоры, террор, мятежи и попытки свергнуть династию. Поэтому при Якове II появлялись памфлеты в защиту террора⁶.

Кадеты боролись во II Думе и за отмену положения о военно-полевых судах, введенных П. А. Столыпиным и направленных, прежде всего, против террористов. И в этом случае они обратились за подкреплением своей позиции к английскому парламентскому опыту времен революции XVII в. Ф. Кокошкин опубликовал большую статью в «Нови», демонстрирующую успешную борьбу английских депутатов с королем по этому вопросу, которую закончил словами: «Да будет

¹ Русские ведомости. 1907. 14 февраля; Русские ведомости. 1907. 23 мая.

² Леонов М. И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997. С. 129.

³ Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии: В 6-ти т. М., 1994. Т. 1. 1905–1911. С. 112.

⁴ Милюков П. Н. Воспоминания (1859–1917). Т. 1. С. 423–425.

⁵ Дионео. Эволюция законности в Англии // Речь. 1906. 19 сентября.

⁶ Русские ведомости. 1906. 23 августа.

и у нас сделано по сему желанию, как было сделано в Англии 300 лет тому назад»¹.

Кадеты нашли обоснование в британской истории и Выборгскому воззванию. В «Речи» появилась статья, в которой отмечалось, что в современной Англии население, не согласное с правительством, конечно, провалит его на выборах, а до того момента может оказывать ему пассивное сопротивление, т. е. отказываться от платежа налогов, что признано в Англии конституционным средством борьбы². Опытом английского парламента кадетская пресса воспользовалась, когда возник конфликт между правительством и Государственной думой по вопросу о праве думских комиссий приглашать в свою среду для показаний сведущих людей³.

Таким образом, кадеты, выделяя безусловно положительные черты британского парламента, явно были склонны идеализировать парламентский строй Англии. Их представление о британском парламенте как центральном институте в системе государственного управления Соединенного королевства далеко не соответствовало действительности начала XX века. Они не замечали очевидного доминирования исполнительной власти в британской системе управления, не видели отсутствия полноценного контроля за ней со стороны законодательной власти, а также четкого разделения властей в Великобритании. Безусловно, нельзя было считать палату общин и «голосом народа», поскольку в Британии в это время не было всеобщего избирательного права, совсем не имели избирательных прав женщины. Кадеты, занятые борьбой с правительством, видели в британском парламенте прежде всего то, что хотели бы видеть в русском, привлекали для обсуждения в прессе те материалы, которые могли бы им помочь решить насущные политические проблемы или обосновать занимаемую ими политическую позицию.

Воспринимали ли они себя учениками британцев? Чему они хотели учиться? С одной стороны, британский парламент был учителем русских левых либералов. Он был определенным образцом, на который они равнялись. По их мнению, англичане представляли русское государство «в его внутреннем строе, в его внешней политике, в его отношении к другим народам, как внутри, так и вовне безраздельным царством, чудовищным воплощением культа силы»⁴. Кадеты воспринимали его так же и боролись с ним. Они полагали, что чем быстрее Россия воспримет начала конституционного строя по примеру Англии, тем быстрее она станет равноправным членом в семье христианских народов Европы⁵.

¹ Кокошкин Ф. Как были отменены военно-полевые суды в Англии (историческая справка) // Новь. 1907. 2 марта.

² Дионео. Эволюция законности в Англии // Речь. 1906. 19 сентября.

³ Фортунатов С. Право парламентских комиссий в Англии // Русские ведомости. 1907. 1 апреля.

⁴ Д. Л. Англо-русские отношения // Речь. 1906. 2 сентября.

⁵ Котляревский С. А. Иностранная политика // Русская мысль. 1907. № 11. С. 180.

С другой стороны, они не хотели выучить главный урок, который давала история английского парламента — умение искать политические компромиссы для достижения целей, постепенность завоеваний, хотя сами не раз указывали на эти черты британского парламента и парламентских партий. Они не приняли этой идеи. Это хорошо выразил Н. Кареев: «Пусть не говорят, что нам нужно постепенно доразвиться до парламентарного строя. Нет, он должен быть введен немедленно»¹. По всей видимости, социалистические симпатии кадетов² не давали усвоить этот урок. Более того, они и не видели себя послушными учениками, а в учителях находили серьезные недостатки. Так, в целом давая положительную характеристику английской либеральной парламентской партии, кадетская пресса отмечала, что не только старый торизм, но и старый либерализм исчерпал себя; многих либералов в Англии пугают широкие социальные реформы³, в то время как кадеты настаивали на них и верили в то, что могут их осуществить.

Интересно, что П. А. Столыпин в беседе с Д. М. Уоллесом, корреспондентом газеты «Таймс», экспертом по России, в августе 1906 г. затронул проблему террора, черной сотни и убийства М. Я. Герценштейна. Премьер с раздражением заметил тогда, что кадеты «рассматривают смерть Герценштейна как событие европейской важности»⁴. Для представителя старой элиты России такие взгляды казались странными, а кадеты вполне серьезно рассматривали смерть популярного депутата Думы как событие европейской важности, а себя как великих людей, творящих историю. И в этом смысле они не могли видеть в себе лишь учеников пусть и лучшего парламента мира. Иногда они вели себя действительно как ученики: напрашивались на встречи с британскими дипломатами⁵, с нетерпением ждали приезда английской делегации в конце 1906 г. в Россию для вручения приветственного адреса председателю Думы С. А. Муромцеву⁶. Но эти действия, скорее, были вызваны не желанием чему-то поучиться у британцев, а желанием поднять авторитет партии, усилить ее политический вес.

Если же говорить о британских политиках-практиках, например, о дипломатах, аккредитованных в это время в России, то они были весьма невысокого мнения о кадетах-политиках. Слабым местом кадетов

¹ Кареев Н. Нам нужно парламентарное министерство // Речь. 1906. 3 мая.

² Селезнев Ф. И. Либералы и социалисты — предшественники кадетской партии // Вопросы истории. 2006. № 9. С. 22–34.

³ Русские ведомости. 1906. 15 января.

⁴ Report by Sir D. M. Wallace of a Conversation with Mr. Stolypine P. // United Kingdom National Archives. FO 371/127. № 27544. P. 4.

⁵ A. Nicolson to E. Grey. 8 October 1906 // UK NA. FO 371/129. № 34619. P. 1.

⁶ Портнягина Н. А. «Адрес русской Думе или русской революции»: обсуждение в периодической печати России прибытия английской делегации с приветствием Государственной думе // Таврические чтения 2017. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: Сб. науч. ст. / Под ред. А. Б. Николаева. СПб., 2018. Т. 1. С. 175–182.

посол Великобритании в России А. Николсон, либерал по политическим взглядам¹, считал доктринерство партии. Он писал: «Они любят дискутировать по абстрактным политическим теориям, а не заниматься решением неотложных дел»². Посол полагал, что лишь серьезное изучение кадетами любых реформ, которые правительство представит во II Государственную думу, даст России «перспективы мирной эволюции ... в сторону какой-либо формы конституционного правления»³. Кроме того, одной из главных отрицательных черт кадетов он видел их нежелание идти на компромиссы с властью. А. Николсон писал в Лондон в начале работы II Думы, имея в виду кадетов и революционные партии: «в более старых парламентах с традициями крепкий председатель палаты и кодекс правил процедуры держали бы крайние секции под контролем, и их цели были бы разрушены, но в Думе эти сдерживающие факторы не существуют. Более того, многие полагают, что, прежде чем обсуждать какие-либо законодательные меры, правительство необходимо спросить, возможно, призвать к ответу в связи с военно-полевыми судами, вмешательством в свободу выборов и другими делами, которые произошли с момента роспуска предыдущей Думы. Если этот курс будет принят, будут происходить длинные и ожесточенные дебаты, но мало будет полезного сделано для прогресса»⁴. По мнению посла, неделя подобных дебатов в палате сделает неизбежным ее второй роспуск.

Конечно, Англия и ее парламент были великолепной школой для либералов, но ее уроки русские левые либералы посчитали для себя не вполне годными.

ДИСКУССИЯ

Модератор — Игорь Константинович Кирьянов

И. К. КИРЬЯНОВ

Добрый день, коллеги!

Очень приятно, что мы все же собрались на очередные Таврические чтения, я весьма рад этому, но крайне удручен, что приходится работать в таком формате. Но у всего как минимум две стороны, и получается так, что наш дорогой оргкомитет желал нам всегда быть, как дома, и на этот раз мы действительно получаемся, как дома, и участвуем в этой конференции. К преподавательской деятельности в онлайн режиме добавилась еще и академическая.

¹ Nicolson H. Sir Arthur Nicolson. First Lord Carnock. A Study in the Old Diplomacy. L., 1937. P. 224.

² A. Nicolson to E. Grey. 9 January 1907 // UK NA. FO 371/320. № 2247. P. 1.

³ A. Nicolson to E. Grey. 19 November 1906 // UK NA. FO 371/129. № 39560. P. 1.

⁴ A. Nicolson to E. Grey. 4 March 1907 // UK NA. FO 371/321. № 6971. P. 1–2.

Переходим к обсуждению докладов Дмитрия Игоревича Портнягина, Кирилла Андреевича Соловьева, Федора Александрович Селезнева и Натальи Александровны Портнягиной. У Вас была возможность ознакомиться с ними. Прошу задавать вопросы авторам докладов. По сложившейся традиции я в первую очередь обращаюсь к основным участникам дискуссии. Но в то же время, наверное, для того, чтобы как-то организовать процесс вопросов и ответов, может быть, в чате будем записываться, кто желает задать вопрос, иначе я не увижу, кто желал бы задать вопросы. Давайте вот таким образом: кто желает задать вопрос, записывайтесь в чате.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

И. К. КИРЬЯНОВ

Пока Вы думаете, у меня будет вопрос. И, наверное, в первую очередь к Дмитрию Игоревичу, а возможно, и к Наталье Александровне.

Дмитрий Игоревич, вы говорили о реформе парламентской системы в Британии в начале XX века. И в этой связи те же самые левые либералы в России, прежде всего кадеты, говоря об английских образцах, ориентировались на вчерашний британский опыт или какой-то другой? И принимали ли они те реформы, которые происходили в Англии?

Д. И. ПОРТНЯГИН

Я попробую сказать. Я не могу стопроцентно утверждать, что это вот именно кадеты так воспринимали, но у нас обычно ведь как в целом воспринимается британский парламент большинством? Что некий такой вот образец вот этой либеральной демократии. Даже не парламент, а сама модель, вот эта вестминстерская модель государственного управления, где реализуются все эти классические принципы: принцип разделения властей и так далее, контроль законодательной власти над исполнительной. И вообще, кстати говоря, я не успел об этом сказать, в общем-то один из этих важнейших принципов британской неписаной конституции — это так называемый принцип суверенитета парламента. То есть предполагается, что, как один из крупнейших специалистов британских в области конституционного права Дайси сказал, «парламент может сделать все, что не противоречит физическим законам», — такая приблизительно фраза.

Я просто хочу сказать, что, наверное, скажем, у нас в России зачастую действительно Великобритания представляется как страна парламентской демократии. На самом деле те реформы, о которых я говорил, пытался говорить, реформы конца XIX — начала XX века, они действительно превратили парламент скорее в некий такой инструмент в руках исполнительной власти, эти реформы позволили действительно, безусловно, обеспечить доминирование исполнительной власти в Британии.

Если говорить о традиции, когда, скажем, парламент как таковой, как институт играл ведущую роль в системе управления, наверное, здесь

можно говорить, действительно начиная со времен Славной революции, когда начался этот постепенный переход к конституционной монархии, и на протяжении, скажем, большей части XVIII века — да, мы можем говорить о некоем таком доминировании парламента. А принцип разделения властей, собственно говоря, он по большому счету до недавнего времени в Великобритании не соблюдался. Очень ярко это характеризует фигура лорда-канцлера, который одновременно являлся и членом кабинета министров, и членом парламента, и одновременно еще и главой этих судебных лордов. Сейчас немножко там эта ситуация изменилась, поскольку Конституционный суд появился с 2009 года, а так никакого такого разделения властей там не существовало.

По поводу того, как кадеты воспринимали, может быть, Наталья Александровна что-то добавит.

Н. А. ПОРТНЯГИНА

Игорь Константинович, я буквально одно слово скажу.

Кадеты ориентировались на британский опыт и прошлого, и настоящего, в зависимости от того, что они обсуждали и что они хотели сказать.

Вот, например, если говорить о терроре, вот эта проблема, которая очень много обсуждалась на страницах кадетской печати. Кадеты, как известно, не осудили террор, хотя власть просила их это сделать, и не осудили его не только в своей прессе, но и в Думе. Когда им необходимо было, они, например, обратились к опыту британского парламента и британской истории, при этом они опирались на опыт британской истории XVII–XVIII веков, они говорили, что вот в это время существовали памфлеты, которые говорили о том, что возможно осуществлять террористические акты против людей, выступающих против демократии и свободы. То есть вот, пожалуйста.

Тем не менее они учитывали, по крайней мере это есть в прессе, опыт современного парламента. Они, например, приветствовали лейбористов: на выборах в 1906 году в парламент тогда пришли впервые лейбористы, — они очень это приветствовали, ассоциировали лейбористов с трудовой фракцией Государственной думы. То есть я хочу сказать, что они ориентировались и на опыт прошлого, и на опыт настоящего. По крайней мере они его знали, они его обсуждали, и это было им интересно.

И. К. Кирьянов: Спасибо. Владимир Валерьянович Калашников, вы готовы задать вопрос? Тогда Игорь Владимирович Омелянчук.

И. В. ОМЕЛЯНЧУК

Добрый день, уважаемые коллеги!

У меня такой к вам вопрос. А можно ли проследить какой-то социально-экономический базис политических предпочтений кадетов? Вот если мы говорим о помещиках, интересы которых объективно защищали правые, то они были заинтересованы в сотрудничестве с Германией: туда шел хлеб после побед в торговых войнах Витте, оттуда шли машины. Русская

буржуазия объективно не заинтересована была в сотрудничестве с Германией, потому что это конкурент. Вот Федор Александрович Селезнев, мне кажется, достаточно убедительно доказал, что кадеты — не буржуазная партия. Но почему, в чем этот базис, почему симпатии к Англии? Ведь парламенты были много где, а кадеты — именно английские симпатии. Есть ли тут какой-то социально-экономический интерес?

И. К. Кирьянов: Игорь Владимирович, к кому вопрос?

И. В. Омелянчук: Честно говоря, ко всем докладчикам, даже не могу определить адресата.

И. К. Кирьянов: Кто из докладчиков готов ответить на этот вопрос?

Ф. А. СЕЛЕЗНЕВ

В принципе я могу несколько слов сказать. На мой взгляд, все-таки не у каждой политической идеи может быть социально-экономический базис. И это касается и того сюжета, о котором мы сегодня говорим. Дело в том, что симпатии к Великобритании были на самом деле характерны не только для кадетов. Кирилл Андреевич об этом сказал, назвав несколько очень ярких деятелей из фракций правее кадетов, которые выражали симпатии к «Туманному Альбиону», к Великобритании, тот же Бобринский, например, и так далее. В очень интересных работах Натальи Александровны Портнягиной затрагивается сюжет отношений Столыпина с Англией, с английскими корреспондентами, где Столыпин также достаточно позитивно относится к английскому опыту. Куликов Сергей Викторович, на мой взгляд, прекрасно показал, что и для Николая Второго был интересен английский опыт. Но я думаю, что этот интерес не имел какой-то социально-экономической подкладки, здесь, наверное, нужно говорить о тех симпатиях идейных, которые возникают у русского дворянства к Великобритании еще в XVIII веке, в начале XIX века. Эта англомания, мне кажется, была бескорыстной. Бескорыстная любовь к Англии, вот так бы я сказал.

И. К. Кирьянов: Еще кто-то из докладчиков готов ответить?

И. В. ОМЕЛЯНЧУК

Если можно, очень маленькая реплика. Дело в том, что симпатии к Англии делились на симпатии к парламентаризму и на симпатии к монархии. И чем правее были симпатизанты, тем, мне кажется, больше они уделяли внимание именно монархии, форме существования монархии при парламенте, а чем левее, радикальнее, тем больше их интересовал именно парламент как форма, наоборот, не столько сотрудничества, сколько, наверное, доминирования над монархией, если с точки зрения кадетов. Может быть, я ошибаюсь, простите.

Д. И. ПОРТНЯГИН

Если можно, я пару слов скажу, с языка, что называется, сняли, я именно это и хотел сказать, что вся британская система управления — при желании

каждый может там найти то, что его будет интересовать, потому что корона — это, собственно говоря, тоже неотъемлемая часть этой парламентской системы. Кому-то лорды, кому-то монархия, кому-то палата общин, то есть в этом смысле каждый волен выбирать то, что ему нравится, и симпатизировать этому.

Спасибо.

И. К. Кирьянов: Я вижу, Дмитрий Владимирович Аронов желает задать вопрос.

Д. В. АРОНОВ

Добрый день, уважаемые коллеги!

С вашего позволения, у меня по большинству докладов вопрос общий. Опираясь на идеи, которые у Дмитрия Игоревича были в докладе, о доминировании исполнительной власти в системе английского парламентаризма, не кажется ли вам, что мы действительно пытаемся обсуждать разные вещи? А если посмотреть целиком на английскую систему, то мой старый тезис, что там разделения властей нет, там есть победившая в палате общин партия, которая формирует исполнительную власть, которая де-факто контролирует палату лордов, а вместе с королем они обеспечивают формирование судебной власти. И вот не кажется ли докладчикам, тем, кто касался этого вопроса, в частности Кирилл Андреевич много об этом говорил, я бы ему прооппонировал один тезис о том, что есть аналог так называемой симфонии власти, предлагаемой российским либерализмом? Поэтому с Федором Александровичем я тоже позволю себе тут не согласиться по поводу того, что кадеты не усваивали уроки истории иных стран.

Спасибо.

И. К. Кирьянов: Спасибо. Коллеги, все-таки пока мы задаем вопросы. Кто готов ответить на вопрос Дмитрия Владимировича?

К. А. СОЛОВЬЕВ

Я попробую. Хотя тут требуется пояснение, что такое симфония власти или властей. Но я тем не менее попробую и без него.

Дело в том, что не совсем точно противопоставлять разделение властей симфонии власти, о которой говорит Дмитрий Владимирович. Я напому всем прекрасно известные тексты, которые принадлежат федералистам, участвовавшим в подготовке американской конституции. Они ставили вопрос о том, что идея разделения властей — это скорее концепция, нежели практика, а на практике речь идет об их постоянном смешении, и только в этом смешении может быть достигнута модель сдержек и противовесов, которая действительно эффективно гармонизирует любую политическую систему, в том числе будущую американскую или английскую. И когда я противопоставлял образ и практику, отнюдь не имел в виду, что они существовали в «своих мирах» и не пересекались. В том-то и дело, что пересекались. Но далеко не всегда это приводило к гармонии.

Описание системы не соответствовало практикам, реализуемым ежедневно. Это конфликт между бытом и образом, за которым не было отвлеченного умствования, а лишь повседневная необходимость — надо было описать то, что пока не умели описывать. Так что мне кажется, тут у нас с Дмитрием Владимировичем противоречий нет.

Спасибо.

И. К. Кириянов: Спасибо, Кирилл Андреевич. Кто-то еще из докладчиков желает ответить?

Н. А. ПОРТНЯГИНА

Игорь Константинович, я бы хотела только буквально реплику небольшую сказать.

Правда, вот российский консул в Британии Гейкинг говорил в свое время в своей книге, что он сделал такие наблюдения, что британцы не любят дискутировать в обществе, это не принято, если они начинают, то хотя бы извиняются. Поэтому я вот... Извините, Дмитрий Владимирович, я в принципе сказала не о том, что они не восприняли опыт, кадеты не восприняли опыт британский. Нет, почему? Они его знали, они его восприняли, просто многие вещи они склонны были отбросить, не учитывать, и вот то, что им было интересно, то, что им было нужно, они это брали, а то, что не очень нужно, нет. И вот мне кажется, что действительно они не усвоили этот главный опыт — находить компромиссы с властью, то, что парламент в Британии складывался постепенно, и, возможно, все сразу получить нельзя. Этот опыт, по крайней мере в начале становления российского парламентаризма, они, мне кажется, действительно не восприняли. Им неинтересно было, они не хотели его воспринять. Так мне кажется. Хотя многие вещи — да, восприняли, знали.

Спасибо.

И. К. Кириянов: Спасибо, Наталья Александровна. Я видел, руку поднимала Ольга Геральдовна. У меня следующий вопрос от Егорова. А вот уже Андрей Николаевич сам вышел.

А. Н. ЕГОРОВ

Добрый день!

У меня такой вопрос. Мы подробно говорим про английскую парламентскую систему, но было ли такое, чтобы российские либералы в своих работах сравнивали ее, например, с парламентской системой Франции, Германии, США, отмечая недостатки этих систем по сравнению с английской? Было ли в их работах сопоставление английского парламента с парламентами других стран для того, чтобы показать преимущества английского варианта? Или этого не было?

И. К. Кириянов: Вопрос к кому?

А. Н. Егоров: Наверное, ко всем участника дискуссии.

И. К. Кириянов: Кто из всех готов?

Ф. А. СЕЛЕЗНЕВ

Я только несколько слов скажу. Конечно, в трудах кадетских правоведов сопоставление разных западных систем имелось, но в политической практике оно не было востребовано достаточно серьезно. Если говорить о симпатиях политических, то, конечно, симпатий к Англии было больше, симпатии к Германии практически отсутствовали, поскольку Германия — это символ консервативно-монархического начала, Франция на самом деле также не пользовалась особой симпатией, в том числе и потому, что это была союзница царской России. Франция давала царскому правительству займы и тем самым усиливала его. За это французский парламент подвергался критике в кадетской прессе.

Спасибо.

К. А. Соловьев: Игорь Константинович, можно я пару слов скажу?

И. К. Кирьянов: Да, Кирилл Андреевич, пожалуйста.

К. А. СОЛОВЬЕВ

Отвечая на вопрос Андрея Николаевича, замечу, что этот сюжет в трудах ведущих отечественных правоведов несомненно ставился. Как он мог не ставиться? Проблема конституционного устройства ведущих европейских стран — это одна из ключевых проблем в их трудах. Так, у Федора Федоровича Кокошкина очень много работ, статей, в которых он анализирует и сравнивает английскую и французскую традицию, английскую и американскую, а его довольно известное публицистическое сочинение времен Первой мировой войны непосредственно посвящено столкновению английского и немецкого начала в европейской истории, которое проявляется как в праве, так и в экономике, в дипломатии — во всем: они противостоят, как две альтернативные мировоззренческие конструкции. Естественно, симпатии Кокошкина на стороне Англии. Максим Максимович Ковалевский симпатизировал скорее французской традиции. При этом он полагал, что она не так далеко ушла от английской, и в действительности между ними больше сходств, чем отличий.

Но вот почему, я думаю, мы обсуждаем английский опыт? Не потому, что только его изучали, отнюдь нет. Не потому, что его хорошо знали, а все остальное знали хуже. Полагаю, что представление о правовых системах разных европейских стран было достаточно детализировано у всех ведущих представителей правовой мысли того времени. Проблема мне видится в том, что английская традиция не сводится к конкретным правовым практикам. Это, прежде всего, мифологизированный, отчасти идеализированный образ парламентской системы, это совокупность символов и ассоциаций, которые неизбежно возникали у всякого, когда он говорил о парламенте. Он вспоминал не немецкий Рейхстаг, не французское законодательное собрание, а английскую Палату общин.

Есть два возможных модуса разговора об английском парламенте. С одной стороны, поэтический, когда скрещено все, что связано с Англией — разных эпох, разных традиций, разных этапов развития

парламентаризма. И аналитический — значительную часть руководства партии кадетов составляла профессура, которая считала изучение правовых систем предметом особого профессионального интереса.

Спасибо.

И. К. Кирьянов: Спасибо, Кирилл Андреевич.

Наталья Александровна, пожалуйста.

Н. А. ПОРТНЯГИНА

Коллеги, я буквально одно слово хотела бы добавить. Я вот соглашусь с Кириллом Андреевичем. Я занималась как раз прессой — 1906–1907 год: как анализировали кадеты британский опыт. Но я хочу сказать, что в прессе не меньше статей, возможно, даже больше статей этого периода, в которых анализируется опыт немецкого парламента и достаточно много французского. Я бы даже сказала, что немцы на первом месте, потом британцы, потом французы. То есть их интересовали все эти проблемы, они сравнивали. Британцы — это какой-то некий идеал, к которому действительно, может быть, лежала душа больше на уровне символов каких-то.

Спасибо.

И. К. Кирьянов: Коллеги, я фиксировал то, что хотели задать вопросы Владимир Валерьянович Калашников и Ольга Геральдовна Малышева. Да? Нет? Если нет, тогда переходим к выступлениям. Итак, Сергей Иванович Бугашев. Вы хотели? Да, пожалуйста.

ВЫСТУПЛЕНИЯ

С. И. БУГАШЕВ

Добрый день, коллеги!

Я также очень рад принять участие в работе конференции и особенно удовлетворен тем фактом, что прекрасная традиция «Таврических чтений» не прерывается даже в столь тяжелое время.

В самом начале нашей работы Дмитрий Игоревич достаточно подробно говорил о реформировании британского парламента в целом, а также остановился и на тех изменениях, которые коснулись верхней палаты британского парламента — палаты лордов. В рамках выделенного мне времени я попробую также немножко порассуждать как раз о реформировании палаты лордов XX — начала XXI века, тем более что на сегодняшний день в результате всех изменений перед верхней палатой поставлен поистине гамлетовский вопрос — быть или не быть.

Принятием парламентского акта 1911 года был дан старт процессу постепенного реформирования верхней палаты, что, безусловно, является одной из самых громких конституционно-политических перемен в истории Соединенного Королевства XX века. Между тем модернизация проходила медленно, в традиционном стиле британского

политического консерватизма. Парламентский акт 1949 года уменьшил требуемое для прохождения законов количество парламентских сессий с трех до двух. В 1958 году был принят акт о пожизненном пэрстве, который впервые за всю историю страны разрешал пожизненным пэрам заседать в палате лордов наряду с наследственными пэрами. Кроме того, с 1958 года в палате лордов могли заседать женщины, получившие пожизненное пэрство. В 1963 году акт о пэрстве дал право наследственным пэрам временно отказываться от своего звания для того, чтобы баллотироваться в палату общин от той или иной политической партии.

За последующие тридцать лет выдвигалось множество предложений по дальнейшему реформированию палаты лордов, однако ни одно из них так и не обрело форму закона. Вместе с тем за прошедший период количество членов палаты значительно выросло благодаря в основном притоку пожизненных пэров. В 1981 году их число составило 1 тысячу 134 человека, что значительно превышало число депутатов палаты общин. Несмотря на все реформы, политический состав палаты лордов оставался крайне консервативным. В то же время полезное устройство палаты лордов состояло в том, что большинство ее членов были независимы, лордам не надо было беспокоиться о том, что они могут принять непопулярное решение. Почти половину палаты лордов составляли отнюдь не аристократы, а ушедшие в отставку или на пенсию опытные политические деятели, много лет простоявшие у руля государственного корабля. Многие политологи полагают, что палата лордов служит разумным фильтром для поспешных решений правительства. Обладая правом отлагательного вето, лорды дают возможность палате общин и правительству в течение года еще раз обдумать свое решение.

Ситуация кардинально изменилась в 1997 году. Пришедшие к власти лейбористы в своей программе четко записали: палата лордов должна быть реформирована. В 1999 году лейбористы провели закон, получивший название Акта палаты лордов. Британский парламент принял историческое решение: семьсот пятьдесят пэров, чьи отцы, деды, прадеды и прапрадеды на протяжении восьми веков творили историю Британской империи, были выдворены раз и навсегда за пределы Вестминстера. Это открывало путь беспрецедентной реформе всей структуры британской законодательной власти: заканчивала свое существование одна из самых старых и знаменитых традиций Англии. В порядке исключения в палате оставили «доживать» лишь девяносто двух наследственных пэров. В марте 2007 года депутаты палаты общин проголосовали за выборный принцип формирования палаты лордов и окончательное исключение оставшихся в ее составе после реформы 1999 года наследственных пэров; они решили, что пэров отныне не будет вообще, вместо них появятся так называемые члены верхней палаты. По английским критериям это практически революция. Однако пэры проголосовали за сохранение полностью назначаемого состава палаты и, следуя праву отлагательного вето, наложили билль.

Надежда на возобновление процесса реформирования одного из старейших государственных институтов Соединенного Королевства возродилась после формирования в мае 2010 года конституционного правительства Дэвида Кэмерона: законопроект о реформе палаты лордов был представлен общественности в мае 2011 года. Основные пункты этого документа были следующие: сокращение общей численности палаты лордов до трехсот человек и срок полномочий избранных членов — пятнадцать лет без права повторного переизбрания. Однако в июле 2012 года кабинет Кэмерона был вынужден отказаться от попытки одобрения в парламенте законопроекта о реформе палаты лордов. Задний ход ему пришлось давать потому, что более девяноста депутатов от Консервативной партии подняли бунт, пригрозив проголосовать против билля. Они полагали, что избираемые лорды не будут обладать необходимыми знаниями и станут играть по правилам, которые диктует выдвинувшая их политическая партия.

Таким образом, несмотря на раздирающие Великобританию споры и сомнения, похоже, что праотец европейских парламентов все-таки утратит в XXI веке свой традиционный облик. И только время, конечно же, покажет, сможет ли палата лордов реально трансформироваться в демократический представительный и эффективный элемент британского парламентского механизма.

Спасибо.

И. К. Кирьянов: Спасибо, Сергей Иванович. Виктор Николаевич или Федор Александрович?

В. Н. БОРИСЕНКО

Позвольте мне тогда начать вот с чего. Выступая с оценкой событий Французской революции, Эдмунд Берк написал одну очень хорошую фразу: «Конституции не пишутся, конституции вырастают». И вот это был очень важный момент, который пронизывает всю парламентскую традицию Великобритании, это тот был момент, который не учли создатели нашего парламентаризма в своей практике, хотя я понимаю, что условия, в которые они были поставлены, конечно, не способствовали выращиванию конституции.

Но здесь я бы хотел отнестись вот к чему. Ведь что такое английский парламент? Вспомним английскую конституционную традицию. Парламент — это до сих пор король, лорды и общины, и парламент заседает в полном составе только один раз в году, когда королева выступает с тронной речью. Общины сами по себе парламентом не являются, также как и лорды сами по себе парламентом тоже не являются. И это очень важный момент, характеризующий британскую парламентскую структуру. Он важен прежде всего почему? Потому что для британского парламента на протяжении его истории важнейшая функция — это сохранение внутризлитного консенсуса при самых различных событиях. Если мы с вами вспомним, то на самом деле парламент, точнее, две фракции

парламента воевали друг с другом только в гражданских войнах 40-х годов XVII века. Из этого они извлекли тяжелый урок: элита не должна бороться внутри себя. Да, можно восставать против тех или иных аспектов власти короля, можно их как-то ограничивать и так далее, но внутриэлитного конфликта быть не должно. И уже в Славную революцию 1688 года тори и виги совместно в парламенте выступили против короля, что привело к изгнанию и бегству Якова II и приглашению Вильгельма Оранского на английский престол.

Важен и другой момент, который также, мне кажется, показателен для британской парламентской практики. Рассмотрим процесс реформирования британского парламента в XIX — начале XX века. Еще в 70-х годах XX века появилась работа английского историка Майкла Бентли, которая имела очень хорошее, на мой взгляд, название; он рассматривал как раз развитие политической системы Великобритании с 1815 по 1914 год, и его монография называлась «Либерализм без демократии». И весь тот ряд реформ, которые проводились, в том числе и связанные с расширением права голоса, он оценивал прежде всего не с точки зрения того, что это вело к демократии, это не вело к демократии, потому что прежде всего те реформы никак не повлияли на изменение состава правящей элиты. Это вело лишь к тому, что позволяло правящей элите лучше приспособляться к новым условиям. Здесь тоже важен момент, который, как мне кажется, не учитывали создатели нашего парламента: это готовность, которая существует глубоко в английской культуре, готовность играть по правилам. Недаром в английской политической и парламентской практике существенную роль играют так называемые конституционные «обычаи» или «соглашения», регулирующие важные вопросы государственной жизни, такие как формирование правительства лидером партии, одержавшей победу на выборах, процедуры созыва палат Парламента и роспуска Палаты общин, осуществление властных полномочий Коронай, существование Кабинета министров. При этом конституционные обычаи судами не признаются, их нарушение не влечет за собой юридических последствий, но может привести к самым серьезным политическим последствиям.

Что еще представляется важным? Посмотрите, вот парламентская реформа 1832 года. Кто против нее выступал наиболее активно, если не сказать непримиримо? Лидер консерваторов сэр Роберт Пиль. В 1834 году сэра Роберта Пили король призывает на должность премьер-министра, и он выступает с первой декларацией, с первой программой правительства, это так называемый Тамвортский манифест, в которой он заявляет, что да, он был противником и остается во многом противником того, что произошло, но его правительство будет работать в духе реформы 1832 года. И это как раз очень важный момент, который прослеживался и дальше. Смотрите, реформа 1832 года, реформа 1867 года, также как и реформа 1884–1885 годов, они не изменили радикально состав парламента. Да, бо́льшая часть представителей, членов палаты

представителей — это люди, которые относятся к традиционной аристократии или дворянству. И более того, лидер либералов Гладстон в своих политических кампаниях 70–80-х годов резко нападает на правящую элиту, на английскую аристократию, земельную аристократию, он обличает этот «земельный интерес», как он говорил, во всяких грехах и в том, что его интересы расходятся с интересами английского народа, и в то же самое время он считает, что буржуазию к власти реальной допускать нельзя: она не способна управлять страной, прежде всего потому, что буржуазия лишена чего? Чувства социальной ответственности.

И еще один очень важный момент. Вот это сохранение внутриэлитного консенсуса, оно проявляется и во многих других вещах. Возьмем пример из истории XX в. В 1931 году лейборист Макдональд возглавляет национальное правительство, в котором преобладают консерваторы. Этим он разрушает лейбористскую партию, но этим же сохраняет консенсус политической элиты. Это, на мой взгляд, как раз то, что не учитывали отцы нашего парламентаризма в своей политике, для которых парламент представлялся местом острой политической борьбы, а не выработки внутриэлитного консенсуса, позволявшего избегать эксцессов и крайностей политического развития.

И. К. Кирьянов: Спасибо, Виктор Николаевич. Федор Александрович Гайда, готовы? И, минуточку, коллеги, прошу записываться, либо руки поднимайте, либо в чате, кто хотел бы выступить. Спасибо.

Ф. А. ГАЙДА

Дорогие коллеги!

Очень рад вас видеть, хотя и в таком, хотел сказать непривычном режиме, но на самом деле уже привычном, к сожалению.

Я хотел сказать: в качестве реакции на то, что уже сегодня было сказано, согласиться с тем, что действительно Англия очень часто выступала соответствующим идеалом, выступала по большому счету еще с XVIII века так или иначе.

Многие, на самом деле многие причины были того, что Англия в этом смысле была идеалом. Идеал, как известно, особенно если речь идет об утопическом идеале, это вещь достаточно замкнутая. И в данном случае замкнутость присутствовала хотя бы просто географическая у Великобритании. Утопия должна быть островом. Вот идеальный остров Утопия у нас тут есть, пускай он никак не соотносится с нашими реалиями, но тем не менее есть то, на что уповать и ориентироваться. Тем более что на этом самом острове можно было найти самые разные начала, как уже сегодня неоднократно говорилось: можно было найти и монархическое начало, и аристократическое, и демократическое, и какое угодно другое, в самых разных причудливых сочетаниях.

Собственно говоря, Сперанский еще отмечал, что вот у нас англичане как раз являют собой сочетание всех тех благополучных, сочетание всех тех замечательных начал, буквально чуть ли не как в Древнем

Риме, что отчасти на самом деле соответствует действительности, а у нас у самих был, конечно, совсем другой опыт представительства. Он, безусловно, был, но надо иметь в виду, что наш опыт представительства связан все-таки с теми или иными инициативами самой суверенной власти, с инициативами самой монархии. То есть и в XVI–XVII веках, это, собственно говоря, и при Екатерине Второй, и с этой Уложенной комиссией, и так далее, и если про местное представительство говорить, это тоже инициатива суверенной власти. Так или иначе, но наша практика все-таки серьезно отличается от английской. И вот мне кажется, что отказ от этой самой собственной, пускай не слишком и не всегда укорененной традиции, но тем не менее все-таки присутствующей, так вот, принципиальный отказ, который произошел в 1881 году при Александре III, когда было заявлено, что любая форма представительства является путем в катастрофу, вот эта страшная ересь, она в конечном счете завела Россию к началу XX века в очень серьезный тупик. Причем создавать представительство все-таки пришлось, но создавали его в условиях острого политического кризиса и ситуации на самом деле, что еще, по-моему, важнее, стремительной социальной трансформации, которая в России шла по нарастающей в начале XX века.

Отсюда, соответственно, мне кажется, что русский парламент и русское правительство, они, в общем, в начале XX века были, по сути дела, обречены на конфронтацию. Русское правительство, естественно, не вырастало из парламента, как мы видим в английской традиции, тут было именно такое институциональное политическое противостояние изначально. Понятно, что вопрос стоял в общем-то о том, что либо правительство создаст парламент, который будет играть по правилам правительства, либо парламент заставит правительство склониться перед собой. И понятно, что вот эта первая тенденция, она имела место, она воплощалась непосредственно.

То есть речь идет о чем? О том, что избирательные законы выходили, естественно, из бюрократической среды, и в 1905 году, и в 1906 году, и в 1907 году, и Государственный совет появился как вторая палата, естественно, по той же самой инициативе, и в конечном счете Столыпин приходит к необходимости создавать партии, которые будут потом иметь представительство в Государственной думе. Речь идет о националистах, естественно. То есть, когда возникает кризис во взаимоотношениях Столыпина с той партией, которая, с одной стороны, вроде как органично выросла, а с другой — ведь именно под нее создали избирательный закон 1907 года. То есть ее поддерживали в конечном счете, создали все условия для того, чтобы она развивалась, и тут же получили кризис взаимоотношений.

С другой стороны, мы видим, соответственно, вот эти идущие из самого парламента инициативы по оседланию правительственной воли, это уже период Первой мировой войны. Мы видим министров-депутатов, которые приходят в правительство именно из парламентской

среды. И в целом это опыт неудачный, как оказалось. А почему? А потому что в ситуации острейшего кризиса все происходит. И в этом смысле, конечно, самая вопиющая картина с депутатом, который приходит из оппозиционного думского большинства, приходит на ключевой пост в правительстве, теряет доверие собственных коллег, должен подавлять революцию и ничего с этим сделать не может, потому что не имеет никакого административного опыта. То есть Александр Дмитриевич Протопопов в этом смысле — это просто блестящий пример. Блестящий пример чего? По сути дела, вот этой подростковой ситуации, когда две силы ведут себя невероятно принципиально, невероятно бескомпромиссно, а когда сама ситуация, тяжелая кризисная ситуация заставляет их искать компромисс, эти люди все-таки до конца не находят в себе соответствующих возможностей, вот не могут дать наступить на свою болящую мозоль, что называется, и пойти на вот эти вот сделки, которые воспринимают не как компромисс, а именно как сделки, как проявление беспринципности.

Таким образом, на мой взгляд, все-таки, к сожалению, для России в начале XX века складывалась такая ситуация: вот либо правительство нашло бы в себе возможность такого жесткого достаточно обуздания парламента, его постоянного перестраивания под себя, под собственную правительственную волю; либо, как оказалось в реальности, парламент нашел в себе силы для того, чтобы от этого правительства избавиться и активно поучаствовать в Февральской революции.

Спасибо.

И. К. Кирьянов: Спасибо, Федор Александрович.

Увы, не на связи Сергей Викторович Куликов, мы его не услышим в рамках данной дискуссии, но вот Владимир Валерьянович Калашников желает поучаствовать.

В. В. КАЛАШНИКОВ

Несколько слов о том, что я вообще считаю главной проблемой для нашей дискуссии. Это вопрос о том, почему российские либералы в большинстве были сторонниками британской модели конституционной монархии, а не французской республиканской. И вы знаете, что в историографии есть два ответа. И мне было бы очень интересно узнать, какой ответ выбрали бы наши участники.

Первый ответ. Это тактическая позиция, обусловленная необходимостью быть легальной партией, поскольку республиканская платформа в России сразу делала партию нелегальной.

И второй ответ. Это принципиальная позиция, обусловленная тем, что республиканская Россия не могла сохранить границы империи.

Я полагаю, что левое крыло кадетов занимало первую позицию, а центр и правое крыло — вторую. И Милюков в начале 1917 года был явно не в восторге от республиканской перспективы: он боялся распада империи и был в этом прав. Ибо финны сразу сказали: раз нет царя, значит,

нет и Великого князя Финляндского, нет личной унии, на которой держалась вся империя. И это понимали на всех окраинах. Так что можно сказать, что кадетов в республиканизм втянули. Так получилось в 1917 году, другого варианта не было.

Очень интересно было бы, конечно, послушать мнения докладчиков. Я хотел это задать как вопрос, но вот зачтите как реплику.

Спасибо большое, Игорь Константинович.

И. К. Кирьянов: Спасибо, Владимир Валерьянович. Так, кто еще желал бы выступить? Дмитрий Владимирович, вы намекали, что вы с чем-то не согласны? Я обращаюсь к Аронову.

Д. В. АРОНОВ

Собственно говоря, это содержалось в вопросе. Если в двух словах, то я согласен и с тем, что говорил об идеальном образе Кирилл Андреевич Соловьев, Федор Александрович Гайда в своем выступлении эту же тему подхватил. Здесь, наверное, надо разделять образ желаемого будущего и отражение этого образа, и вот тут опять идет разделение: партийной программтики — это одно, вспомним знаменитую дихотомию — монархия и республика в кадетской программе и в сочинениях политико-правового характера, тут мы подтягиваем Ковалевского, который, конечно, в партии не был, но известна его диванная партия, которая тоже либерального толка, но, скажем, центристская.

Поэтому, на мой взгляд, политическая практика должна делиться по периодам. У нас завтра дискуссия по Прогрессивному блоку, кто он, вот тут как раз и столкнутся мнения в части политической практики. Действия парламента. Вот Федор Александрович об этом говорил, что парламент, конечно, не мог сместить правительство. Выборгское воззвание — это, наверное, было единственной точкой, и то она не была точкой бифуркации. А правительство вполне парламент себе подчинило, а уж какими средствами, партия большинства и прочего, это второй вопрос, не входим в частности.

Я бы разделил теоретически вот именно, в частности, и касательно английского опыта и прочего, насколько он совпадает с образами будущего, которые тоже менялись, и с политическими практиками, которые неоднозначны для Первой и Третьей Думы, это будут разные политические практики. Вот касательно Милюкова, тут уже цитировалась знаменитая фраза: «оппозиция Его Величества, а не Его Величеству». Но, корреспондируясь к тому, что нам говорили о парламентской системе Англии, формально Милюков говорит эти коды, когда монарх в Англии является не более чем символом этой системы. Поэтому эту фразу его можно толковать исходя из проецирования парламента на русского монарха, а можно толковать, чуть ли не пародийно — Его Величеству как символу, то есть принцип республиканизма. Вот тут очень тонкая грань, как мы толкуем цитаты, из серии, что имел в виду Милюков, когда он это говорил.

Поэтому, на мой взгляд, дискуссия очень правильная, интересная, и великолепный подбор докладчиков, и вот тот удивительный случай, когда, на мой взгляд, совпали всеобщники и те, кто занимается историей Отечества, какое-то трогательное великолепное единение. И я думаю, что просто надо чуть более структурировать по направлениям, а не пытаться сравнивать несравнимые сущности. Стандартная вещь: один ученый взял слона за хвост, другой за ногу, третий за хобот. Давайте не будем брать английскую политическую систему за отдельные вещи, а договоримся, что мы под ней понимаем. Я думаю, тут вот всеобщники нам все-таки больше дадут, чем мы сами знаем и можем сами освоить, а дальше попытаемся спроецировать это: а) на образы, б) политические практики. И благодатнейшая тема — то же самое применительно к конкретным персоналиям. Методологически так. А так, по-моему, просто великолепно.

Спасибо.

И. К. Кирьянов: Спасибо, Дмитрий Владимирович. Коллеги, кто желал бы поучаствовать в дискуссии? Да, Екатерина Олеговна Науменкова, пожалуйста.

Е. О. НАУМЕНКОВА

Здравствуйте, коллеги!

Я бы хотела сказать несколько слов про палату лордов, мы затронули эту тему. Все-таки определенная трансформация на самом деле происходила.

Вот во второй половине XIX века борьба внутривнутриполитическая в Великобритании, она становится все более ожесточенной, и партийные лидеры начинают использовать самые разнообразные уловки, приемы, чтобы завоевать расположение избирателей. И вот очень ярким примером того, как менялась палата лордов и какие приемы они использовали, является такая концепция, которая получила название народного волеизъявления или теории референдума, которая была выдвинута маркизом Солсбери. Выдвинута она была еще в 60-е годы, но как-то ни исследователи XIX века ей внимание не уделяли, ни в принципе исследователи XX века, буквально за редким исключением. Вот мне хотелось бы здесь немножечко остановиться.

Когда Солсбери находился в оппозиции, его партия, то он не раз пускал эту концепцию в ход. И суть данной доктрины сводилась к следующему: что важнейшей функцией палаты лордов является обязанность передавать на суд электората, или даже точнее сказать нации в целом, полученные ею из нижней палаты законопроекты по важнейшим вопросам и в тех случаях, когда имелись основания считать, что опирающиеся на большинство палаты общин правительство не имеет четко выраженного мандата народа на осуществление своих идей. И вот только после того, как пройдут выборы, народ выскажется, что да, вот мы поддерживаем этот законопроект, эту идею, тогда палата лордов должна будет смириться и принять данный законопроект, претворить его в жизнь.

И основной чертой данной теории было признание политическим барометром, на который должны ориентироваться члены верхней палаты, не саму палату общин, а именно саму нацию. То есть, по сути, это и есть теория референдума, которую Солсбери и предлагает. То есть только желаниями, только стремлениями народа должна руководствоваться палата лордов. И когда воля нации на выборах будет четко высказана, то уже перед этой волей должна будет склоняться верхняя палата, то есть не перед палатой общин, а именно перед волей народа.

Например, и консервативные публицисты в общем-то стали тоже уделять этому внимание. Или как здесь объяснить идеи маркиза Солсбери, почему он выдвигает эту теорию? Наверное, с одной стороны, это его личные качества, то есть такой вот интерес, характер маркиза. Мы с вами помним, наверное, что историк Блейк называл его самым интеллектуальным из консерваторов. Другой историк, Смит, говорил, что у него такие очень агрессивные инстинкты, которые порой переходили за пределы разумного. Возможно, эти его личные черты и сподвигли его к этой теории.

Солсбери всегда испытывал недоверие к реформаторской политике либералов. Особенно он очень осторожно упоминал Гладстона, а когда он упоминал о нижней палате в верхней палате, то всегда делал это с такими вот нарочитыми нотками презрения, и это приводило консервативных пэров в состояние эйфории, такого экстаза буквально. И современники стали замечать, что когда Солсбери переместился из нижней палаты в верхнюю, где он провел пятнадцать лет, то он чувствовал себя там гораздо увереннее. И в 60-е годы, с 1868 года и в 1869 году, он начинает разрабатывать эту теорию народного волеизъявления, то есть тогда, когда страна находилась в состоянии кризиса из-за проблемы отделения протестантской церкви от государства в католической Ирландии.

И вот решающие события там развернулись как раз в 1869 году. Палата лордов должна была голосовать по поводу билля. И если партийное руководство прямо говорило, что давайте мы отклоним этот билль, в общем, нечего тут обсуждать, то Солсбери тогда пошел по другому пути: он предложил принять билль, но изменил его с помощью поправок и заявил, что верхняя палата обязана обеспечить народу возможность четко и недвусмысленно высказывать свое мнение в ходе парламентских выборов. И если в ходе выборов народ выступает за реформы, значит, эти реформы тогда должны проводиться. А мы с вами помним, что на выборах 1868 года электорат как раз и высказался против сохранения господства протестантской церкви в Ирландии, и поэтому Солсбери был за то, чтобы палата лордов выполнила это решение народа.

И впоследствии очень часто торийский лидер использовал эту теорию. Кстати, и в 70-е годы, когда либеральное правительство хотело провести билль о тайном голосовании. То есть Солсбери говорил так: «Ну подождите, ведь вас избрали открытым голосованием. Откуда же

мы знаем, хочет народ или не хочет вот это вот ваше тайное голосование? А может, не хочет. Давайте мы устроим выборы и посмотрим, выступят они за это или нет». И затем он очень активно использовал эту теорию во время пребывания в оппозиции в первой половине 80-х годов.

Особенно активно он проявил себя в 1884 году, когда либералы готовили новый проект избирательной реформы. И консерваторы открыто говорят, что власть уже принадлежит народу, а либеральная партия требует проведения билля, на который народ-то свое согласие не давал. Поэтому обязанность пэров, грубо говоря, — бросаться на прорыв всякий раз, когда палата общин действует, не имея на то мандата нации.

Вот это основная идея, которую я хотела сказать, если кратко. И Первая мировая война положит конец использованию консервативной партией теории народного волеизъявления. Хотя в 80–90-е годы XIX века ее будут использовать очень активно и уже потом, после Солсбери.

Спасибо.

И. К. Кирьянов: Спасибо. Коллеги, я не вижу, чтобы кто-то еще выразил желание выступить.

Д. И. Портнягин: Игорь Константинович, я просто как реплику небольшую.

И. К. Кирьянов: Да, пожалуйста, Дмитрий Игоревич.

Д. И. ПОРТНЯГИН

По поводу того, что Екатерина Олеговна сказала. Я не говорил, что верхняя палата не эволюционировала. Конечно, менялась роль ее в политической системе. Хотя говорить о том, что теория Солсбери имеет отношение непосредственно к реформированию, это, наверное, некоторое преувеличение. XIX век, просто показал, что, конечно, значение палаты лордов неуклонно падало, снижалось. И как раз, если уж говорить о реформах конца XIX — начала XX века и, наконец, реформах 1911 года, это, конечно, в первую очередь, касалось реформирования парламента. Но реформирования в какую сторону? В ту сторону, что его функции свелись, скажем так, к минимуму. То есть все, что касается финансовых биллей, законопроектов, из ведения, по сути дела, верхней палаты было изъято, то есть они были лишены права вето, и сохранилось только право отлагательного вето по остальным законопроектам. А где нет денег, то можно сказать, что это второстепенные законопроекты. Поэтому, конечно, он эволюционировал и реформировался, но исключительно в сторону превращения его в рудиментарный орган, каковым он, собственно говоря, остается и до настоящих дней.

Спасибо.

И. К. Кирьянов: Сергей Иванович Бугашев хотел бы, да?

С. И. БУГАШЕВ

Коллеги, позвольте тоже пару слов.

Во-первых, я хотел бы сказать, что мне тоже кажется, что это смешение историков России и в основном англоведов у нас получилось.

И, во-вторых, буквально несколько слов все-таки о палате лордов, о которой сегодня говорилось достаточно много. Как мне кажется, называть палату лордов совершенно таким отжившим и рудиментарным органом совершенно неправильно, и, наверное, англичане потому и цепляются за нее, потому что все-таки видят в ее наличии глубокий смысл. И я уже говорил, что палата лордов — это действительно тот самый разумный фильтр, который позволяет останавливать такие неразумные решения, принимаемые властью. Как мне кажется, вот в этом смысле перенять английский опыт было бы как раз для нашей власти, для ее разных, кстати говоря, ветвей было бы полезно.

Спасибо.

И. К. Кирьянов: Коллеги, кто-то еще желает выступить? Если нет, то позвольте мне короткое выступление.

И. К. КИРЬЯНОВ

Мы, когда говорим об обучении России и Государственной думы парламентаризму и опыту европейского парламентаризма, подразумеваем, что Россия тут вступила на путь заимствования. Притом заимствовали-то ведь все, начиная с основных государственных законов, где источниками стали и прусская конституция, и часть австрийская, и японская, и многое-многое другое. Интерьер и логистика зала заседания Таврического дворца — французские; сценарий торжественного открытия первого созыва — германский; парламентская процедура, которая формировалась, действительно прецедентами, извините за выражение, — смесь французского с нижегородским.

И об этом хорошо сказал сам Муромцев в рецензии на книгу Пилленко «Русские парламентские прецеденты», я процитирую: «Русскому законодательному собранию не было надобности задумываться над самостоятельным изобретением форм, которые до него уже были изобретены и испытаны. Государственная дума восприняла свои руководящие принципы и основные формы делопроизводства от западноевропейских парламентов. Каждый из прецедентов образовывался более или менее под непосредственным влиянием заимствованных идей и представлял собой попытку их приложения на русской почве. Из этого не следует, однако, чтобы творчество русского законодательного собрания носило характер исключительного подражания или непосредственного заимствования. На русской почве западным формам нужно было считаться, во-первых, с особенностями отечественного законодательства, своеобразно определившего основные черты в устройстве русского парламента, и, во-вторых, с некоторыми особенностями психологического настроения думской среды, которое, естественно, не могло не отразиться и на внешнем порядке законодательной работы Думы».

А то, что было сформулировано Сергеем Андреевичем еще давным-давно, действительно сегодня прозвучало и сегодня обсуждалось.

И даже членам Государственного совета перед началом заседаний каждому раздали брошюрку об опыте работы западноевропейского парламента. И, наверное, это пошло на пользу, потому что, даже если сравнить статистически, то члены Государственного совета на первых своих заседаниях чаще говорили о европейском, иностранном опыте, чем члены Государственной думы, — любопытный такой феномен. А на заседаниях Государственной думы — я провел мини-исследование, используя возможности нашего интернет-портала «Парламентская история позднимперской России» (это не реклама, а констатация, что система работает), и вот, что у меня получилось: на заседаниях Государственной думы первым попытался сослаться на зарубежный опыт граф Гейден — уже на втором заседании, 29 апреля 1906 года; и в это же время Муромцев продемонстрировал то, что он будет делать и далее: он сослался на опыт французского парламента, что в данной ситуации нужно поступать именно таким образом.

Собственно британский образец возник впервые на третьем заседании, 30 апреля 1906 года, когда Массониус ссылался на британский опыт в связи с досрочным прекращением прений. И Кирилл Андреевич упоминал сегодня, что Ковалевский любил говорить об английском образце, так вот, он не удержался и в заседании 3 мая, именно при обсуждении проекта ответного адреса, использовал это выражение.

Но опять-таки проблема заимствования — заимствуется что? Заимствуется то, что уже сложилось, заимствуется вчерашнее. И мой вопрос был связан именно с этим. И, по идее-то, самодержавие, образно говоря, ориентировалось на день вчерашний и стремилось сохранить себя в возможно большей полноте, да и кадеты, в частности, получалось так, что ориентировались на образцы, которые были ранее. Дмитрий Игоревич показывает, что принципиально все меняется, роль исполнительной власти возрастает. Век расцвета классического парламентаризма — это XIX век, с началом XX века исполнительная власть побеждает. Так, может быть, получается, что и Россия в начале XX века оказалась в этом тренде, в этой тенденции, как бы это странно ни звучало?

И еще одна очень важная проблема при заимствованиях. Неумного англофильства, безбрежного англофильства Владимира Дмитриевича Набокова все равно не хватило бы для того, чтобы превратить Государственную думу в палату общин: англофильства недостаточно, надо было в данном случае быть еще и англичанином. Те же самые кадеты, на мой взгляд, заявляя о приверженности европейским ценностям, все же, мне кажется, европейцами сами по себе в большинстве своем и не были.

Спасибо.

Коллеги-докладчики, кто-то желает что-то в заключение сказать по поводу услышанного?

Пожалуйста, Дмитрий Игоревич, Кирилл Андреевич, Наталья Александровна, Федор Александрович.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ДОКЛАДЧИКОВ

Д. И. ПОРТНЯГИН

Игорь Константинович, я буквально пару слов.

Я, наверное, хотел бы поддержать Виктора Николаевича, то, что он говорил. Наверное, тот главный урок, который бы не мешало усвоить, — кадетам уже поздно, конечно, усваивать, но по крайней мере нынешней либеральной общественности, — это наличие внутриэлитного консенсуса и способность действительно взаимодействовать в любой ситуации. Если мы посмотрим на британский опыт XX века, консерваторы — либералы, консерваторы — лейбористы, которые сменили их потом, в любых ситуациях, особенно, конечно, то, что касается кризисных ситуаций, как бы они там друг друга в парламенте ни называли, в общем-то консенсус — это отличительная черта британской государственной системы управления, по крайней мере, на протяжении XX века об этом можно говорить однозначно. И вот этот опыт, конечно, бы нам действительно, наверное, было бы очень неплохо перенять.

Спасибо.

И. К. Кирьянов: Спасибо. Коллеги, кто еще желал бы в заключение? Наталья Александровна?

Н. А. ПОРТНЯГИНА

Меня вот просто, коллеги, мучает вопрос все время. Все-таки насколько можно чужой опыт удачно использовать в своей политической практике? Вот такой ключевой вопрос: насколько можно это сделать. На мой взгляд, действительно у кадетов это, возможно, не очень получилось, но, мне кажется, они все-таки не очень к этому и стремились, поэтому и не получилось. Самое главное, да, согласна с Дмитрием Игоревичем, что главная проблема — это проблема взаимодействия. Все-таки, что такое парламент? Это такая платформа для согласования интересов. Вот как-то у них это не очень хорошо получалось, в то время как они сами, в той же прессе своей, в период 1905–1906 годов, 1907 год, отмечали, что та же палата лордов, которую они очень ругали, они говорили о том, что все-таки палата лордов, они умеют вовремя пойти на уступки и не обострять конфликты. Вот, мне кажется, кадеты как-то не очень этому обучились.

Спасибо.

И. К. Кирьянов: Спасибо. Федор Александрович? Кирилл Андреевич? Есть желание сказать в заключение?

Ф. А. СЕЛЕЗНЕВ

Я скажу несколько слов, если можно.

Я бы хотел сказать, что формат дискуссии, который сегодня был апробирован, мне кажется, очень удачен. Об этом сегодня уже говорил

Дмитрий Владимирович. Соединение в рамках обсуждения одной общей темы специалистов по всеобщей истории и отечественной истории, мне кажется, очень интересно и плодотворно. Это может дать импульс новым работам, постановке новых проблем, и в профессиональном плане для нас это, конечно, очень ценно. Спасибо большое организаторам конференции за эту реализованную идею.

Спасибо.

И. К. Кириянов: Спасибо, Федор Александрович. Кирилл Андреевич, да?

К. А. СОЛОВЬЕВ

Да, я скажу пару слов.

Я поддерживаю Федора Александровича, что идея объединения, с одной стороны, специалистов по российским, а с другой — по сюжетам всеобщей истории весьма полезна и плодотворна. Другое дело, что формат сам по себе, на мой взгляд, отнюдь не оптимален, я предпочел бы все-таки обсуждение этих интересных вопросов в стенах Таврического дворца. Это во-первых.

Во-вторых, хочу обратить внимание, что вот мы сегодня периодически сопоставляем думский опыт начала XX века и английскую политическую традицию. При этом оставляем за скобками тот факт, что думский опыт — всего-навсего десять лет. Это очень короткий период времени. Это напрашивающееся соображение не вызывает даже смущения у выступающих. На мой взгляд, это свидетельство того, как много значит думская история и как она разнообразна. Примечательно и то, что очень часто, когда говорим о думской традиции, о кадетях, об их восприятии Англии, речь ведь идет о Первой Думе, может быть, о Второй. К Третьей и Четвертой это реже относится. Иными словами, даже в рамках одного десятилетнего периода много этапов, каждый из которых — эпоха, пуская очень короткая.

И еще. Игорь Константинович говорил о смеси французского с нижегородским. Мне кажется, что в этом ничего дурного нет. В результате нахождения баланса между французским и нижегородским возникает платформа для конструктивной работы Третьей Государственной думы, о чем можно говорить специально. Речь идет о выработке модус вивенди думской жизни. Депутаты и их контрагенты из правительства худо-бедно нащупывали линию поведения и линию взаимодействия властей уже после 1907 года.

Спасибо.

И. К. Кириянов: Да. На примере Владимира Дмитриевича Набокова я хотел продемонстрировать этот сложный опыт заимствования. Мало быть поклонником, мало быть адептом всего этого, но тут еще и почва все-таки должна быть другой.

И. К. КИРЬЯНОВ

Я бы поддержал высказанные мысли о том, что опыт действительно положительный — соединение усилий специалистов-англоведов в данном случае и специалистов по отечественной истории. Но все же мне показалось, что в большей степени каждый из нас старался придерживаться своей территории, боясь переступить определенную границу. Может быть, нам надо было в этом отношении быть смелее. Может быть, в этом повинен удаленный режим общения, и дискуссия могла быть поживее, тут действительно масса сложностей. Если в этом виноват я, прошу простить меня.

Спасибо всем за работу!

КРУГЛЫЙ СТОЛ: ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. Н. БУКЕЙХАНОВА (К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Модератор — Андрей Александрович Иванов

А. А. ИВАНОВ

Уважаемые участники конференции!

Мы начнем наш разговор об Алихане Букейханове пока в ограниченном формате, но не теряем надежды, что наши коллеги из Казахстана смогут выйти на связь и тоже подключатся к нашему разговору.

2020 год оказался юбилейным годом для многих деятелей российской культуры, российской политики. В частности, в этом году отмечался 150-летний юбилей со дня рождения писателей Бунина, Куприна, 150 лет исполнилось со дня рождения вождя мирового пролетариата Владимира Ильича Ленина и его антагониста, антипода Владимира Митрофановича Пуришкевича, депутата Государственной думы второго — четвертого созывов.

В плеяде этих юбилеев, в этой череде 150 лет со дня рождения, согласен новым исследовательским данным, отмечает и такой государственный, политический, общественный деятель, как Алихан Букейханов, выходец из рода чингизидов, этнограф, журналист, политик, государственный деятель, наверное, один из наиболее известных и популярных государственных деятелей начала XX века в современном Казахстане и гораздо менее известный в России, для российских историков и исследователей.

К тому же личность Алихана Букейханова интересна для участников нашей конференции не только в связи с тем, что он был депутатом Первой Государственной думы, что, безусловно, важно, был подписантом Выборгского воззвания, но и надо сказать, что для тех, кто находится в Таврическом дворце, он еще известен тем, что его бюст установлен в 2016 году в атриуме Таврического дворца, стоит недалеко от бюста председателя Первой Государственной думы Муромцева.

И в этом плане фигура и личность Букейханова представляет, конечно, несомненный интерес.

И мы начнем наш разговор об этом политическом и государственном деятеле с доктором исторических наук, директором Института исторических и социально-политических исследований Виктором Ивановичем Козодоем.

Имя Алихана Букейханова практически неизвестно современным россиянам и мало что им говорит. Среди российских политиков, среди депутатов Государственной думы он не столь известен, как Александр Иванович Гучков, Михаил Владимирович Родзянко, Владимир Витальевич Шульгин, Владимир Митрофанович Пуришкевич, Павел Николаевич Милюков и ряд других. И в связи с этим вполне резонно возникает вопрос: чем нам интересен Алихан Букейханов? Почему мы должны помнить его, исследовать его биографию, говорить о его взглядах, обсуждать его политическую и общественную деятельность?

Виктор Иванович, пожалуйста, вам слово.

В. И. КОЗОДОЙ

Здравствуйте, Андрей Александрович, уважаемые участники!

На самом деле имя Алихана Букейханова, наверное, не столь известно в России, и для этого есть много причин. В частности, после трагической его гибели в 1937 году в результате репрессий его имя оказалось практически под запретом до конца 1980-х годов, когда наступил момент политической реабилитации. А дальше — известные всем события начала 90-х годов, когда пути развития исторической науки в России и Казахстане пошли каждый в своем русле, в России появился целый ряд новых интересных тем, и имя этого человека осталось вне зоны внимания. До сих пор в России нет ни одной книги, ни одной монографии, посвященной ему, что говорит о том, что есть необходимость ликвидировать этот пробел.

Что касается Казахстана, я, Андрей Александрович, сказал бы в развитие вашего тезиса, что это был, наверное, не только в начале XX века самый популярный политик, в результате уже современного независимого Казахстана это действительно один из самых таких востребованных, самых популярных политиков, лидеров Казахстана, где во многом его идеи возобладали в это время, и даже, как сейчас говорят, имя Алихан — самое модное и популярное среди новорожденных мальчиков в современном Казахстане.

Поэтому вот тут, на грани, видимо, и следует искать дальше пути сближения.

Должен сказать, что я сам довольно случайно как-то вышел на фигуру этого политического деятеля, потому что в последние годы, занимаясь историей Сибири, в частности Гражданской войны и антибольшевистскими выступлениями 1918 года, пришел к выводу, что понять до конца ситуацию с Сибирью, с Сибирской республикой, с теми событиями нельзя без изучения, исследования истории Алаш-Орды, в частности движения Алаш и его лидера, которым, безусловно, являлся Алихан

Букейханов. Потому что очень много различных событий, пересечений, особенно для нас, для сибирских исследователей, потому что это наши ближайшие соседи. Новосибирская область, которую я сейчас представляю, — пограничная область с Казахстаном, это наши соседи, и, конечно, от взаимопонимания, в том числе истории, очень многое зависит, почему мы и должны ее помнить.

С одной стороны, я тут с вами соглашусь, он не был в ряду политиков такого первого порядка, как Гучков, Милюков, Пуришкевич, это безусловно, но, тем не менее, с 1905 года он буквально ворвался, так скажем, в элиту или, вернее сказать, в контрэлигу политическую Российской империи. Он начинал с этих знаменитых съездов 1905 года, в конце, в доме, где у Долгоруковых проходили все эти совещания, в результате чего образовалась партия кадетов. Другое мероприятие — в 1906 году он избрался депутатом Первой Государственной думы, но не успел принять какое-то активное участие. А что касается политической деятельности, он был членом ЦК партии кадетов. Вот сегодня в первой части ей посвящалось много времени, внимания; нет смысла, наверное, говорить, что это крупнейшая политическая партия, оппозиционная, дореволюционного времени. И в общем-то весь его такой политический путь, связан именно с этим, с этой партией, с этими силами. Его все знали, и когда в феврале 1917 года произошли известные события, в марте он был назначен комиссаром Временного правительства в Тургайскую область и фактически стал первым губернатором, условно губернатором, руководителем-мусульманином в России.

Главное, конечно, такое его достижение — в ходе исследования возникает вопрос, что, конечно, на территории Российской империи проживали десятки, сотни народов, но далеко не всем удалось создать свою автономию или, по крайней мере, выйти на создание своей автономии. В данном случае это удалось, естественно, возникает вопрос: а почему это удалось, благодаря чему, каким последствиям, в результате чего? Здесь, конечно, очень большая роль личности Алихана Букейханова. В декабре 1917 года, уже после ноябрьской либо революции, либо переворота большевиков, кому как больше нравится, — вот, кстати, мне сейчас написали, что директор пытается выйти на связь, — встали на путь создания казахской автономии Алаш, и было создано правительство Алаш-Орда. Вот в общем-то одно из самых значимых политических событий.

Дальше — участие после майских событий 1918 года, антибольшевистское выступление, сотрудничество с Временным Сибирским правительством, Комучем в сентябре 1918 года; он один из подписантов акта о воссоздании всероссийской власти, когда было подписано известное соглашение на Востоке, и в общем-то до 1920 года он принимал в этом деле активное участие. А в 1920 году уже советская власть как победитель провозгласила и организовала казахскую автономию, вернее, она называлась в то время Киргизская Автономная Советская

Социалистическая Республика. И я должен сказать, что это было одно из первых автономных образований в советской республике. Во многом, конечно, это было связано с тем влиянием, с той ролью, которую играла казахская интеллигенция; алашевцы проводили эту работу, от чего даже большевики не смогли отказаться, то есть они приняли этот лозунг — автономия, но со своим содержанием — советским. А собственно говоря, с начала 90-х годов, когда уже был провозглашен Казахстан как независимое государство, эти идеи оказались довольно востребованными.

Я бы хотел в заключение своей первой части сказать, что несмотря на то, что казахские коллеги сделали очень большую работу, а это на самом деле очень большая работа, я просто был удивлен, как много опубликовано, издано пятнадцать томов сборника документов, речей, выступлений Алихана Букейханова, издано несколько монографий по его биографии, в России это в основном множество статей, в частности известного нашего историка Дины Аманжоловой, члена-корреспондента Христофорова, в Сибири это Шиловский; это в большей степени рассматривается как отдельные аспекты, связанные с движением Алаш, с Алаш-Ордой, но вот такой цельной биографии пока еще не создано.

А. А. ИВАНОВ

Спасибо большое, Виктор Иванович.

Говоря о Букейханове, слушая краткое освещение его биографии, возникает вопрос. Любого политического деятеля мы всегда оцениваем по его политической биографии: что ему удалось сделать, как удалось себя проявить. В частности, когда мы говорим о депутате Государственной думы, о представителе Центрального комитета конституционно-демократической партии Букейханове, возникает вопрос, насколько ему удалось реализоваться в Российской империи как политику, как депутату Государственной думы, как он проявил себя. И в связи с этим прошу Вас, Виктор Иванович, охарактеризуйте, пожалуйста, героя вашего исследования как политика.

В. И. КОЗОДОЙ

Я могу быть субъективным, потому что уже больше года занимаюсь, вникаю в это дело.

Что касается политической деятельности, на самом деле его биография — довольно любопытная. Это маленький мальчик из маленького аула, действительно степняк, из знатного рода чингизидов, на Востоке очень сильно это ценится и значимо, но в то же время не совсем состоятельная семья. Начал стремиться получать образование при содействии российской администрации, в частности генерал-губернатора Колпаковского, закончил школу, Омское техническое училище, а затем у вас, в Санкт-Петербурге, в имперской столице, Лесной институт, получил

довольно хорошее образование и вернулся опять в Сибирь, в Омск. Здесь он начал активно сотрудничать с такой интересной организацией, как Русское географическое общество императорское, в рядах которого было очень много сибирских областников, в частности наш очень известный областник Потанин, где признана идея сибирского областничества, сибирской автономии; и во многом, видимо, все эти идеи, казахская автономия были восприняты именно отсюда до тех времен, когда возникла возможность к такой легальной политической деятельности, как партия кадетов, до конца 1917 года.

По политическим взглядам и убеждениям Букейханов – это правоправный кадет, который общался со многими членами и лидерами кадетской партии. Они ему помогали и дальше по жизни. Он занимался очень такой активной деятельностью.

Я должен сказать, с точки зрения реализации та группа казахской интеллигенции, которую они организовали, или движение Алаш, с точки зрения возрождения — как цель — казахской государственности в такой форме, как автономия, это все было вокруг них, это главная идея у них была, и они, по сути дела, монополизировали эту идею, вокруг них это все вращалось, с 1913 года образовали газету под названием «Казах» и планомерно вели, продвигали эту тему до Февральской революции, когда он уже сам стал частью российской власти вместе со своими однопартийцами, и началось очень мощное движение — казахские съезды, один, второй, и вот в декабре поставили эту задачу — организация собственной автономии. Они ее, по сути, создали, единственное, как бы взяли время, чтобы официально провозгласить; но события уже в начале 1918 года, триумфальное шествие Советской власти — они этому воспрепятствовали. Долгое время там пытались вести переговоры с Москвой, в том числе о признании Советской власти, но договоренности такой не было достигнуто, почему они потом и вынуждены были пойти на сотрудничество и с антибольшевистским подпольем во главе с Гришиным-Алмазовым и с другими, с атаманом Дутовым в том числе, потому что не нашли отклика, в том числе у руководства большевистской партии, Советской власти.

Что, собственно говоря, произошло уже чуть позже, в 1920 году? Большевики со своей политикой образца 1920 года принципиально отличались от образца 1918 года, начали уже совершенно по-другому проводить и решение вопросов ... приняли решение, например, об амнистии, в том числе руководителей, лидеров Алаши. Букейханов потом стал сам сотрудником органов Советской власти уже в Казахстане, в Народном комиссариате земельных отношений. В этом смысле я считаю, что те задачи, которые они ставили — мобилизации, объединения, они эти задачи решили, они пропитали этими идеями автономии, по сути дела, всю интеллигенцию, все представительство, что даже новая власть не смогла этому никак воспрепятствовать. Понятное дело, что в 1918–1920 годы фактически шло два параллельных проекта автономии:

казахский и советский проект, который в итоге де-юре был реализован. Но большевики тогда попали в очень серьезную ситуацию, когда был большой дефицит кадров, был заключен своего рода такой договор, по взаимной выгоде, когда одни получают амнистию, а другие их привлекают на свою сторону — профессиональные кадры, потому что других практически не было.

Чего они добились? Ведь если мы возьмем современный Казахстан в начале XX века, то такой единой политико-административной единицы, как Казахстан, не было, территория современного Казахстана была поделена на целый ряд генерал-губернаторств, и поэтому для того, чтобы там чего-то добиться, сначала надо было определить территорию, население и далее органы власти, чем, собственно говоря, они и занимались. И вот здесь актив, движение Алаш, они, конечно, сыграли громадную роль в этом. И то, что имеем теперь — границы современного Казахстана, они во многом совпадают с теми предложениями, которые были выработаны именно тогда.

Я уже говорил, что в 1937 году он как лидер был репрессирован, в 1989 году полностью реабилитирован Верховным Судом СССР. Такие идеи, которые тогда возникали, сейчас в Казахстане довольно-таки востребованы. Сам Букейханов, имея российское или русское образование, пропитанный русской культурой, более того, жена у него была русская, в Омске они поженились, и некоторые его оппоненты обвиняли его в том, что он такой русофил, но тем не менее, в 1917 году на Сибирском областном съезде, выступая с большой речью, он говорил, что мы видим свое будущее с Россией, в данном случае с Сибирью. Областники там занимались, он для них был своим.

Кстати, возвращаясь к вопросу по поводу уровня политического деятеля, я должен сказать, что, читая стенограмму этого съезда — Сибирского областного 1917 года, понятно, например, для Москвы, для Питера он не был в лидерах, а что касается Сибири, Востока, это была очень значимая фигура, даже по манере обращения, когда на съезде каждый считал долгом, выступая, обратиться к нему и получить своего рода поддержку, то есть у него авторитет был очень большой. Даже в 1921 году такая известная фигура, как барон Унгерн, находясь уже в Монголии, — в ходе боев у него возник проект создания такой азиатской империи большой, — рассылал письма разным авторитетным людям, в том числе отправил два письма Алихану Букейханову. У нас нет точных данных, получал ли Букейханов эти письма, но Унгерн на суде, который был в 1921 году, заявлял, что отправил их Букейханову, как раз учитывая его очень большой авторитет, хотя они лично не были знакомы. И вот по воспоминаниям, особенно тех, кто был на Востоке — Урал, Сибирь, например, там такой крупный политический деятель был, как Кроль, они все апеллировали как раз к Букейханову. То есть у него на самом деле было здесь очень большое имя, восприятие.

Еще один из проектов, довольно-таки интересных, когда после свержения власти большевиков в Сибири, естественно, определялись, по какому пути дальше двигаться и развиваться, и вот у Букейханова возник один из проектов — о взаимодействии с Временным Сибирским правительством, это июль 1918 года, и было написано большое письмо. Одним из пунктов стояло рассмотрение вопроса создания некоей федерации на территориях, условно говоря, освобожденных от большевиков, в частности сделать такую федерацию из территорий: Башкирия, Киргизия, Казахстан, Туркестан, другая автономия и Сибирь. В Казахстане есть историк Сергей Сильвестров, у него очень много публикаций по этому поводу, он в этом увидел такой прообраз Евразийского сообщества, которое возникло у нас чуть позже. Естественно, Букейханов сам такой термин не употреблял, но идеи, очень сильно отображаются, очень похожие были по этому поводу.

Поэтому с точки зрения таких политических действий их, конечно, нельзя считать победителями в Гражданской войне, но в политике, как мы знаем, граница между победой и поражением довольно зыбкая, и более того, он сам погиб, но, тем не менее, идеи эти не только не умерли — они оказались довольно востребованными, и, возможно, в наше время вполне, наверное, правомочно считать, что в конечном итоге его идеи возобладали, и он стал победителем.

А. А. Иванов: Спасибо большое, Виктор Иванович.

Вижу, у нас появился новый участник дискуссии. Зиябек Ермуханович, вы нас слышите?

З. Е. Кабульдинов: Да-да, совершенно верно, я вас слышу хорошо.

А. А. Иванов: Здравствуйте! Я тогда передаю вам слово.

Слово Зиябеку Ермухановичу Кабульдинову, доктору исторических наук, профессору, директору Института истории и этнологии имени Валиханова.

Зиябек Ермуханович, в свете нашего разговора хотел бы задать вам такой вопрос. Охарактеризуйте нам, пожалуйста, личность Алихана Букейханова как политика и государственного деятеля и скажите, какое значение он имеет для Казахстана.

З. Е. КАБУЛЬДИНОВ

Хотелось бы выразить слова искренней благодарности организаторам, что сегодня в знаменитом Таврическом дворце в Санкт-Петербурге проводится уникальный международный круглый стол, посвященный жизни и деятельности неординарной и не до конца неоцененной фигуры Алихана Букейханова, личности не только, скажем, казахстанского масштаба, но и общероссийского, общеимперского уровня.

Что касается его характеристики как действительно выдающейся личности, безусловно, я полностью согласен с теми тезисами, которые сейчас высказал один из известных исследователей жизни и деятельности Алихана Букейханова, наш друг, коллега, профессор Виктор Иванович Козодой.

Тем не менее, хотел бы несколькими короткими тезисами обозначить его место и роль в истории, скажем, в социокультурном пространстве Казахстана и России.

Алихан Букейханов — это крупнейший государственный и общественный деятель, человек, который создал казахскую нацию образца начала XX века. Это подлинный лидер народа.

Я остановлюсь на нескольких моментах, чтобы тезисно показать природу и феномен его появления на политическом небосклоне Российской империи.

Во-первых, мы об этом все должны знать и помнить, что Алихан Букейханов — это потомок Чингиз-хана, потомок хана Джучи, одного из основателей могущественной Алтын Орды, или Золотой Орды. Более того, он — потомок одного из последних казахских ханов Среднего жуза Букея Баракханова. Дело в том, что по инициативе Российской империи в 1822 году в Среднем жузе была в одностороннем порядке ликвидирована ханская власть, то есть государственность на части территории современного Казахстана. Через два года в 1824 году также была отменена государственность на территории Западного Казахстана или, как мы говорим, Младшего жуза. И вот одним из последних казахских ханов, которого признала, которого назначила Российская империя, стал Букей Баракханов, который управлял казахами, проживающими на территории современной Карагандинской области. Алихан особо подчеркивал, что он имеет прямое отношение к этому знаменитому семейству.

Принадлежность его к ханской семье имела большое значение. Более того, я уверен и убежден, что его российские коллеги, государственные и общественные деятели, политическая элита того времени об этом знали, потому этот фактор был определенным плюсом: это был не обычный казах, не простой казах, не простой образованный казах, который имел многоступенчатое образование, передовое для того времени, это человек из императорской семьи, с именем которого олицетворяется почти 600-летнее правление чингизидов в Казахстане.

Второй вопрос. Он вырос в одном из крупных административных, научных, образовательных, торговых, политических центров всего Казахстана — городе Омске. Колонизация Казахстана, движение российской дипломатии, деятельность военной машины в основном шли из двух центров: из Оренбурга и Омска. А Омск в этом ключе занимал ведущие позиции. Омск как крепость был построен намного раньше, чем Оренбург, в 1716 году. Безусловно, в интересах освоения, присоединения края центр, Петербург, был вынужден в Омске создавать учебные заведения, открывать научные учреждения, готовить управленческую, административную элиту для края. Поэтому Омск в конце XIX — начале XX вв. представлял из себя один из крупнейших административных, культурных, научных, образовательных центров всей зауральской окраины.

В этих условиях в такую благодатную почву попадает чингизид, который имеет определенные политические амбиции, чингизидское происхождение и успешно оканчивает омское техническое училище. Конечно, в то время в Омске ни одного высшего учебного заведения не было, но, тем не менее, Алихан Букейханов окончил одно из престижных учебных заведений того времени, которое готовило инженеров, насколько я знаю, для железнодорожного транспорта. Поэтому прежде чем поехать в центр империи, он уже был вполне подготовленным и образованным человеком.

Третий фактор, который повлиял на становление его как большой политической фигуры, как актора общероссийского масштаба, — он с 1896 года, об этом упомянул вскользь нами уважаемый Виктор Иванович, был в составе многих статистических экспедиций во главе с Федором Щербиной, которые знались выявлением так называемых, в кавычках или без кавычек, «земельных излишков» на территории степных областей, в том числе и на территории Омского уезда Акмолинской области. Я вот сравниваю два материала экспедиции: первая, которая была во главе с Федором Щербиной, где активное участие принимал Алихан Букейханов, и потом повторная экспедиция — под руководством А. Кузнецова. Это небо и земля. Там виден четкий почерк Алихана Букейханова и других известных образованных казахов того региона, того времени. Поэтому он, находясь на территории этих степных уездов, в составе этой экспедиции, подобрал в себя всю историю, всю многовековую культуру казахского народа и пронес ее по всей своей жизни. Я сам выпускник российского вуза — Омского госуниверситета, тоже в студенческие годы участвовал в экспедициях, и я знаю, насколько полезно для человека живое общение с респондентами, информаторами во время экспедиций. Вот этот аспект мы не должны забывать. Многие материалы по истории, генеалогии, происхождению отдельных родов принадлежат именно перу Алихана.

И, наконец, четвертый фактор, который делает его выдающейся личностью общероссийского масштаба, — безусловно, среда. Он не только вращался в чиновничьей интеллектуальной среде, скажем, европейского населения в городе Омска, он вращался и среди казахов Омского уезда. И в образовательном плане казахи Омского уезда, по мнению одного из первых министров просвещения казахской автономии с центром в городе Оренбурге Смагула Садвакасова, были очень образованными. Их было около 30 процентов, в то время как в остальной части Казахстана грамотные казахи составляли около 2 процентов. Именно в этой среде вырос и состоялся Алихан Букейханов.

И, наконец, он уже состоял в верхушке крупнейшей кадетской партии и был избран депутатом Государственной думы, хотя не успел в ней поработать.

Одним словом, Алейхан Букейханов — это личность общероссийского масштаба. Раньше почему-то его относили только к создателю казахской

нации начала XX века, лидером только казахского народа, а здесь Виктор Иванович предложил идею, что он один из активных акторов, политических деятелей в масштабах всей Российской империи.

Он не мог не встать во главе национально-освободительного движения, что выразилось в небольшом, но емком тезисе-девизе-кредо: «Пока я жив, не перестану служить казахам».

Спасибо.

А. А. ИВАНОВ

Большое спасибо, Зиябек Ермуханович.

Позвольте задать по краткому вопросу каждому из участников нашего сегодняшнего разговора. Вы коснулись политической биографии Букейханова, отметили его заслуги, его значение, но хотелось бы также узнать: как выстраивались его отношения после революции 1917 года с Временным правительством, с вождями антибольшевистских движений, с советской властью? И как он, являясь и российским, и казахским политиком, видел будущее казахских земель и их взаимоотношения с Россией?

В. И. КОЗОДОЙ

Я уже говорил, что он был одним из активных участников партии кадетов. Когда Февральская революция произошла, он находился в Минске, где сотрудничал с Земгором по поводу организации быта и жизни казахов, которые были призваны на тыловые работы. И, как говорят нам источники, сказал: «Все мои друзья сейчас в правительстве. Что же я здесь делаю?» — в шутку, — и вскоре он действительно оказался в Петрограде. С некоторыми членами Временного правительства он не только контактировал, но и был действительно в хороших отношениях. В частности, в Самаре в 1915 году, наладил тесное взаимодействие с Керенским, что тоже сыграло определенную роль позже. Он неспроста сразу был назначен комиссаром Временного правительства.

Октябрьский переворот — он его не принял и не мог принять в силу своих взглядов и убеждений. Более того, 1 декабря 1917 года даже выпустил памятку, где осуждал действия большевиков, в частности, Ленина. Далее, уже после принятия решения об Алашской автономии, с 1918 года, надо было как-то выстраивать взаимоотношения, и пошли на переговоры с руководством Советской России. Но во многом эти переговоры не сработали, в том числе из-за отношения как раз руководства Советской власти.

Вот здесь есть очень важный момент, где лидеры движения Алаш откровенно писали, говорили, что мы не понимаем, что от нас хочет Советская власть, от нас требуют создания Советов, но у нас нет пролетариата, у нас нет даже солдат. Но тем не менее эту жесткую позицию Сталина в своих апрельских статьях 1917 года большевики жестко обозначали, что эти правительства — национально-буржуазные,

с целью одурманивания своих масс, и понятно, что нам не по пути с ними. Это позиция их была. Хотя, наоборот, лидеры Алаша и Букейханов были довольно склонны пойти на определенный компромисс ради своих интересов, своих идей.

Но этот проект не состоялся. И тогда произошло антибольшевистское выступление в мае 1918 года, где довольно быстро наладили контакты, как я уже говорил, и с Временным Сибирским правительством, а чуть позже и с Комучем, а в сентябре и вовсе выступали как бы совместно — декларация о воссоздании, восстановлении всероссийской власти.

Ноябрь 1918 года — переворот в Сибири Колчака. Здесь я должен сказать, что с Колчаком было не все так просто. Когда мне коллеги, мои друзья, помогли работать в Центральном государственном архиве Республики Казахстан, то я нашел документы — анкеты за подписью Алихана Букейханова. И в одной из них, уже как сотрудник советских органов, на вопрос, чем он занимался во время Гражданской войны, он написал: был против красных и Колчака. И это действительно так. Он даже арестовывался при Колчаке, с подозрением относился. Потому что вот здесь, например, если с Временным Сибирским правительством — те выступали за автономию, и они выступали за автономию — могли как-то строить диалог и о чем-то разговаривать, то с Колчаком это было практически невозможно, и они это тоже понимали. Когда провозглашался лозунг «Единая и неделимая Россия», все эти идеи автономии уходили на задний план, до победы и дальше, там понятно, чем бы все это закончилось.

Здесь дальше началась уже другая политика, когда Советы вовремя сориентировались, как раз стали выступать с лозунгами создания автономий, советской автономии — хотя бы пусть советская, но автономия, вот здесь нашли уже этот контакт где-то до 1920 года; переговоры начались уже где-то с середины 1919 года, чтобы выстраивать отношения с Советской властью. А дальше были амнистия и сотрудничество в органах Советской власти. Хотя надо сказать, конечно, что это был очень сложный процесс. Потому что, например, в 1920 году здесь, в Сибири, был крупный политический процесс над министрами Сибирского правительства, правительства Колчака: четырех человек приговорили к расстрелу, остальных к длительным срокам заключения, а здесь лидеры Алаш согласились и получили амнистию. И вот сложилась такая ситуация, когда война закончилась, казалось бы, непримиримые враги, сказали: «Все, теперь обнимитесь и работайте вместе», — чисто психологически можно понять: война есть война, погибали друзья, знакомые и родственники, и выстроить отношения психологически, конечно, было очень сложно, и во многом находились под подозрением. Непроста тот же Алихан в 1922 году был арестован, причем, в том числе, по инициативе местных властей, и уже в конце 1922 года его перевели в Москву, где он до смерти находился.

Примерно такой порядок взаимоотношений.

Я что хочу сказать? Что, конечно, в работах Дины Аманжоловой очень хорошо описан процесс становления Советской власти после победы, что одно дело — провозглашать лозунги Советской власти, другое — когда с начала 20-х годов практическая реализация. Идеи приемлемые для центральной части страны, не работали во многом на окраинах. Все, что не получалось, списывалось, естественно, на противодействие, на контрреволюцию. Хотя каких-то организационных структур не было обнаружено, это было все позже составлено. И если бы политика была другая, то, может быть, и результат был бы несколько иной. В конечном итоге, эта система управления с приездом Голощекина как руководителя Казахстана, который провозгласил, что здесь нет и не было Советской власти, и сейчас начнется «малый октябрь», привела к довольно тяжелым последствиям, когда ликвидировали старую систему управления, экономики, не создавая реально новой. Все это привело к тяжелым последствиям, в частности к голоду, когда очень много населения погибло, или вынуждено было откочевать.

Но, тем не менее, вот примерно такие позиции, такая ситуация 1922 года. Алихан Букейханов находился, жил и работал в Москве, там тоже его привлекали — Академия наук СССР для своих работ, вот Зиябек Ермуханович очень хорошо говорил, что как крупного ученого его привлекали именно в этом, и то, что экономические, в том числе, последствия, границы — это во многом, конечно, связано с его именем, и, наверное, не полностью до конца оценено до сих пор.

Находясь с коллегами в Казахстане, я говорил, что, на мой взгляд, мне кажется, что еще не до конца осознали всю историческую роль, какую он там сыграл как для Казахстана, так и для России.

И я тоже благодарен организаторам конференции, что имя этого человека выходит сейчас на совершенно новый план, в России, по крайней мере.

Спасибо.

А. А. Иванов: Спасибо, Виктор Иванович.

Зиябек Ермуханович, хотите добавить что-нибудь относительно того, как Алихан Букейханов смотрел на взаимоотношения России и Казахстана? Буквально на две минуты.

3. Е. КАБУЛЬДИНОВ

Вначале, конечно, в 1918–1919 годах, все-таки у Алихана была надежда на создание блока с так называемыми белыми правительствами. Но, видя, что и Колчак, и другие правительства выступают за неделимую и единую Россию, Алихан Букейханов отошел от них. Хотя были моменты совместных боевых действий против большевиков. Многие белые генералы, офицеры отмечают героизм и мужество на фронте алашских полков, которые выступали на стороне так называемых белых. Это первое.

Что касается взаимоотношений с большевиками, действительно, уже в 1919 году значительная часть руководства правительства Алаш Орды начинает переходить на сторону большевиков. Почему? Потому что большевики плавно перехватили надежду, идею казахов создать свою автономию, но на основах классовой борьбы и диктатуры пролетариата. Поэтому один из лидеров алашского движения, соратник Алихана Букейханова Ахмет Байтурсынов вошел в революционный комитет, был в его руководстве; потом значительная часть алашских деятелей начали служить в госаппарате Советской власти. Но уже в начале 20-х годов начинается их нейтрализация, потому что они представляли определенную угрозу большевикам. Большевики формально объявили о том, что казахский народ может отделиться от Советской России, но фактически они этого не желали. Поэтому алашские деятели, в том числе Алихан Букейханов, представляли для Советской власти повышенную опасность.

Вот в этом плане Алихан Букейханов хотел, конечно, добиться автономии. Вот мы знакомимся с литературой, с его выступлениями на казахском языке и сравниваем с его выступлениями на русском языке, и большие отличия, определенные, есть. Например, когда он выступает на русском языке в русской аудитории, он больше говорит о создании автономии. Когда он выступает на страницах казахской прессы, он говорит о том, что в будущем, когда-то, мы построим свое независимое государство. Вот такая двойственность существует у Алихана Букейханова. Видимо, открыто перед своими российскими, русскими соратниками, коллегами он не хотел раскрывать полностью свои карты. В этом плане, конечно, Алихан Букейханов был националистом, в хорошем смысле слова, не в том смысле, который мы знаем еще со школы, со студенческой скамьи. Он был ярый казахский националист.

Но один уникальный момент: у всех казахских националистов типа Алихана Букейханова жены были русскими, но они никогда шовинистами не были. Например, у Алихана Букейханова жена русская; у второго руководителя, Ахмета Байтурсынова тоже; у Мустафы Шокая, другого премьер-министра Туркестанской автономии (или Кокандской) аналогично. И так далее. И жены, самое интересное, верой и правдой служили своим казахским мужьям. Они были националисты в хорошем смысле слова, они уважали, ценили, хотели свободу и независимость стране, в то же время никогда не унижали другие народы. В частности, Виктор Иванович об этом немножко сказал: когда создавали алашское правительство, то из двадцати пяти мест было предоставлено ровно десять представителям неказахской национальности. Это высокий демократизм.

Все. Спасибо.

А. А. ИВАНОВ

Большое спасибо вам за сообщение.

У нас остается буквально несколько минут. Если кто-то из участников нашего круглого стола хотел задать вопросы, то мы успеваем выслушать один вопрос и ответ на него.

Есть ли желающие?

О. Г. МАЛЫШЕВА

Малышева Ольга Геральдовна, доктор исторических наук, профессор. Большой привет Виктору Ивановичу, он заулыбался, мы с ним хорошо знакомы.

Вопрос следующий. Во-первых, для меня было большой интригой, что Виктор Иванович с таким же увлечением, как он занимался Гучковым Александром Ивановичем, сегодня выступил с прекрасным сообщением о своем новом герое — Букейханове.

У меня вопрос такой. В апреле 1918 года Букейханов, который действительно, как справедливо утверждал Виктор Иванович, не принял Советскую власть, тем не менее, принимает участие в переговорах, в личных переговорах, с Лениным и Сталиным о предоставлении Казахстану национально-территориальной автономии. Нельзя ли пояснить мотивацию? То есть человек не признает власть и, однако, идет на контакт с первыми лицами этой власти для решения в общем-то одного из программных своих положений — предоставления национально-государственной автономии, точнее национально-территориальной.

И второй вопрос. Известно, что Букейханов был репрессирован в годы «большого террора» в сентябре 1937 года. Нельзя ли уточнить — я не нашла этих данных, какую должность, хотя он был человеком уже достаточно пожилым, ему было 67 лет, занимал на этот момент? Где он жил и работал?

Спасибо.

В. И. КОЗОДОЙ

Я могу сказать. Вот первый вопрос — по поводу мотивации. Во-первых, у меня подход такой: изучать биографию от рождения и до смерти, потому что только тогда можно понять мотивацию конкретную в тех или иных действиях, без этого понять невозможно. Если бы позволяло время, я бы, наверное, больше рассказал. Даже такой момент. Вот Зиябек Ермуханович сказал по поводу Букейханова, по поводу его предка, но ведь что касается личного фактора, он взял фамилию Букейханов уже довольно поздно, когда ему 20 лет было, это тоже его характеризует — такой символизм определенный.

Что касается непосредственно апреля, надо смотреть с точки зрения конкретных исторических процессов, которые тогда происходили. Да, он заявил, что не признает Советскую власть. Но что дальше произошло? Январь — триумфальное шествие Советской власти даже не потому, что большевики были такие сильные, а просто не было тех сил,

которые могли что-то противопоставить. Это действительно так было, когда старая система развалилась. Февраль 1918 года — большевики разгромили Туркестанскую автономию. То есть у лидеров Алаш был живой наглядный пример, что может быть. И в этой ситуации он, как человек очень образованный, политически грамотный, прагматик в хорошем смысле этого слова, — они прекрасно понимали, а что оставалось делать? Либо все бросить и сбежать? Для него лично это было просто неприемлемо. Поэтому надо было искать какие-то компромиссы. Представить как некую такую силу, в тот период времени самостоятельно выступить против большевиков? Я думаю, они сознавали, что такой реальной возможности у них не было. Поэтому они прилагали все возможные усилия, чтобы пойти на компромисс. Я еще раз говорю: уже в ходе этих переговоров в апреле они понимали, что это будет, наверное, невозможно; тот же Сталин в самом начале апреля 1918 года дает большое интервью газете «Правда», где просто полочет — понятно было, что ничего там такого доброго не будет.

Я бы тут еще, Ольга Геральдовна, обратил внимание вот на что: большевики, у них тоже было очень сильное головокружение от успехов, что они не считали нужным с кем-то и о чем-то договариваться, что вот как мы сказали, мы и так довольно сильны. А в 1920 году они уже по-другому рассуждали.

Что касается 1937 года. Он был уже пенсионер к этому времени, его отовсюду убрали.

А. А. ИВАНОВ

Спасибо большое, Виктор Иванович.

Я хочу поблагодарить наших сегодняшних участников круглого стола, докладчиков за интересные сообщения, за то, что познакомили нас с личностью Алихана Букейханова!

Большое вам спасибо за участие! Всего доброго! До свидания.

ПРОГРЕССИВНЫЙ БЛОК — «КАТАЛИЗАТОР» РЕВОЛЮЦИИ ИЛИ «СПАСАТЕЛЬНЫЙ КРУГ» ОТ НЕЕ?

«ЧЁРНЫЙ» ВЗГЛЯД НА «ЖЕЛТЫЙ» БЛОК: КОНСЕРВАТИВНАЯ КРИТИКА ДУМСКОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ОППОЗИЦИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹

ИВАНОВ АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,
доктор исторических наук,
профессор Института истории
Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

Аннотация: В статье рассматривается отношение русских правых к сложившемуся в годы Первой мировой войны в законодательных учреждениях Российской империи объединению либеральной оппозиции — Прогрессивному блоку. Особое внимание уделено ключевым моментам, вызывавшим критику блока со стороны консервативного лагеря. Показано, что главными обвинениями по адресу блока были следующие: нарушение хрупкого политического мира, достигнутого в начальный период войны; понимание под «общественностью» исключительно своих единомышленников; неспособность к политическому компромиссу и революционизация страны. Доказывается, что критика правыми Прогрессивного блока оказалась весьма прозорливой и меткой. В отличие от либеральной оппозиции, верившей в свои государственные способности и авторитет в широких народных массах, правые более трезво оценивали ситуацию, справедливо указывая, что в случае обрушения существовавшего строя либералы не удержат власть, и она достаточно скоро окажется в руках левых радикалов.

Ключевые слова: Государственная дума, Российская империя, Прогрессивный блок, либеральная оппозиция, русские правые, черносотенцы, Первая мировая война.

Сформировавшийся в августе 1915 г. единый фронт либеральной оппозиции, получивший название Прогрессивного блока, как известно, вызвал

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00105 «Политические партии России начала XX в.».

неприятие и резкую критику со стороны крайне правых сил. И причина этого противостояния заключалась не только в конкуренции между двумя противоборствующими политическими лагерями, но и в искренней озабоченности значительной части русских консерваторов за судьбу монархии, империи и отечества. Поскольку подробный анализ отношения правых к Прогрессивному блоку уже предпринимался в наших работах¹, в рамках данной статьи остановимся лишь на основных и, пожалуй, главных аспектах критики правыми Прогрессивного блока и его программы.

1. Нарушение хрупкого политического мира. Сам факт возникновения оппозиционного блока, требующего смены правительственной власти и широких реформ, оттягивающих значительные средства от нужд государственной обороны в условиях тяжелейшей для страны войны, был встречен правым лагерем с тревогой и опасением. Уже в сентябре 1915 г. один из правых депутатов Государственной думы В. Н. Снежков, обращаясь с открытым письмом к членам только что сформированного блока, указывал на то, что хотя желание иметь правительство, пользующееся общественным доверием, вполне естественное, однако на практике оно недостижимо без острой политической борьбы. «Такая небывалая война, как настоящая, требует напряжения всех сил народа, мы не можем одновременно разрабатывать спорные вопросы, а только такие, по отношению к коим наше единогласие обеспечено. <...> В обычное время ругань среди членов Г. Думы является нарушением элементарных правил общежития и, безусловно, не должна быть допускаема в стенах Думы, но теперь такое проявление „темперамента“ является уже серьезным государственным преступлением», — отмечал правый политик². Снежков напоминал оппозиции, что в первые дни войны отношения между такими антиподами, как Н. Е. Марков и П. Н. Милюков, «не оставляли желать ничего лучшего» (как утверждало «Русское знамя», в первые дни войны политики на волне патриотического подъема даже обменялись рукопожатиями³). Выход из сложившегося «невыносимого, чреватого страшными опасностями положения», виделся депутату в восстановлении «священного единения» и временного отказа либеральной оппозиции от достижения своих политических целей до окончания войны ради сохранения внутреннего мира, поскольку «политические идеалы должны поблекнуть по сравнению с другим идеалом — независимой и целой великой Российской империей»⁴.

¹ Иванов А. А. 1) Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). М.; СПб., 2013; 2) Консервативные партии // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю. А. Петров. М., 2014. С. 519–559.

² Снежков В. Н. Открытое письмо членам Государственной думы // Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918 гг.: в 4 т. М., 2014. Т. 2: Консерваторы: великие разочарования и великие уроки / Отв. ред. А. В. Репников, сост., предисл., и коммент. А. В. Репников, А. А. Иванов. С. 180–181.

³ Русское знамя. 1914. 23 августа.

⁴ Снежков В. Н. Открытое письмо членам Государственной думы. С. 183.

Об этом же говорил и видный член правой группы Государственного совета А. П. Струков. В одном из интервью политик отмечал, что он и его единомышленники признают «необходимость и полезность существования Государственной думы», но вынуждены констатировать, что «переживаемое время является совершенно не подходящим для проведения каких бы то ни было внутренних реформ»¹. Тогда же, в сентябре 1915 г., в ответ на декларацию Прогрессивного блока А. П. Струковым, А. А. Нарышкиным, А. П. Роговичем и Г. Г. Замысловским был выработан проект декларации правых, содержащий призыв оставить любые преобразования, не имеющие прямого отношения к войне, до победы над Германией. Авторы декларации указывали на то, что путь, предлагаемый Прогрессивным блоком, не соответствует официально декларируемой им же цели — как можно скорее привести Россию к победе, поскольку выдвигает несвоевременные вопросы в неподходящее для этого время, отвлекающие необходимые для успешного окончания войны ресурсы, силы и время². Указывая на необходимость единения всех политических сил страны, которое не может быть реализовано без устранения из политической деятельности «всего того, что могло бы возбудить старые, незаконченные споры и посеять столь несвоевременную и нежелательную рознь», авторы документа протестовали против того, что «некоторые группы наших законодательных учреждений», постоянно говорящие о необходимости единения, выдвигают требования, «прямого отношения к войне не имеющие»³.

В феврале 1916 г. Н. Е. Марков, в своей думской речи указывая на непрочность созданной «политической композиции», которая «совместила достопочтенного Фридмана и достопочтенного Шульгина», обращаясь к деятелям Прогрессивного блока, говорил: «Вы говорите: общественное доверие, страна верит вам, представителям шести объединившихся фракций. А я этого не вижу. <...> Вам не верит страна, вы ошибаетесь, кому-нибудь другому верит, а не вам. <...> Верят вам представители шести еврейских газет. (*Шум слева.*) <...> Господа, я не обвиняю вас, но указываю, что, по-моему, вы совершили ряд неправильных поступков. Во-первых, в то время как первый год войны прошел в действительном объединении, когда мы все как один работали на оборону, с июля вы устроили раскол Государственной думы, <...> вы раскололи Думу <...>. Вы и учинили раскол, а вы говорите, что сделали объединение, что пожертвовали чем-то и соединились. Нет, господа, вы пожертвовали многим, как я скажу про бывших националистов, но вы не объединили, а раскололи Думу в момент государственной исторической опасности. Это, господа, великий ваш грех»⁴. А спустя несколько дней Марков

¹ Цит. по: Бибин М. А. Дворянство накануне падения царизма в России. Саранск, 2000. С. 66.

² РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 58. Л. 6 об.

³ Там же. Л. 7.

⁴ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Пг., 1916. Стб. 1453–1455.

высказался в Думе еще резче: «...вы ввели распрю, вы составили блок, вы разделили Государственную думу, вы выбросили всех инакомыслящих из бюджетной комиссии, вы лишили правых докладчиков их докладов, вы учинили ряд несправедливостей. Пользуясь тем, что имеете большинство в Государственной думе, вы проявили произвол, насилие, не считаясь с правами меньшинства, вы все это сделали. И вы осмеливаетесь говорить, что вы единодушны, вы осмеливаетесь говорить, что вы кого-то объединили, вы — враги Отечества»¹. По мнению правых, выраженному в думском выступлении председателя фракции С. В. Левашева в феврале 1916 г., «в тот роковой час, когда Россия стоит перед гамлетовским вопросом — быть или не быть, возможен только один блок, это блок всего русского народа для одоления врага ... и никакие другие блоки недопустимы...»².

Однако все попытки убедить лидеров Прогрессивного блока в том, что выдвинутые ими политические требования не имеют прямого отношения к войне и часто являются «весьма спорными с точки зрения блага России», не привели ни к какому результату. В связи с этим правые неоднократно повторяли, что Прогрессивный блок не объединил, а расколол Думу в момент государственной опасности. И в этом отношении, как представляется, они были правы.

2. Понимание под «общественностью» исключительно своих единомышленников. Несмотря на то, что либеральная оппозиция регулярно обвиняла своих политических противников как в лице правительства, так и в лице правых партий в том, что именно из-за них рухнуло «священное единение», достигнутое в начале войны, у правых были все основания считать иначе. Ведь робкие попытки отдельных правых лидеров пойти на компромисс с Прогрессивным блоком сразу же были отринуты последним. Например, настроенный на конструктивный диалог с либеральной оппозицией лидер правой группы Государственного совета граф А. А. Бобринский пытался вступить в переговоры с лидерами блока П. Н. Милюковым и П. Н. Крупенским³, но, несмотря на всю проявленную «гибкость», графа на заседания Прогрессивного блока так и не пустили. Несмотря на то, что Бобринский всячески подчеркивал, что он является «общественным деятелем правых убеждений», «человеком общественности»⁴ и декларировал готовность к диалогу с либеральным лагерем, тот не захотел иметь с ним никакого дела. «С точки зрения графа Бобринского, — замечал политический обозреватель „Вестника Европы“, — „человеком общественности“ следовало бы признать, например, г. Маркова 2-го, а много ли можно насчитать людей, к которым так мало подходил бы эпитет?»⁵.

¹ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Пг., 1916. Стб. 1984.

² Там же. Стб. 1266.

³ Новое время. 1915. 29 августа.

⁴ Арсеньев К. На темы дня // Вестник Европы. 1916. № 4. С. 290.

⁵ Там же. С. 291.

Таким образом, либеральные политики и публицисты монополизировали исключительно за оппозицией право считаться представителями «общественности», отказывая в нем точно таким же общественным деятелям из консервативного лагеря. Как замечал в связи с этим председатель фракции правых С. В. Левашев, говоря о «министерстве доверия», представители либеральной оппозиции подразумевают, «что этим доверием облечены лишь члены блока и их единомышленники, и из них только и может быть составлен такой кабинет»¹. Кроме как полного признания этого права за собой, представители либеральной оппозиции не допускали никаких иных вариантов и компромиссов. Поэтому любые попытки справа войти с Прогрессивным блоком в конструктивные отношения были обречены на фиаско: примиренческая политика воспринималась исключительно как слабость правых и не встречала со стороны Прогрессивного блока ни малейшего желания искать хоть какие-то точки соприкосновения. По сути, оппозиционный блок ставил власти и правым ультиматум: либо принятие его требований и притязаний, либо ожесточенная борьба.

Точно таким же было и отношение Прогрессивного блока к назначению императором министров: ни назначение главой министерства внутренних дел правого депутата А. Н. Хвостова (первый в истории Российской империи случай назначения на эту должность народного избранника), ни призывание на этот пост товарища председателя Государственной думы и члена Прогрессивного блока земца-октябриста А. Д. Протопопова не было оценено либеральной оппозицией как готовность Николая II к компромиссу с «общественностью». Напротив, к удивлению монарха любой его шаг в этом направлении воспринимался крайне негативно, так как «правительство народного доверия» (а, по сути, «ответственное министерство») должно было быть сформировано исключительно лидерами Прогрессивного блока, считавшими, как отмечалось выше, «общественностью» или даже «страной» исключительно себя самих. Как отмечал член блока прогрессивный националист В. В. Шульгин, «кого ни назначишь, все равно никому не угодишь, потому что страна помешалась на людях „общественного доверия“, а государь как раз к ним доверия не имеет...»².

О том же писал и член блока земец-октябрист С. Т. Варун-Секрет, по словам которого либеральная оппозиция не готова была принять никакого назначения, сделанного верховной властью, имея следующую «презумпцию» — «из Назарета ничего доброго не выходит»³. «Общественность ведь, в сущности, признавалась только от к-д и влево, — писал депутат, — хотя об этом деликатном вопросе обычно умалчивали. Следует вспомнить, что русское общество долгие годы систематически воспитывалось в специфическом понимании значения общественности. Последняя провозглашалась

¹ Совещание монархистов 21–23 ноября 1915 года в Петрограде. Постановления и краткий отчет. М., 1915. С. 10.

² Шульгин В. В. Дни. 1920. М., 1989. С. 153.

³ Иванов А. А., Маишечев С. В. С. Т. Варун-Секрет «А. Д. Протопопов и последние дни Государственной думы» // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 3. С. 778.

„началом добрым“ в противовес власти и бюрократии — как „началу злomu“. Два лагеря: „мы“ и „они“. Общественность считалась непогрешимой, справедливой, беспристрастной, бескорыстной и жертвенной; на этой стороне была монополия понимания народных нужд и защиты его [народа] интересов. А там „у них“ — своекорыстие, ложь, личный интерес и угнетение народа»¹. Развивая эту мысль, Варун-Секрет признавался: «...в назначении Протопопова [усмотрели] попытку царя найти пути сближения с общественностью и Государственной думой, а это коренным образом не входило в задачу тех, кто вел осаду власти, стремясь изолировать ее». И добавлял: «Если Милюков с группой единомышленников определенно преследовал этой тактикой свою революционную цель, то в интересах справедливости я должен сказать, что значительная часть депутатов без достаточной критики стадно шла за вождями, не отдавая себе отчета в том, почему и она оказалась враждебной к Протопопову. Это было тем более странно, что лозунгом того времени было Министерство народного доверия, и, казалось бы, всякий шаг власти навстречу такому домогательству должен бы был принят благожелательно. Но случилось обратное. Разгадка этого в том, что самый лозунг являлся фальшью и лицемерием. Он заключал в себе совершенно иной смысл и совершенно иное значение. Эта формула была изобретена в тех революционно-конспиративных кругах, которые готовили переворот, а в Государственной думе ее глашатаем был г. Милюков»². По оценке Варун-Секрета получалась парадоксальная на первый взгляд ситуация: требуя правительства общественного доверия, вожди либеральной оппозиции не желали, чтобы этот лозунг начал реализовываться с высоты престола. Вожди российского либерализма, уверовавшие в свою непогрешимость и государственные способности, оказались неспособными к диалогу с властью, которая хоть непоследовательно и робко, но делала шаги навстречу притязаниям «общественности». Они вполне осознанно выбрали путь бескомпромиссной политической борьбы, итогом которой стало крушение монархии и империи.

Между тем, правые оказались более прозорливы, заявляя, что, собственно говоря, ни народа, ни «страны» в том смысле, который вкладывали в эти слова лидеры оппозиции, за Прогрессивным блоком не было. П. Н. Дурново, Н. Е. Марков, М. Я. Говорухо-Отрок, П. Ф. Булацель и другие видные представители правого лагеря предупреждали об этом в своих речах, статьях и записках, но услышаны тогда не были³.

¹ Иванов А. А., Машкевич С. В. С. Т. Варун-Секрет «А. Д. Протопопов и последние дни Государственной думы» // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 3. С. 779.

² Там же. С. 778.

³ См.: Иванов А. А. 1) «В своих предсказаниях правые оказались пророками». Русские монархисты о войне с Германией, перспективах либерализма и революции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2009. № 2. С. 13–20; 2) «Все, что теперь совершается в России, сеет семена близкой бури»: предреволюционные «пророчества» П. Ф. Булацеля // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. / Ред. кол.: А. Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д. А. Бажанов, А. А. Иванов. СПб., 2012. С. 6–15.

Либеральная оппозиция не допускала мысли, что ей довольно быстро придется уступить место более радикальным и решительным силам слева. Еще в 1914 г. П. Н. Дурново предупреждал, что итогом «яростной кампании» против правительства, которая начнется в законодательных палатах в случае военных неудач, станут революционные выступления¹, а П. Ф. Булацель в 1916 г. указывал на то, что в случае победы Прогрессивного блока над самодержавием, «„блокистов“ сметут более искреннее и более смелые Керенские, Чхеидзе, Сухановы и К^о»². Поддерживаемые оппозиционно настроенной частью образованного российского общества, лидеры Прогрессивного блока, как показали дальнейшие события, не имели серьезного влияния в народных массах, в которых сумели разрушить доверие к верховной власти, но так и не смогли стать для них авторитетной силой. Лишь со временем некоторые из них смогли признать, что «в своих предсказаниях правые оказались пророками», предсказавшими, что «либералы у власти будут лишь предтечами революции», а затем «сдадут ей свои позиции»³.

3. Революционизация страны. Но, пожалуй, самым главным в череде упреков, звучавших в адрес Прогрессивного блока, было обвинение его в революционизации страны. Как вспоминал примкнувший к Прогрессивному блоку представитель внепартийного объединения Государственного совета В. И. Гурко, крайне правые «едва ли не с места заподозрили блок в революционных устремлениях, не без основания опасаясь, что при объединении элементов оппозиционных с теми, которые в общем считали, что существующий государственный строй отвечает положению страны, верх и руководящее влияние в создавшемся таким путем союзе возьмут левые, обладающие большими политическими навыками и большей трудоспособностью». «Опасения эти, — вынужден был далее признать Гурко, — до известной степени оправдались»⁴.

Правые решительно выступили против программы и деятельности Прогрессивного блока, считая ее, по выражению Н. Е. Маркова, «осадой власти», которая в условиях войны была недопустимой и граничащей с государственным преступлением. «Программа Прогрессивного блока, — отмечал единомышленник Маркова в Государственном совете М. Я. Говорухо-Отрок, — все та же прекрасная незнакомка, которая уже появлялась десять лет тому назад в 1905 и 1906 гг.»⁵. «...что же это? Ведь в самом начале заседаний Думы ка-дэки и октябристы отвергли формулу перехода к очередным делам с требованием коалиционного министерства на том основании, что это требование противоречит нашим

¹ Записка П. Н. Дурново // Свет и тени Великой войны. Первая мировая война в документах эпохи / сост. А. В. Репников, Е. Н. Рудая, А. А. Иванов. М., 2014. С. 72.

² Булацель П. Ф. Дневники // Российский гражданин. 1916. № 42. С. 16.

³ Маклаков В. А. Из прошлого // Современные записки. 1929. Т. 38. С. 280.

⁴ Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 688.

⁵ Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг. В 3-х т. М., 2002. Т. 3. 1913–1916 гг. С. 638.

Основным законам, а настоящее положение не допускает проведение таких мер, — отмечали „Московские ведомости“. — Итак, косвенным образом сама же Дума признала подобное мероприятие революционным и, стало быть, недопустимым в настоящее время. Между тем, теперь отдельные группы наших законодательных учреждений идут уже не на положения, а на осуществление на деле своих чисто революционных домогательств. Они не останавливаются перед тем, что своими вождельениями они посягают на права верховной власти увольнять министров и на их место назначать новых. Тут налицо все признаки захватного права, бунта, революции...»¹. В том, что блок, «вмещающий три четверти всего состава членов Думы, открыто, нагло и подло „гнул“ настроение общественных масс на торную дорогу революционных выступлений», не сомневалось и черносотенное «Русское знамя»².

В связи с этим в консервативной печати Прогрессивный блок иногда именовался «красным блоком»³. Но в итоге, с подачи лидера думской фракции правых Н. Е. Маркова, объединение либеральной оппозиции получило в консервативных кругах название «желтого блока», так как ни «кроваво-красные» (левые), ни «черные» (правые) в блок не вошли, а вошли туда «все промежуточные цвета между черным и красным», от смешения которых и получился «желтый» блок⁴. Однако в том, что блок стремится к изменению государственного строя и не остановится даже перед государственным переворотом, правые не сомневались. В думской речи 19 февраля 1916 г. Н. Е. Марков констатировал, говоря о намерениях лидеров блока захватить власть: «Одни из блока требуют этого немедленно, более откровенные другие говорят, что пока блок только захватит власть реально, а оформит дело лишь после войны. Разница только в том, что одни хотят свершить переворот в 1916 г., а октябристы и их друзья желают отложить до 1917–1918 гг. Вопрос только во времени, но существо — одно и то же»⁵.

Борьба с властью в военное время, считали правые, неминуемо ведет к революции, а революция во время войны будет означать разгром России. Правые пытались втолковать лидерам Прогрессивного блока, что «народ и рабочие — они люди дела, они люди мозолистых рук», и если им говорить о том, что нужно бороться с властью во время войны, то «знайте, что ваши слова ведут к восстанию, ведут к бунту, к народному возмущению, к ослаблению государства...»⁶. Объединившись в Прогрессивный блок, отмечал в одной из своих речей Марков, либеральная оппозиция

¹ Московские ведомости. 1915. 15 августа.

² Русское знамя. 1915. 4 сентября.

³ Московские ведомости. 1915. 13 августа.

⁴ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Пг., 1916. Стб. 1045; Вечернее время. 1915. 25 августа.

⁵ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Пг., 1916. Стб. 1982–1983.

⁶ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Пг., 1916. Стб. 97.

делает все, чтобы убедить общество в непригодности существующего правительства управлять страной и довести ее до победы над Германией. Но если допустить, что это так, то логически следует, что к этому неспособен и царь, поставивший такое негодное правительство. Поэтому, делал вывод лидер правых, думское большинство должно четко осознать, что перед ним возможны лишь два пути: либо переменить тактику и отказаться публично «гвоздить правительство», либо пойти революционным курсом¹. В. Н. Снежков с самого начала возникновения Прогрессивного блока предупреждал его членов, что стремление вырвать у власти радикальные преобразования, воспользовавшись периодом военных неудач и вызванным войной кризисом, грозит стране необратимыми последствиями. «Внутренняя междоусобица, забастовки, баррикады и прочие прелести, и несомненный результат всего этого — принятие самых позорных условий мира, сдача России торжествующему врагу <...>, бесплодные жертвы — потоки крови, миллионы убитых и раненых людей...», — таков непереносимый результат борьбы за власть в военное время, предсказывал правый депутат². Еще раньше П. Н. Дурново предупреждал, что итогом «штурма власти» со стороны либеральной оппозиции станет то, что «Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению»³.

Но предостережения правых, как известно, не были услышаны. Либеральный лагерь был уверен в своей правоте и эффективности предлагаемых им рецептов по «оздоровлению» государственного строя. Итогом этой самоуверенности стало то, что либеральное думское большинство выступило катализатором революции, в ходе которой общество довольно быстро разуверилось в государственных способностях творцов Февраля, растерявших «общественное доверие», о котором они так много говорили с 1915 года, за считанные месяцы. Уже в эмиграции Н. Е. Марков, отмечая, что Прогрессивный блок, вставший во время войны на революционный путь, «построил свою атаку верховной власти на том, что назначаемое государем правительство не может довести войны до победы», в отличие от правительства, ответственного перед Думой и назначаемого по указанию Думы, отмечал, что доводы, «будто царское правительство губило Россию, а „прогрессивный блок“ со своим „ответственным правительством“ мог бы ее спасти, если бы не мешало упрямство государя», совершенно несостоятельны. «...Россия рухнула на пороге уже готовой победы, рухнула потому, что была заживо, изнутри пожрана червями... <...> Эту гнусную и отвратительную роль червей, разевших белое тело родной Матери-России, сыграли деятели „прогрессивного блока“», — заключал правый политик⁴.

¹ Поликарпов В. В. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М., 2008. С. 480.

² Снежков В. Н. Открытое письмо членам Государственной думы. С. 180.

³ Записка П. Н. Дурново. С. 72.

⁴ Марков Н. Е. Войны темных сил. Париж, 1928. С. 160, 163.

Таким образом, ответ на вопрос, вынесенный в заглавие сегодняшней дискуссии — «Прогрессивный блок — „катализатор революции“ или „спасательный круг“ от нее?», давался правыми вполне однозначный. И как бы ни относиться к взглядам, форме и способам их выражения, а также политической практике русских правых начала XX века, представляется, что их критика Прогрессивного блока оказалась весьма прозорливой и меткой. Прогрессивный блок не был «спасательным кругом» от революции, хотя, возможно, некоторые его члены в это верили или хотели верить. «...не скажу, чтобы вся Дума целиком желала революции; это было бы неправдой, — признавался в апреле 1917 г. член блока прогрессивный националист В. В. Шульгин. — ...но, гг., даже не желая этого, мы революцию творили... <...> ...нам от этой революции не от- речья, мы с ней связались, мы с ней спаялись и несем за это моральную ответственность»¹.

¹ Киевлянин. 1917. 9 мая.

ПРОГРЕССИВНЫЙ БЛОК ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ — ИНИЦИАТОР КОНФЛИКТА, ПРИВЕДШЕГО К ФЕВРАЛЮ

ХОЛЯЕВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

кандидат исторических наук,
доцент кафедры гуманитарных наук
Ярославского государственного
технического университета,
Ярославль, Россия;
e-mail: holyaevsv@ystu.ru

Аннотация: Вопрос о непричастности Прогрессивного блока Государственной думы к началу революционных событий возник в связи с ее осторожной тактикой в предфевральские дни 1917 года. В реальности Государственная дума являлась инициатором противостояния с правительством, приведшего Россию к Февралю. Вся борьба с правительством велась с целью перехода власти к либералам, а единственным органом, через который технологически мог состояться данный переход, оставалась Дума. Ведущие партии, представленные в Прогрессивном блоке, и, прежде всего, партия кадетов, активно настраивали общество против старой власти. При этом главным рычагом негативного воздействия становилась ложь о неспособности и нежелании правительства продолжать войну. Хотя частные письма депутатов Прогрессивного блока свидетельствуют о понимании ими того, что военные действия развивались достаточно успешно. А Государственная дума на протяжении всего предреволюционного периода поддерживала действия наиболее радикальных общественных организаций, Земгора и ЦВПК, что подтверждают их взаимоотношения в декабре 1916 года, окончательно преопределившем неизбежность жесткой развязки в феврале 1917 года.

Ключевые слова: Государственная дума, Прогрессивный блок, Первая мировая война, союзники, кадеты, Земгор, ЦВПК, Николай II, П. Н. Милюков, В. В. Шульгин.

Выход на улицы Петрограда в февральско-мартовские дни 1917 года широких народных масс (рабочих и солдат) затушевывает то обстоятельство, что изначально этот конфликт являлся противостоянием короны и парламента — императора Николая II и Государственной думы. В этом не было ничего удивительного для мировой истории. Причиной двух других Великих революций, английской и французской, также стали противоречия между монархами и законодательными учреждениями. Французскую революцию начали депутаты Генеральных штатов, отказавшиеся подчиняться Людовику XVI и давшие клятву в зале для игры в мяч добиться утверждения Конституции. Еще более активную роль в ходе революции сыграл английский парламент, добившийся казни короля Карла I Стюарта, а в дальнейшем превратившийся в арену ожесточенной борьбы за власть, продолжавшейся внутри него до тех пор, пока

он не был разогнан О. Кромвелем. В историю Великобритании данный орган вошел под названием «долгого парламента», а сохранившиеся в нем до конца депутаты — его «охвостьем». Депутатский корпус за период функционирования «долгого парламента» приблизительно сократился в 6 раз — с 400 депутатов до 60–70¹.

Ситуация в России напоминала европейскую. В августе 1915 года Прогрессивный блок сформировался с конкретной целью — формирования правительства. Эта задача сплотила в Думе разные партии. Первоначально казалось, что ее решение возможно и мирным путем. Ведь впервые в истории России возник правительственный кризис, в ходе которого правительственное большинство оказалось на стороне депутатов. Это был момент высшего согласия власти с оппозиционной российской общественностью. Вечером 21 августа все правительство, за исключением премьера И. Л. Горемыкина, близкого к нему министра юстиции А. А. Хвостова и бывшего министра путей сообщения С. В. Рухлова, собралось в квартире министра иностранных дел С. Д. Сазонова и составило коллективное письмо царю, в котором единодушно высказалось против Горемыкина и по существу солидаризировалось с Прогрессивным блоком².

Внешне программа блока выглядела умеренно. Его руководители были готовы к переговорам и уступкам. Инициаторы объединения, кадеты, сделали определенные выводы из прошлого и полагали, что объединение либеральных и правительственных сил может состояться только на умеренной основе. Поэтому конституционные демократы отказались от главного лозунга — ответственного правительства, и соглашались на правительство доверия. Это означало, что данное правительство, будь оно образовано, подчинялось бы не Государственной думе, а по-прежнему императору. Но в итоге Горемыкин в отставку тогда не ушел. Напротив, вскоре в отставку были отправлены 8 из 10 министров, солидаризовавшихся с либералами³.

Означает ли это, что в революционном конфликте виновен император, не удовлетворивший требования оппозиции? Попытка сближения двух непримиримых сил является самым опасным периодом в их взаимоотношениях: ее неудача чревата полным разрывом отношений. Обе стороны, вступая в соглашение, надеялись больше выиграть от союза, чем дать ему. Однако если Николай II, возглавлявший страну во время войны, несет прямую ответственность за исход военного противостояния, либералы не были обременены никакой ответственностью. Примирение с властью имело для них сугубо тактический характер, преследующий корыстную цель обретения власти. Об этом наглядно свидетельствует заседание кадетского ЦК из далекого предвоенного 1909 года. В его ходе обсуждались

¹ Карлейль Т. История французской революции. М., 1991. С. 108–109; Гизо Ф. История английской революции. Ростов-на-Дону, 1996. Т. 1. С. 44, 67, 77; Т. 2. С. 248.

² Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. (борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). Л., 1977. С. 161.

³ Думова Н. Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 59.

последствия вхождения России в военно-политический блок Антанты. Партия, решительно преданная сотрудничеству страны с западными демократиями, официально согласилась, что военно-техническая поддержка Запада, начнись крупная война, не станет выгодной для России (европейские государства могут даже уклониться от военной поддержки), зато будет полезна партии, поскольку усилит ее влияние на внутрироссийские процессы. Тесное общение с Англией, подчеркивал кадетский лидер П. Н. Миллюков, «выгоднее нам не в военном, а во многих других отношениях»¹.

Все это показывает, что война для либеральной оппозиции, объединившейся в Прогрессивный блок, воспринималась в качестве не акта народной трагедии, а удобным трамплином для рывка во власть, то есть ускорителем истории. Обычно принято ругать за это большевиков, но кадеты и либеральный лагерь в целом выглядят в этой истории намного циничнее, а потому опаснее для страны.

Оппозиция постоянно обвиняла власть в непатриотизме. «Правительство не патриотично. Оно — враг России и русской нации, не может и не хочет понимать и слышать здоровые голоса земли... Истинный патриотизм должен объединиться и защитить страну от двух врагов: от „внешнего“ и извечного „внутреннего“ — русского правительства» — такие идеи кадетская партия распространяла в народе². Между тем уже в февральский период революции тот же Миллюков признал коварство антиправительственной пропаганды. Сделал он его в личном письме, датированном августом 1917 года. Это были минуты отчаяния, связанные с неудачами «корниловских дней», но надежда на лучшее еще тешила его сердце. Приход либералов к власти, по определению, как минимум откладывал победу. «Мы знали, что на войне переворот, во всяком случае, отразится неблагоприятно». Правительственный курс был гораздо успешнее: к последующей разрухе привели либералы, а не правительство. Что касается характера грядущей победы, на которую уповали либералы, при смене российского правительства она связывалась исключительно с действиями союзников. «Мы полагали, что... если не своими руками, то руками союзников добьемся победы над Германией, заплатим за свержение царя лишь временной отсрочкой победы». В действительности при подобном развитии событий ситуация внутри страны складывалась бы так, что Государство российское попадало в плотную зависимость от внешних сил, теряя малейшие проявления суверенности³.

Отказ от формирования в августе 1915 года либерального правительства не означал принципиальной невозможности компромиссов с оппозиционной общественностью в дальнейшем. Направление последующих событий полностью зависело от либералов. Характер отношений с императорской властью определялся именно ими. И они, будучи крайне недовольны отказом Николая II пойти на соглашение с ними, выбрали

¹ ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 30. Л. 3.

² Там же. Ф. 111. Оп. 5. Д. 664. Л. 82.

³ Там же. Ф. 579. Оп. 1. Д. 6392. Л. 1.

тактику конфронтации. Милоков, поняв, что намечавшееся соглашение с правительством сорвалось, начал в Государственной думе прямую атаку на власть. «Власть не имеет доверия в народе, и она должна быть немедленно заменена такой властью, которая это доверие имеет». Прогрессивный блок, заявил Милоков, «на плечах русской общественности вынесет Россию из трудного момента, из кризиса, который мы теперь переживаем». Дума ответила рукоплесканиями. Именно с этого момента начинался конфликт, напрямую ведущий к революции¹.

При этом оппозиционеры выдвигали лишь один серьезный довод за быстрейшую смену правительства во время войны — неспособность старой власти продолжать войну. И это при том, что сами депутаты в частной переписке признавали ложность данных утверждений. Россия успешно готовилась к весеннему наступлению 1917 года, призванному внести окончательный перелом в ход войны. Соратник П. Н. Милокова по партии, член ее ЦК А. И. Шингарев в письме коллеге по Прогрессивному блоку В. В. Шульгину писал о возросшем военно-техническом могуществе России перед 1917 годом. Более категоричной была ответная оценка Шульгина как члена Особого совещания по обороне, владевшего реальной информацией. «Весной, по-видимому, начнется всеобщее наступление, и есть все шансы, что оно будет удачным. Если это так, то тогда вообще все спасено, можно хоть прогнать Государственную думу»².

Решение Николая II не поддержать инициативы, исходящей от Прогрессивного блока, не выглядело, разумеется, случайным. Против него сработала предыдущая «кредитная история», закрепившаяся за либералами перед войной. К лету 1914 года в либеральном лагере произошла перегруппировка сил. Лидерство от считавшихся проправительственными октябристов стремительно переходило к враждебным правительству кадетам и прогрессистам. Да и октябристы все больше тяготели к разрыву с властью. Их многолетний руководитель А. И. Гучков, ранее находившийся на правом фланге Союза, превращался в активного сторонника левого крыла организации. Все заметнее становилась его готовность к сотрудничеству с указанными радикальными направлениями либерализма³.

Внешнее примирение первого этапа войны (до августа 1915 года) не отменило этих тенденций. К тому же правительство очень многое сделало для либералов за год их относительного сотрудничества, разрешив им создать собственные общественные организации (Земгор и ЦВПК), а также вовлекло их в правительственные органы управления экономической деятельностью (Особые совещания). Но либералам хотелось большего — они ожидали вхождения в саму власть. Только ради этого они и примирались с властью. Их истинное лицо и показал август 1915 года. С этого времени они взяли твердый курс на свержение правительства.

¹ Смирнов А. Ф. Государственная дума Российской империи. 1906–1917. Историко-правовой очерк. М., 1998. С. 515.

² Васюков В. С. Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916 — февраль 1917 г. М., 1989. С. 283.

³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 244. Д. 147. Л. 4.

Милюков признал данные намерения оппозиции во все том же упоминавшемся письме от августа 1917 года. В нем он прямо указывал, что «решение воспользоваться войной для производства переворота» было принято вскоре после начала войны, то есть задолго до пресловутого августа 1915 года (примирение было исключительно тактическим). А в 1917 году ждать более либеральная оппозиция не могла, ибо «армия должна была перейти в наступление, результаты коего... прекратили бы всякие намеки на недовольство и вызвали бы в стране взрыв патриотизма и ликования»¹.

Но у Прогрессивного блока была еще и правая часть — группы центра и прогрессивных националистов. Центральная группа земцев-октябристов, возглавлявшаяся председателем Думы М. В. Родзянко, все более сливалась с радикальным крылом блока и входила в прямой клинч с правительством. Поэтому к правым блокистам следует отнести лишь две эти группы. Для ответа на вопрос, поставленный в данной дискуссии, необходимо ответить на другой вопрос: была ли у них хоть сколько-нибудь действенная самостоятельная линия. Попытки переговоров эмиссаров правительства с ними существовали. И продолжались они вплоть до февраля 1917 года, перед этим февралем еще более усилившись.

Для Николая II насущной оставалась задача удержаться на престоле до начала наступления. После этого серьезных угроз его власти быть уже не могло. Решая данный вопрос, состоялись переговоры с графом Д. А. Олсуфьевым, а также с братом экс-министра внутренних дел, правым кадетом В. А. Маклаковым. Цель контактов — выяснить приемлемые для умеренной части блока условия соглашения и возможный состав реорганизованного правительства. В 20-х числах января пресса писала о вероятности назначения председателем правительства, во второй раз, А. Ф. Трепова или о премьерстве А. А. Бобринского. В кабинет последнего могли войти и отдельные деятели общественности. К 25 января эта комбинация потеряла актуальность, но еще в феврале продолжались переговоры с В. В. Шульгиным о возможности соглашения с блоком².

Однако участие в этих переговорах Шульгина дает нам веские основания полагать, что никакой самостоятельной линии, альтернативного курса, у правых блокистов не было. Шульгин всецело был связан с основной группой либеральных прогрессистов. Скорее мы вправе предположить, что упомянутые переговоры являлись всего лишь оттяжкой времени, необходимой оппозиционерам для подготовки переворота, который активно готовился левыми и правыми либералами (Н. В. Некрасовым и А. И. Гучковым), а в организационном плане Земгором и ЦВПК.

А теперь нам требуется ответить еще на один вопрос: если позиция правой части блока не была самостоятельной, может, все же более умеренной по сравнению с Земгором и ЦВПК оставалась позиция блока в целом,

¹ ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 6392. ЛЛ. 1–1 об.

² Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967. С. 267.

то есть Думы? Да, радикалы готовили переворот, но Дума, вплоть до Февраля, оставалась умеренной и лишь в Феврале вынужденно возглавила народное недовольство? На этот вопрос в своих воспоминаниях вновь ответил выразитель данного курса П. Н. Милюков. Ноябрьская сессия Государственной думы, с крайне резкими по страстности речами Милюкова, Шульгина и Маклакова, вывела ее на максимальный пик популярности. Страстность Думы еще больше подняла тон Земского союза. Под влиянием эмоциональности Думы Земгор решил ответить созывом открытого земского съезда явочным порядком, вспомнив первый такой съезд, проведенный в 1904 году при министре внутренних дел П. Д. Святополке-Мирском.

Официальная часть съезда в Москве была разогнана. Непрочитанная из-за разгона речь кн. Г. Е. Львова содержала апелляцию к Думе. К Государственной думе мы обращаемся: остановите попытки наладить взаимодействие с властью — таков был основной смысл речи Львова. Между тем, пока полиция составляла протокол о закрытии, часть членов съезда перешла в другое помещение и под председательством кадета Д. М. Щепкина приняла антиправительственную резолюцию, ради которой приехала в древнюю столицу. 13–16 декабря Государственная дума обсуждала состоявшийся в Москве инцидент. Милюков выступил там с воинственной речью. Он говорил, что если борьба переходит в явочную форму, которая не считается с законом, то этим восстанавливается единый фронт борьбы, существовавший до Манифеста 17 октября. То есть правительство открыто провозглашалось врагом, хотя не оно, а оппозиция перевела борьбу в это состояние. Теперь перед нами, подчеркнул П. Н. Милюков, «общие задачи и единый враг»¹.

Вследствие всего этого нельзя утверждать о какой-либо умеренности Думы. Если в предфевральские дни Дума действовала осторожно, это была исключительно тактическая осторожность. Стратегически и Дума, и так называемые общественные организации придерживались одного антиправительственного курса. Более того, именно Государственная дума являлась стороной конфликта — официально борьба с правительством велась именем Государственной думы. Без Государственной думы эта борьба была бы невозможна — она легитимизировала конфликт либералов с правительством. И главные смыслы противостояния сторон исходили от депутатов. Правительство не может, а главное не хочет продолжать войну. Для победы в войне требуется переход власти к оппозиции, либеральной общественности. При этом все данные утверждения не соответствовали действительности. Правительство на весну 1917 года запланировало совместное наступление с союзниками, а Февраль сделал невозможным дальнейшее продолжение войны. Переход власти к либералам привел к тому, что стране стало просто не до войны. Внутренние неурядицы делали дальнейшее продолжение войны нереальным — либеральное правительство потеряло контроль над внутривнутриполитическими процессами.

¹ Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 2. С. 238–240.

ПРОГРЕССИВНЫЙ БЛОК: ВОЗМОЖНЫЙ СПАСИТЕЛЬНЫЙ ТОРМОЗ И РЕАЛЬНЫЙ КАТАЛИЗАТОР РЕВОЛЮЦИИ

ДЁМИН ВАДИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН,
Москва, Россия;
e-mail: vadime_demine@mail.ru

Аннотация: В докладе рассматривается предыстория и история деятельности Прогрессивного блока Государственной думы. Показано, что с 1911–1912 гг. в Думе нарастали оппозиционные настроения. С 1913 г. октябристы в значительной мере утратили руководящие позиции в палате, в ней значительно возросло влияние прогрессистов и кадетов. Создание Прогрессивного блока преследовало цель создать в Думе определенное большинство и обеспечить ее сотрудничество с правительством А. В. Кривошеина, которое не было назначено. При этом разные вошедшие в блок фракции преследовали разные цели. Из-за отсутствия поддержки правительством умеренного крыла блока руководящее положение в нем заняли кадеты. Прогрессивный блок при известной правительственной политике мог бы стать «спасительным тормозом», но в реальности оказался катализатором революции.

Ключевые слова: Государственная дума, Прогрессивный блок, фракция земцев-октябристов, Конституционно-демократическая партия, революция 1917 г.

Для анализа места Прогрессивного блока в истории следует обратиться к ретроспективному методу и рассмотреть основные тенденции в политическом развитии Думы после 1907 г., проявившиеся в годы I мировой войны.

Занявшие в 1907 г. руководящие позиции в Думе октябристы не были последовательными и безусловными сторонниками дуалистической монархии. В 1907 г. они выступили против ответственности правительства перед Думой из-за нежелательности, по их мнению, кадетского министерства. Октябристы полагали, что ответственные перед монархом министры должны сотрудничать с Думой не только в рамках законов, но и неформально, выполняя при этом политические требования депутатов. Ярким примером такой практики является деятельность А. И. Гучкова во главе комиссии III Думы по государственной обороне. Такие взгляды, быть может, в более умеренной форме были не чужды также русским националистам и правым.

П. А. Столыпин смог наладить такое неформальное сотрудничество и в известных пределах выполнял политические требования октябристов и русских националистов. Примерно до начала 1911 г. такое положение в общем устраивало октябристов. Затем они сочли правительственные

уступки недостаточными и фактически перешли в оппозицию. Убийство Столыпина и думские выборы 1912 г. усилили оппозиционные настроения в Думе. Новые министры рассматривали желание думцев неформально влиять на государственные дела как превышение законных полномочий, а на выборах «административный ресурс», в отличие от 1906–1907 гг., использовался не только против левых, но и против октябристов. При этом в их отношении администрация действовала непоследовательно и не лишила их руководящего положения в Думе.

Из-за всего этого в довоенный период в деятельности IV Государственной думы наметились две основные тенденции, развившиеся в ходе войны: усиление оппозиционности и фрагментация состава самой палаты. В I сессию образовалось 11 фракций и групп, к середине второй их стало 14, в дальнейшем рост продолжался. Особенно важное значение имел раскол октябристов в конце 1913 г. Их позиции в IV Думе были изначально слабее, чем в ее предшественнице как из-за меньшей численности фракции (100 депутатов в начале работы вместо 154 в начале и 121 в конце работы III Думы), так и по причине отсутствия А. И. Гучкова и ряда других ярких лидеров, в значительной мере определявших лицо III Думы (В.К. фон Анрепа, Г. Г. Лерхе, М. Д. Челышева и др.).

После раскола 1913 в центре Думы оказалась фракция земцев-октябристов. Она сохранила ключевые позиции в президиуме Думы, однако из-за небольшой численности (примерно 1/7 состава палаты) и недостатка ярких лидеров стала постепенно терять контроль над общим собранием и в случае неединодушного голосования или неравномерной явки разных фракций могла остаться в меньшинстве. В частности, уже в ноябре 1913 октябристы провели поправку о снижении обложения городских недвижимостей в 1,5 раза (с 6 до 4% чистой доходности), однако соответствующий проект в целом был отклонен голосами национально-правого крыла и крайне левых. В итоге обложение осталось в прежнем размере. В апреле 1914 г. Дума начала бюджетную войну с МВД. Руководство земцев-октябристов решило отклонить все запрошенные министерством новые кредиты (их не мог восстановить Государственный совет). Почти все кредиты действительно были отклонены, кроме двух, предназначенных для нужд царства Польского. За них (в отличие от остальных) проголосовали польские депутаты, и их позиция оказалась решающей. По общеполитическим вопросам важнейшие резолюции («формулы перехода») стали приниматься по предложениям как октябристов, так и прогрессистов.

Как известно, в начале Первой мировой войны Дума решительно поддерживала военные усилия правительства. Вскоре, однако, она столкнулась с фактическим значительным сокращением своих полномочий. Предусмотренный Основными законами законодательный механизм оказался слишком медленным и тяжеловесным для военного времени. Поэтому между 15.7.1914 (объявление Австро-Венгрией войны Сербии) и 27.2.1917 было издано примерно 162 одобренных палатами закона (не считая

2 бюджетов)¹ и 647 чрезвычайных указов по статье 87 Основных законов². Согласно бюджетным правилам 8.3.1906 г., военные расходы утверждались императором без участия Думы и Государственного совета. В 1915–1916 гг. в принимаемые палатами бюджеты включалось лишь 20–25% государственных расходов, остальные проводились по военному фонду.

Депутаты не были готовы отказаться от политического влияния. Думе удалось настоять вначале на необходимости проведения сессий в военное время, затем (июнь — июль 1915 г.) на увольнении из правительства четверых, особенно непопулярных в палате министров (Н. А. Маклакова, В. А. Сухомлинова, И. Г. Щегловитова и В. К. Саблера). «Великое отступление» 1915 г. усилило недовольство думцев и их желание повлиять на государственное управление. При этом необходимо напомнить, что третьиюнская Дума представляла в первую очередь высшие классы общества. Поэтому жесткий конфликт с ней означал разрыв союза правительства с ними, позволившего подавить первую революцию, и возврат к предшествующему ей положению, когда правительством оказались недовольны едва ли не все слои населения.

В 1915 г. депутаты старались действовать в рамках «Священного единения». В ходе III сессии (январь 1915) резкая критика правительства имела место только в проводимых за закрытыми дверями заседаниях бюджетной комиссии, в общем же собрании продолжали раздаваться патриотические речи. В ходе первой части IV сессии (июль — август 1915 г.) думские ораторы резко критиковали уволенных министров, воздерживаясь от упоминания в негативном контексте действующих.

В такой ситуации в августе 1915 г. произошло образование Прогрессивного блока. Как известно, инициатором его создания стал весьма влиятельный главноуправляющий землеустройством и земледелием А. В. Кривошеин, стремившийся создать в Думе опору правительству, которое намеревался возглавить. Таким образом, блок должен был стать «спасительным тормозом». При этом цели вошедших в блок думских фракций были различны.

В блоке можно выделить три крыла. Правое составляли фракция центра (фактически возглавляемая правительственным агентом П. Н. Крупенским), группа националистов-прогрессистов и фракция земцев-октябристов. Они придерживались консервативных взглядов и выступали за ограниченные либеральные реформы, соединяемые с борьбой с т. н. «немецким засильем» (т. е. ограничением прав подданных неприятельских стран и российских подданных немецкого происхождения), а также формирование правительства их думских лидеров и приемлемых для Думы сановников.

¹ Подсчитано по: Государственная дума. Созыв 4. Заседание 26.7.1914. Стенографический отчет. Сессии 3–4. Указатели к стенографическим отчетам. Сессия 5. Стенографические отчеты. Пг., 1914–1917.

² Сборник действующих постановлений, изданных в порядке статьи 87 Основных государственных законов. Дополнения 1–4. СПб. (Пг.), 1913–1917.

Левое крыло образовали кадеты и левые октябристы (думская группа «Союза 17 октября»), скептически относившиеся к борьбе с «немецким засильем» и выступавшие за создание правительства с руководящим участием не только думских, но и земских деятелей. Такая схема позволила бы кадетам получить наибольшее влияние. В то же время ответственность правительства перед третьеиюньской Думой, т. е. правым крылом блока, кадетов не устраивала.

Именно они заняли руководящее положение в блоке. Как показал Ф. А. Гайда, это произошло в силу наличия у кадетов опыта антиправительственной борьбы и хороших связей с другими оппозиционными организациями, прежде всего земскими и городскими¹, в то время как у правого крыла блока эти связи были лишь на местном уровне. В частности, председателем бюро блока стал председатель группы «Союза 17 октября» С. И. Шидловский. В III Думе он внес наибольший вклад в успешное прохождение реформы крестьянского землевладения, одновременно специализируясь на критике МВД. В IV Думе возглавляемая им группа чем дальше, тем больше следовала за кадетами.

Особую позицию заняли прогрессисты. В программных вопросах они были близки правому крылу, а в тактических выступали за немедленное введение ответственности правительства перед Думой.

Еще в советской историографии имела место дискуссия по вопросу о сохранении «системы двух большинств» после создания Прогрессивного блока. Тезис об ее сохранении отстаивал Е. Д. Черменский². В. С. Дякин с оговорками соглашался с такой позицией и полагал, что «возможности лавирования между двумя большинствами в Думе действительно не были утрачены царизмом до самого конца...»³. По мнению А. Я. Авреха, «к началу Первой мировой войны третьеиюньская система находилась в состоянии глубочайшего кризиса. Война, т. е. экстремальная ситуация, привела ее к полному распаду, политическим выражением которого стало создание «Прогрессивного блока», т. е. *одного* большинства»⁴.

Истина лежит посередине. При голосовании законопроектов действительно прослеживаются два большинства, но важнейшие политические заявления принимались блоком единодушно. Соответственно перед правительством думское большинство стало выступать как единое целое.

Власть и после создания Прогрессивного блока была готова на определенные уступки думской оппозиции. Из правительства в 1916 г. увольнялись неприемлемые для Думы председатели и министры. Однако их преемники, даже из членов Государственной думы, также не устраивали блок. Также бросается в глаза, что правительство не предприняло

¹ Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти. М., 2003. С. 125, 133–134, 248–249, 375 и др.

² Черменский Е. Д. История СССР. Период империализма. М., 1965. С. 501.

³ Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967. С. 14.

⁴ Аврех А. Я. Распад третьеиюньской системы. М., 1985. С. 249.

никаких серьёзных мер для раскола блока путем серьезных уступок его консервативному крылу, которое, в отличие от кадетов, добивалось именно компромисса с монархической властью.

Соответственно на протяжении 1916 г. оппозиционность Думы продолжала нарастать. В V сессию (ноябрь — декабрь 1916 г. и февраль 1917 г.) отношения правительства и нижней палаты напоминали времена I Думы, и с думской трибуны произносились открыто революционные речи. В отличие от 1906 г., Дума пользовалась серьёзной поддержкой в общественной элите, поэтому разжигание революции оказалось успешным. Также, именно руководство Думы обеспечило принятие революции верховным командованием и страной.

В заключение можно отметить следующее. Во-первых, Прогрессивный блок нельзя рассматривать только в контексте событий 1915–1917 гг. Его создание было подготовлено предшествующей историей Государственной думы как минимум с 1911 г. и было вызвано слишком ограниченными даже по мнению умеренно консервативных сил полномочиями палаты по законам 1905–1906 гг., особенно при их буквальном понимании. События войны лишь усилили давно нараставшую думскую оппозиционность. Во-вторых, цели и задачи Прогрессивного блока виделись его создателями и участниками по-разному. Он мог стать и спасительным тормозом, и катализатором революции.

По словам государственного деятеля начала XX в. С. Е. Крыжановского (основного автора законов о Думе и ряда других реформ), «Дума, и в этом главное ее значение, явилась весьма удобным инструментом для воздействия на настроение страны... Но разумеется, на этом инструменте надо было уметь играть, а этого умения не оказалось, так как Дума после Столыпина была брошена на произвол судьбы, и все связи с нею были утеряны»¹. По этой причине правительство не смогло усилить позиции правого крыла блока серьезными уступками в смысле значительного расширения политического влияния Думы. В результате в блоке и в Думе в целом руководящее положение фактически заняли кадеты, и он, несомненно, оказался катализатором революции.

ДИСКУССИЯ

Модератор – Андрей Николаевич Егоров

А. Н. ЕГОРОВ

Уважаемые коллеги!

Давайте начинать. У нас не так много времени. Заявленная тема дискуссии очень большая, сложная — роль Прогрессивного блока в назревании революции. Эта проблема волновала как советских, так и зарубежных

¹ Крыжановский С. Е. Воспоминания. СПб., 2009. С. 155.

историков, да и в наши дни она вызывает самые разные, порой противоположные, точки зрения. Я думаю, что все мы понимаем важность, значимость этой темы, поэтому вряд ли есть смысл говорить много вступительных слов. Давайте приступать к обсуждению.

Я обозначаю правила нашей дискуссии.

У нас три основных докладчика — это Иванов Андрей Александрович, Дёмин Вадим Александрович, Холяев Сергей Владимирович. С докладами можно было предварительно ознакомиться. Поэтому мы сразу начнем с вопросов к докладчикам. Они могут быть как ко всем докладчикам, так и к кому-то конкретно. Затем выступают те, кто записался для участия в дискуссии — пять человек. Давайте, чтобы не путаться, выступать они будут по алфавиту: Аронов Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук; Гавроева Екатерина Сергеевна, ассистент кафедры русской истории РГПУ имени А. И. Герцена; Гайда Федор Александрович, доктор исторических наук; Омелянчук Игорь Владимирович, доктор исторических наук; Селезнев Федор Александрович, доктор исторических наук. Затем начнется то, что можно назвать свободным микрофоном, т. е. выступления, реплики всех желающих. При этом нужно учитывать, что времени у нас не так много. И еще, учитывая дистанционный характер дискуссии, есть небольшая просьба: пока выступают докладчики, можно написать им вопросы в чате для экономии времени — тогда докладчики сразу могут отвечать на вопросы.

Итак, я думаю, все понятно.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

А. В. ЕВДОКИМОВ

Добрый день, коллеги! Добрый день, Сергей Владимирович!

У меня вопрос такой по вашему докладу. Вот есть такая у вас фраза, я сейчас ее процитирую: «Отказ от формирования в августе 1915 года либерального правительства не означал принципиальной невозможности компромиссов с оппозиционной общественностью в дальнейшем. Направление последующих событий полностью зависело от либералов». Вот это в вашем докладе. Я хотел бы уточнить. А как вы думаете, в чем причина вот такой ситуации? И все ли зависело от либералов, может быть, и от власти что-то зависело? Или она уже здесь не влияла на события? Вот как вы думаете?

С. В. ХОЛЯЕВ

Дело в том, что власть отказалась формировать правительство в августе 1915 года, что было задачей-максимум для либералов. Но она не была в то время, в августе 1915 года, противником либералов, не была против диалога с оппозицией. А диалог, естественно, был возможен и необходим. Но либеральная оппозиция после августа 1915 года принимает

жесткое решение, что у нее теперь только одна цель — захват власти, вплоть до насильственного. И смена даже не существующего правительства, а отстранение от власти Николая Второго. И поэтому с августа 1915 года начинается четкий курс либералов на свержение всего режима императорской власти, то есть, по сути, Николая Второго. Поэтому если бы либералы проявили больше гибкости, диалог после августа 1915 года был бы вполне возможен.

Противниками диалога оказались именно либералы, а правительство до последнего, до самого Февраля, пыталось сотрудничать по меньшей мере с правой частью либерального блока. Вы можете это прочесть в моем тексте. Попытки диалога по крайней мере продолжались и, наверное, при желании оппозиции могли продолжаться и дальше. Вы знаете, что в феврале 1917 года Николай Второй Государственную думу не распустил, и более того, как пишет Родзянко в мемуарах о крушении империи, Николай Второй в феврале 1917 года и вовсе принимает решение о создании либерального правительства, и даже подписывает его, по утверждениям Глобачева, но откладывает до Пасхи объявление о его создании. В этом, в откладывании объявления о создании правительства, и заключалась его ошибка. Но в любом случае мы видим, что правительство к диалогу было готово и пыталось его вести. Да, оно отказало либералам в главном, к чему они стремились, но постепенно вести дело к диалогу было можно. И когда в 1914 году власть пошла на уступки либералам, она, естественно, предполагала постепенное усиление полномочий либералов, но не собиралась предоставлять им всю власть в ходе войны, это не было задачей правительства. А либералы хотели одного — чтобы им предоставили власть во время войны. И фактически данное противоречие и предопределило, на мой взгляд, последующую революцию.

А. В. Евдокимов: Спасибо.

А. Н. Егоров: Спасибо. Далее вопрос от Селезнева Федора Александровича Вадиму Александровичу Дёмину. Пожалуйста, задавайте.

Ф. А. СЕЛЕЗНЕВ

Добрый день, коллеги!

Вадим Александрович, очень рад был услышать ваш как всегда обстоятельный и интересный доклад.

У меня вопрос вызвало вот какое ваше суждение, на мой взгляд, весьма интересное. Вы сказали, что Четвертая Дума с самого начала была оппозиционной, в том числе и октябристы, будучи обижены политикой давления административного, которому они подверглись в ходе выборов, также находились с самого начала в оппозиции к власти, что и придавало оппозиционный характер Четвертой Думе с самого начала, с первой сессии. В этой связи у меня вот какой вопрос. Вадим Александрович, а как вы полагаете, мог ли Прогрессивный блок возникнуть уже с самого начала работы Четвертой Государственной думы, в конце 1912 года,

в 1913 году, в начале 1914 года, в том же составе, то есть октябристы, кадеты, прогрессивные националисты? И если нет, то почему не возник? Если да, то опять же почему Прогрессивный блок не возник до войны, а возник только после начала, во время войны?

В. А. ДЁМИН

Если он возник в 1915 году, то значит, соответственно, возникнуть в 1912 или 1913 году, наверное, не мог. Гадать, естественно, не буду, просто снова объясню — почему.

Действительно, в общем-то тенденции, которые привели к созданию Прогрессивного блока, наметились уже в 1912–1913–1914 годах. Это очень хорошо показывают записки заведующего Министерским павильоном при Думе Куманина. Он, в частности, писал о разногласиях у правых, причем в числе недовольных называл князя Голицына, будущего лидера независимых правых. Также он показывал, что многие националисты были недовольны тем, что Балашов идет в сторону правых, и, соответственно, у октябристов нарастают оппозиционные настроения. И ему, в частности, принадлежит фраза, написанная осенью 1913 года, что по разным причинам недовольными правительством оказались все фракции.

Но именно в таком составе Прогрессивный блок до войны не возник, видимо, в силу того, что до войны Государственная дума свои законодательные и финансовые полномочия осуществляла, и поэтому недовольные депутаты надеялись свою позицию проявить в этих рамках и действительно проявляли. В частности, весной 1914 года Дума впервые в своей истории начала бюджетную войну с МВД. И, соответственно, если бы не было мировой войны, то, очевидно, отношения правительства и Думы развивались бы по-прежнему в смысле нарастания напряженности. Но как раз война привела к тому, как я сказал, что Государственная дума лишилась большей части своих обычных полномочий, именно это повлияло на депутатов: они поняли, что с использованием старых мер они свои идеи и свои цели осуществить не смогут и вот решили действовать по-новому и создали блок. Вот что я могу сказать.

А. Н. Егоров: Понятно. Спасибо.

Далее вопрос от Игоря Владимировича Вадиму Александровичу. Пожалуйста, Игорь Владимирович.

И. В. ОМЕЛЬЯНЧУК

Добрый день!

Вадим Александрович, меня интересует ваше мнение вот по какому вопросу. Обе стороны, либералы и царь, периодически обвиняли друг друга в том, что они не желают довести войну до победы. В 1915 году, как известно, государь император возглавил армию. Я полагаю, что и либералы, и царь хотели победы над внешним врагом, но ведь в случае, если армию возглавляет царь, то победа в войне для либералов равна поражению — после нее оппозиция вряд ли смогла бы захватить власть,

потому что авторитет царя был бы очень высок. Не кажется ли вам, что резкое их выступление против такого шага царя было связано не столько с боязнью репутационных потерь самодержца в случае неудач, сколько именно с боязнью резкого усиления его авторитета в случае побед? И когда этот шаг был царем все же сделан, то жаждущей власти либеральной оппозиции оставалось либо ожидать поражения в войне, которое дискредитирует монархию (однако военное поражение по разным причинам их совершенно не устраивало), либо свергнуть царя, потому что иначе самодержавие после победы в войне слишком укрепитесь? Благодарю.

В. А. ДЁМИН

Мне это совсем не кажется. Во-первых, против принятия императором верховного командования на себя выступили, как известно, не столько думские либералы, сколько государевы министры, которые понимали, что это приведет к дезорганизации управления и к тому, что в решающий момент принимать важные решения будет некому, что в феврале 1917 года, в конце месяца, в полной мере и получилось.

Во-вторых, по Основным законам император и так являлся державным вождем армии и флота. Поэтому, соответственно, кто будет числиться главнокомандующим действующей армии, сам ли император или его двоюродный дядя, на мой взгляд, практического значения не имело, и в любом бы случае, хоть бы главноверхом был бы Николай Александрович, хоть бы Николай Николаевич, хоть бы Алексеев, хоть бы еще кто-то, все равно победа бы привела к укреплению монархии, но, с другой — все-таки она не была бы и поражением либералов, поскольку в любом случае победу одержали бы солдаты и офицеры, то есть те же самые подданные, которые бы в ответ неизбежно пожелали бы увеличения своих прав. К тому же все-таки власть императора, как известно, основывается на идее божественного происхождения его власти, между тем уже в начале XX века эта идея образованными классами не разделялась, поэтому в любом случае всерьез и надолго укрепить свою власть у Николая Второго шансов не было.

А. Н. Егоров: Спасибо. Вопрос от Малышевой Ольги Геральдовны Сергею Владимировичу Холяеву.

О. Г. МАЛЫШЕВА

Спасибо. Сергей Владимирович, в вашем выступлении прозвучала несколько раз, дважды как минимум, фраза, что представители Прогрессивного блока стремились к захвату власти. Вы одновременно говорили о том, что они оказывали огромное влияние, в том числе, на общественные организации. У меня вызывает некоторое смущение такая постановка проблемы. Не кажется ли вам, что общественные организации в достаточной степени сами прорастали вот этими оппозиционными настроениями в результате своей деятельности, которую они осуществляли в годы войны?

И, на мой взгляд, скорее вы преувеличиваете влияние Государственной думы на политическую температуру представителей этих организаций. Достаточно сказать, что настроения эти присутствовали не только в Земгоре, не только в Центральном военно-промышленном комитете. Достаточно вспомнить, что выборы у торгово-промышленного сословия в Госсовет, которое трудно заподозрить в негативном отношении к власти в целом, тоже прошли под флагом достаточно оппозиционных настроений. И как раз Гучков был избран в верхнюю палату именно с тем, о чем говорил сегодня Вадим Александрович, с тем, чтобы сосчитаться и с Госсоветом, и с властью в том числе.

Прокомментируйте, пожалуйста. Спасибо большое.

С. В. ХОЛЯЕВ

Да, спасибо, очень хороший вопрос, я очень рад, что вы мне его задали. Просто, если бы у меня было больше времени, я бы про это сказал. Конечно, я и сказал, что в декабре 1916 года Дума выходит на второй план. В начале доклада я говорил, что Дума отходит на второй план в февральские дни, потому что на первый план выходят другие силы, прежде всего Земгор. Так что, если бы правительство распустило Государственную думу, тогда, несомненно, Земгор инициировал бы массовые волнения. Но поскольку такого подарка Николай Второй не сделал либералам, ни к чему хорошему для него роспуск Государственной думы в феврале не привел бы. Будь это сделано в октябре, у оппозиции возникала масса сложностей, потому что ее легитимной стороной была Государственная дума, а если Государственной думы из-за роспуска больше нет, не за что и вести борьбу. А в декабре 1916 года события уже переросли Государственную думу, о чем я только что говорил, и без Государственной думы вполне можно было вести борьбу за интересы, в кавычках, Государственной думы. И поэтому, когда роспуск Думы не состоялся, и Земгор не вывел народ на улицы, на первый план вышел ЦВПК. И вообще в ходе Первой мировой войны Гучков, несомненно, превзошел по степени радикализма Миллюкова. Потому что, конечно, Миллюков был радикальнее Гучкова изначально, это понятно. Но в ходе войны Миллюков сохранил свою прежнюю позицию, а в предфевральские дни он был вообще максимально осторожен, поэтому и возникла сегодня у нас идея, что Государственная дума — это «спасительный тормоз» от революции. А Гучков рвался вперед, он рвался против Николая Второго. Больше того, он пишет позднее, в эмиграции, в своих мемуарах, что ему предлагали при формировании альтернативного правительства во время войны, реализуясь идея А. В. Кривошеина, место военного министра, и Гучков пишет, что он, конечно, согласился бы стать военным министром, но это не изменило бы его планов по смещению Николая Второго. Поэтому Гучков был, конечно, радикальнее, и земгоровцы и ЦВПК также обошли по степени радикализма Государственную думу. Именно поэтому внешне кажется, что Государственная дума находится в стороне от событий,

а ведут борьбу земгоровцы и ЦВПК, то есть общественные организации. Но мы же понимаем, и я только что про это говорил, что сам Милюков с ними полностью солидаризировался, просто он был тактически осторожнее. Стратегически он был тоже за радикальные действия, но предпочитал пока, до поры до времени, находиться в тени.

Поэтому спасибо за вопрос, очень рад, что вы его задали, и я получил возможность сказать то, что не успел сказать в докладе. Надеюсь, что вас удовлетворил мой ответ.

А. Н. Егоров: Спасибо.

ВЫСТУПЛЕНИЯ

А. Н. ЕГОРОВ

У нас больше нет вопросов в чате, поэтому давайте перейдем к дискуссии. Мне бы хотелось, прежде чем дать слово участникам дискуссии, обратить внимание на два важных момента, которые, как мне кажется, в нашей дискуссии еще не прозвучали.

Первый момент — это степень влияния Государственной думы, лидеров Прогрессивного блока, либеральной оппозиции за стенами Таврического дворца. Мы все время говорим о том, что происходило в стенах парламента, в правительстве. Но ведь Российская империя — большая страна, и возникает логичный вопрос: насколько все-таки идеи либеральной оппозиции, Прогрессивного блока воспринимались на фронте, в тылу, в различных кругах населения? Не преувеличиваем ли мы степень влияния Государственной думы на страну? Не получается ли так, что в Думе кипели политические страсти, а за пределами Таврического дворца страна жила своей жизнью? Я полагаю, об этом стоило бы поговорить.

И еще один важный момент: хотели ли члены Прогрессивного блока революции, стремились ли к ней, или они стали революционерами в феврале 1917 г. вынужденно, под влиянием реальных событий? Может быть, если бы не началась революция, они так и остались бы умеренными либералами, не стали бы никакими революционерами? Мне кажется, этот вопрос, важный для понимания мотивов действий участников Прогрессивного блока, стоит обсудить.

А теперь давайте перейдем к нашим докладчикам, записавшимся для участия в дискуссии. Выступать они будут по алфавиту, время выступления — до пяти минут.

Слово предоставляется Дмитрию Владимировичу Аронову.

Д. В. АРОНОВ

Спасибо, Андрей Николаевич.

Умеете вы с языка хорошие мысли снимать: вот эти два момента, о которых вы сейчас сказали, которые стоит обсудить, мне и хотелось

положить в основу своего выступления, плюс короткий третий методологический аспект.

Касательно высказанного в основном, тут наши докладчики ушли немножечко вправо, либералы у нас выступают опять, в очередной раз виновниками всех бед страны российской. Понимаете, вот здесь допускается, на мой взгляд, большая методологическая ошибка теми, кто видит в либералах, в том числе в их организационной деятельности, которая выразилась, в частности, в Прогрессивном блоке, носителей имманентной идеи захвата власти. Никаких внятных документов, программ, планов захвата этой власти: телефон, телеграф и дальше по Ульянову (Ленину) — представить невозможно ввиду их полного отсутствия.

Второй момент. Когда сторонники точки зрения, что либералы — виновники, в том числе и Прогрессивный блок, революции, то есть он и создан, получается, объективно, что следует из докладов наших уважаемых коллег, для захвата власти, здесь влияние либералов, вот о чем Андрей Николаевич сказал, получается огромным: они руководят страной. Но непонятно, что им мешало захватить власть до этого. Вместе с тем, когда начинают говорить о других аспектах либеральной идеологии, получается, что либералы — это маленькая кучка, собирающаяся в период выборов в сетевые партии. Собственно конкретно-исторические исследования вот этих либеральных организаций на местах, вот Андрей Николаевич — яркий представитель той когорты, которая исследует региональные особенности либералов, не подтверждают нам, что это партия революционного типа, ориентированная на захват власти. Октябристы — это вообще кокус по большому счету, говоря словами теории Моисея Яковлевича Острогорского. Поэтому я бы с большой осторожностью, как наш уважаемый коллега из Ярославля, оперировал бы такими терминами, как захват власти, готовность к ней и так далее. Я думаю, что Сергей Владимирович несколько переусердствовал с акцентом этой заданности и готовности.

Если же говорить о втором моменте, который мне представляется весьма важным, то, что Андрей Николаевич опять же поставил в своем выступлении проблему, это действительно, зачем создавался Прогрессивный блок. Вот тут, на мой взгляд, мы с вами, я имею в виду сообщество корпоративное, допускаем, непонятно почему, кстати, методологическую ошибку. Коллеги, давайте вспомним: мы знаем, чем все закончилось, никто тогда не закладывал октябрь 1917 года как национальную трагедию, это потом уже, в эмиграции, тоже задним числом, вот откуда та цитата, что правые оказались правы, действительно, да, были общие прогнозы, но говорить о том, что Прогрессивный блок и либералы теоретически стремились к захвату власти как таковой, на мой взгляд, это, мягко говоря, некорректно. И я бы поддержал все-таки в очередной раз Андрея Борисовича Николаева с его теорией третьемартовской политической системы, которая очень много, на мой взгляд, инструментально объясняет.

И завершая свое выступление, я бы опять же подвиг нас к чему? Когда мы используем конкретно-историческую аргументацию на уровне, причем обратите внимание, как сегодня часто звучит выражение «весьма вероятно, что правительство пошло бы», коллеги, всё это наше оценочное мнение.

И вот исходя из этого я бы призвал к чему? Говоря о том, способствовал ли блок революции или нет, этот вопрос надо разделить на две части. Первая — это то, что мы знаем, что он объективно революции способствовал. Но простите, ей способствовал и структурный кризис социально-экономического свойства, ей способствовала, мягко назовем так, неудачная кадровая политика правительства, ей способствовали и военные неудачи на фронте. Может быть, мы не будем вытаскивать из всего этого массива либеральный фактор и абсолютизировать некую идеологию как разрушительную для страны?

И в завершение выступления буквально одна фраза, с вашего позволения. Понятно, что отказаться от оценочных суждений практически невозможно. Об этом писал еще Булат Шалвович Окуджава: «Каждый пишет, что он слышит; каждый слышит, чем он дышит; как он дышит, так и пишет, не стараясь угодить». Коллеги, боюсь, что для большинства оценочных суждений для Прогрессивного блока характерно то, что на них просто экстраполируется наше отношение к той революции. Давайте останемся в рамках конкретно-исторического исследования. Событие было, и наше оценочное восприятие не должно влиять на подобный, на мой взгляд, жуткий субъективизм, который идет сейчас при оценке такого конкретно-исторического явления, как Прогрессивный блок.

Спасибо.

А. Н. Егоров: Спасибо Вам.

Уважаемые коллеги, слово предоставляется Екатерине Сергеевне Гавровой.

Приготовиться Федору Александровичу Гайде.

Е. С. ГАВРОЕВА

Здравствуйте, уважаемые коллеги!

Хотелось бы сказать несколько слов по поводу вопросов, которые озвучил Андрей Николаевич и, естественно, о докладах по заявленной тематике дискуссии.

В первую очередь, о степени влияния Государственной думы. Мне кажется, ее влияние не было фрагментарным, не распространялось только на Таврический дворец, оно выходило далеко за его пределы, потому что слова поддержки в адрес Государственной думы, ее лидера, шли со всей страны. Это земские и общественные организации, органы городского самоуправления, политические деятели и частные лица. Все эти заявления со словами одобрения действий думцев поступали в канцелярию Государственной думы, где говорилось о том, что программа блока находила поддержку, и, в первую очередь, важнейший ее пункт — это

правительство доверия, но к 1916 году чаще писали об ответственном министерстве, оно получит большее распространение. То есть политику, тактику Прогрессивного блока все-таки поддерживали, они находили поддержку у населения страны. Вот во всяком случае те материалы, с которыми я знакома, это материалы в первую очередь фонда 1278 Российского государственного исторического архива, они говорят о том, что Государственная дума, Прогрессивный блок и их деятельность получали одобрение.

Революционеры — здесь да, зачастую Государственную думу революционерами не видят, этому поспособствовала советская историография, когда думцы были вынужденные революционеры, революционеры поневоле. Но на самом деле я думаю, что шаг за шагом Государственная дума шла к тому, что произойдет. Нам известно, чем все закончилось, в том числе, не стоит забывать и о политике Прогрессивного блока, Февраль никто не отменял.

Но хотелось бы остановиться на нескольких моментах, озвученных в докладах, в дискуссии. Это даже больше вопросы.

Вот Андрей Александрович Иванов говорит о критике в адрес Прогрессивного блока со стороны правых. А не оказал ли какого-то влияния раскол фракции правых, не изменилась ли позиция правых после ее раскола в 1916 году? Не стоит ли здесь говорить, что уже, может быть, лично Марков критиковал правительство? Не изменился ли «Голос»? Он остался прежним до февраля 1917 года? Либо здесь стоит говорить все-таки об изменениях? Потому что правые, во всяком случае в Государственной думе, не выступали единым фронтом.

Если говорить о докладе Вадима Александровича, о тезисах, которые им были озвучены, то хотелось бы, наверное, остановиться на том, что в Государственной думе октябристы утратили влияние и руководство, то есть они не руководили. Тогда выходит автоматически, что тоже благодаря сложившейся историографической традиции у нас роль первой скрипки отходит кадетам, то есть октябристы никаким образом не принимали активного участия в деятельности Прогрессивного блока, например. Хотя на самом деле, как мне кажется, это не соответствует действительности.

А если говорить о последнем докладе Сергея Владимировича, скорее даже о высказанном им мнении о том, что Государственная дума в декабре 1916 года отошла на второй план, то здесь нужно, если мы говорим только о Земгоре и явочном порядке, понять и разобраться, а есть ли какие-то еще неоспоримые факты по этому вопросу, разве мы можем перечислять десятками их? Когда мы говорим о том, что общественные организации становятся, скажем так, во главе происходящих событий, то какие, может быть, есть сведения, что Государственная дума оказалась на втором месте, уступила общественным организациям? На мой взгляд, нельзя говорить, что ЦВПК и Земгор были руководителями революции, только они поспособствовали

революционизации страны, и, соответственно, Государственная дума уступала в этом общественным организациям.

Наверное, у меня все. Спасибо.

А. Н. Егоров: Вам спасибо.

Пожалуйста, Федор Александрович.

Ф. А. ГАЙДА

Спасибо большое, коллеги.

Поддержу основной призыв Дмитрия Владимировича не злоупотреблять ретроспективностью действительно и оставаться на почве фактов. И, говоря о возможном восприятии Прогрессивного блока как «спасательного круга», я скорее, злоупотребляя такой метафорой, сказал бы, что Прогрессивный блок был похож на такой «спасательный круг», которым парламентское большинство било по голове государя императора, пытаясь его спасти. То есть спасательный круг еще бросить надо правильно. Недостаточно того, что он просто есть.

Все-таки Прогрессивный блок, на мой взгляд, остался неким таким проявлением общего кризиса политического, он остался все-таки на декларативной почве. Это хорошо видно, в частности, по основному лозунгу — по министерству доверия. Сразу возникает вопрос: где тот согласованный список кандидатов в министры, которые могли бы составить подобный кабинет? Вот где те люди, за которых Прогрессивный блок вписался бы? Причем единый список, а не просто какие-то общие рассуждения непонятно о ком. Кто, собственно говоря, из деятелей Прогрессивного блока был готов, реально готов пойти во власть? Это хороший вопрос. Давайте посмотрим, как вели себя парламентарии в особых совещаниях. Не слишком комфортно они себя там чувствовали. Столкнувшись с вопросами административного характера, они в общем проседали. Что это означает? А это означает, что если вы проседаете, то по крайней мере попытайтесь встроиться в существующие правила игры. Или вы выстроите свои собственные, но не факт, что они будут работать, потому что пока что ваши представления о правилах игры общетеоретические.

Хорошо видно это, кстати говоря, по деятельности общественных организаций. Да, какой-то вклад в дело победы был внесен, безусловно. Но давайте все-таки не забывать, что это в общем-то в основном на правительственные средства, и далеко не все правительственные средства пошли на дело победы, и какое количество правительственных средств было «распилено» в общественных организациях, это хороший вопрос, до сих пор до конца не решенный, потому что у нас материалов мало, отчетность общественных организаций была такова, что сказать ничего толком нельзя.

Затем по законодательству. Вот есть декларация Прогрессивного блока со списком возможных законопроектов. Где согласованные в Думе, в блоке, в парламентском большинстве законопроекты? Что, собственно

говоря, Дума могла реально предложить? Где это? Где за полтора года законодательная деятельность? А ее можно было осуществлять и в ситуации, когда нет действующей Думы, то есть во время вакаций можно было все это делать. Мало что было сделано.

На мой взгляд, все-таки, оставаясь опять же на почве фактов, я бы сказал так, что основная активность Прогрессивного блока — это борьба за собственное существование, это постоянные попытки спасения парламентского большинства, которое само по себе в глазах его организаторов было ценностью, и за это, собственно говоря, и боролись. И во многом в связи с этим наращивали радикализм политической борьбы. То есть вопрос был даже не в захвате власти, вопрос был в том, чтобы самим сохранить, вот это парламентское большинство сохранить, которое трещало по всем швам — и при работающей Думе, и при неработающей Думе.

Что касается самой власти, это последнее, что я скажу: действительно попытки-то согласовать политику были. Это и в августе 1915 года было, когда министров встречали с депутатами, очень неудачно на самом деле и в начале 1916 года пытались, переговоры Хвостова с Милюковым были, и после начавшегося штурма власти были попытки Трепова договариваться. Да, Протопопов назначен неожиданно, но я уверен абсолютно, что если бы были предварительные переговоры о вступлении Протопопова в правительство, Родзянко, который до этого рекомендовал его в министры торговли и промышленности, был бы в сентябре 1916 года категорически против, чтобы Протопопов вошел в правительство. То есть, иными словами, все-таки здесь Прогрессивный блок вряд ли был бы толковым инструментом. Вот, скажем так, если бы в парламентское большинство входили бы, в том числе, правые, и Прогрессивный блок был бы попыткой сохранить национальное единство, священное единение, и попыткой, собственно говоря, вести патриотическую деятельность реально, без обиняков, — вот, простите меня, Великая Отечественная война у нас с вами в качестве примера есть. Что такое государственная пропаганда в период Великой Отечественной войны? Это махровая черносотенная пропаганда, патриотического единства, но при этом делом доказанная. А здесь получается, что нет ничего: ни мощной государственной пропаганды, ни доказательства делом этого общенационального единства.

Спасибо.

А. Н. Егоров: Спасибо вам.

Игорь Владимирович Омельянчук, пожалуйста.

И. В. ОМЕЛЬЯНЧУК

Здравствуйте, уважаемые коллеги!

Благодарю за предоставленную возможность выступить. Итак, перехожу к делу.

Сначала по горячим следам доклада Федора Александровича: сколько же денег было «распилено». Математика очень простая: 7 процентов

военного бюджета прошло через военно-промышленные комитеты, а продукции они произвели всего на 4 процента. То есть самые простые подсчеты говорят, что 3 процента военного бюджета было «распилено».

Второе, то, что я хотел бы тоже прокомментировать, — высказывание Федора Александровича о том, что администраторы (оппозиционеры) были не очень. Я вспоминаю Милюкова, который говорил, что Львова мы на должность главы кабинета не отдадим, потому что тогда все пропадет, он не справится с тяжелой ситуацией, когда же страна выплывет из кризиса, тогда уже можно будет ставить премьером Львова.

И наконец, по тексту. Я немножко пооппонирую Дмитрию Владимировичу, у нас с ним гносеологические расхождения. Я утверждаю (может быть, чересчур категорично) что либерализм — это революционная идеология. Назовите мне страну, где не произошла революция (которую Маркс и Ленин называли буржуазной), под либеральными знаменами, они были везде. В целом либерализм — это идеология революционная.

Наконец, перехожу к Прогрессивному блоку. Вы знаете, правые полностью поддерживали принцип «священного единения» и отказались от политической деятельности до лета 1915 года. Госпитали, помощь раненым — вот их основная работа в этот период. И вдруг 20 июня один из таких правых (который был в общем-то наиболее последовательным в своей правизне, за что его и уважали), Тиханович-Савицкий, пишет Родзевичу, что надо срочно созывать совещание, все трещит по швам. И причина (еще нет даже Прогрессивного блока) — действия Земгора и Военно-промышленного комитета. И это говорит о том, что в общем-то антиправительственный курс был взят летом, и действительно этот блок — всего лишь часть, этап большого пути.

Была ли возможность договориться с Прогрессивным блоком? Вы знаете, я думаю, нет. Почему? Взять хотя бы прецедент Протопопова: причин, кроме как борьба с властью, для обструкции Протопопова со стороны Думы не было в общем-то. Возьмем второй случай — со Штюрмером. Ведь Штюрмер, став главой правительства, в свою программу, которую он продекларировал, внес часть положений программы Прогрессивного блока и не дождался никакого ответа, его по-прежнему игнорировали, обвиняя его — в чем тогда было самое страшно обвинение? — в непатриотизме, из-за фамилии. Я вспоминаю фразу Рейгана «танго танцуют вдвоем». Вот со стороны правительства был сделан какой-то шаг или приглашение к этому танцу, со стороны Прогрессивного блока никакого положительного ответа не было.

Вадим Александрович сказал, что создание правительства национального доверия — это в принципе была обычная практика в Англии, Франции, Бельгии. Но в России требование создания такого правительства преследовало совершенно иные цели. Если там, в Европе, целью была просто победа без каких-то властных претензий и амбиций со стороны

оппозиции, то в России, мне кажется, абсолютно четко было заявлено, что цель правительства национального доверия — это захват власти сторонниками Прогрессивного блока.

Вадим Александрович сказал, что сакральность царской власти вроде как уже не играла серьезной роли в политическом процессе. На самом деле играла. Восемьдесят процентов населения — крестьяне, среди них значительная доля, не буду уточнять какая, верили в царя. Эта сакральность происхождения его и династии все еще продолжала влиять на политическое поведение населения.

А вот переход власти Верховного Главнокомандующего от Николая Николаевича в руки самодержца — это действительно для либеральной оппозиции было крайне нежелательным явлением. Для нее это означало утрату военной власти (то есть возможности проводить свою линию) человеком, который в общем-то либералов поддерживал (напомню, Николай Николаевич сыграл важную роль в принятии манифеста 17 октября, поддержал он оппозицию и в феврале 1917 г.), и переход ее к их главному политическому оппоненту — царю.

В общем, как мне кажется, не столько поражение лета 1915 года, сколько понимание того, что победа, совершенная теми же людьми, которые были при власти, не оставляет оппозиции шансов на успех во внутриполитической борьбе, заставила их консолидировать свои силы и приступить, скажем так, к штурму власти.

Здесь уже вспоминали Куманина. Когда он писал по поводу причин революционной позиции Думы, то отмечал, что это в первую очередь тоска по влиянию, может быть, по власти, я не помню точно, но, кажется все же, по влиянию. И действительно, ведь Государственная дума после начала войны была лишена в значительной степени бюджетных прав, а именно бюджетная деятельность позволяла ей давить на правительство и позиционировать себя как часть власти. А теперь, по новым правилам, Вадим Александрович об этом говорит в докладе, только 20–25 процентов бюджета принимается Думой, остальное — по военным статьям. Результат — потеря власти, в случае победы в войне — перспектива укрепления самодержавной власти, в случае поражения — плакали денежки, как говорится. Поэтому они просто не видели иного пути, они хотели захватить власть, чего бы это ни стоило. И никаких, с моей точки зрения, конструктивных шагов навстречу партнеру они так и не сделали.

Вот вкратце все. Благодарю за внимание.

А. Н. Егоров: Спасибо.

Слово предоставляется Федору Александровичу Селезневу.

Ф. А. СЕЛЕЗНЕВ

Спасибо.

Коллеги, сегодня в ходе дискуссии, на мой взгляд, весьма плодотворной и интересной, практически все выступавшие ставили знак равенства между понятиями Прогрессивный блок и либералы и даже

уже — Прогрессивный блок и кадеты. Такая идея сквозила во многих выступлениях. Но, коллеги, не нужно забывать, что в Прогрессивный блок входили не только кадеты и прогрессисты, октябристы, но и националисты, то есть это было политически довольно сложное объединение, очень разнородное. Очень разнородные силы объединялись в Прогрессивном блоке, и вот вопрос о том, почему они объединились, до сих пор, на мой взгляд, не решен. И я хочу предложить свой вариант ответа на этот вопрос.

На мой взгляд, Прогрессивный блок — это не про революцию и не про предотвращение революции, это вообще не про внутреннюю политику. Прогрессивный блок — это про войну до победного конца в единении с союзниками. Вот, на мой взгляд, цель объединения столь разнородных сил в эту конструкцию. Посмотрите, мы же видим прекрасно, что до войны, — я задавал вопрос на сей счет Вадиму Александровичу, развивая эту мысль, — даже октябристы и кадеты, прогрессисты и кадеты не могли сойтись на каких-то основных вопросах внутренней политики, что уж говорить о кадетях и националистах. Понятно, что представить Шульгина и Милюкова вместе в рамках одного объединения в 1913 году было невозможно.

Эта нацеленность на вопросы войны, а не мира, не внутренней политики четко прослеживается и на примере программы Прогрессивного блока. Прекрасно ее сегодня охарактеризовал Федор Александрович Гайда. Действительно, что такое программа Прогрессивного блока? Это набор каких-то случайных второстепенных пунктов, которые участники блока даже не пытались развивать в плане законодательства. Это совершенно правильно сегодня Федором Александровичем было отмечено. Лозунг — правительство доверия — тоже весьма аморфный. То есть не ответственное министерство, не изменение политической системы, а какое-то непонятное правительство доверия, состав которого даже и не пытались согласовать на серьезном уровне участники Прогрессивного блока. То есть здесь, еще раз повторю, речь шла не о захвате власти, не о стремлении к политическому влиянию, а о том, чтобы предотвратить поражение, предотвратить сепаратный мир, саму возможность сепаратного мира, вот для этого Прогрессивный блок и создавался. И создавался он не либералами: у его истоков стоял Кривошеин, отнюдь не либерал, и цель его была именно предотвращение сепаратного мира и война до победного конца.

Формируется впервые вот это большинство в конце июля 1915 года по вопросу о создании комиссии по расследованию недостатков снабжения вооруженных сил, это будущая комиссия Петрова, которая начнет расследовать деятельность Сухомлинова. Вот по сухомлиновскому делу и сложился впервые этот консенсус, от прогрессистов до националистов.

Как раз сегодня мы с Артемом Владимировичем хотим представить книгу о Сухомлинове, я эту мысль там пытаюсь развить. А пока на этом завершу свое выступление. Спасибо.

А. Н. ЕГОРОВ

Большое спасибо.

Уважаемые коллеги, у нас выступили все, кто записывался. Позвольте и мне сказать два слова как ведущему. Моя позиция заключается в следующем.

Безусловно, и либеральная оппозиция, и Государственная дума сыграли революционную роль, но я бы не стал ее преувеличивать. Я полагаю, что революция была вызвана, прежде всего, факторами, находившимися за стенами Думы. Главная причина революции — безусловно, не деятельность Прогрессивного блока, а многое другое: дороговизна, военные трудности и прочие проблемы жизни страны. Дума была просто одним из факторов, причем не таким уж и важным. В этой связи я бы обратил внимание на следующее.

Мне довелось подробно изучать донесения жандармов о положении в Вологодской губернии в годы Первой мировой войны. В этих донесениях, которые заполнялись по специальному формуляру, всегда был важный пункт — отношение населения губернии к Государственной думе. И вот за все годы войны вологодские жандармы писали, что отношение местного населения к Думе, в основном, равнодушное. Отмечался лишь незначительный интерес небольшой части населения к деятельности парламента, причем этот интерес никак не связывался с ростом оппозиционных настроений. То есть, по наблюдениям вологодских жандармов, Государственная дума серьезного влияния на ситуацию в губернии не оказывала. Многочисленные региональные исследования подтверждают это положение. Другое дело, конечно, положение в столице и других крупных городах, в которых ситуация была иной, и влияние Прогрессивного блока там сказывалось. Однако за их пределами влияние Государственной думы было невелико.

В этой связи революционную роль Прогрессивного блока не нужно преувеличивать. Революция произошла не из-за деструктивной деятельности либеральной оппозиции, не по вине Прогрессивного блока, а в силу разнообразных объективных и субъективных причин. Прогрессивный блок стал фактором и участником революции, а не ее причиной. Это моя точка зрения.

Итак, у нас выступили все, кто хотел выступить. Сейчас переходим к свободной дискуссии. Нам добавили время, пятнадцать минут, поэтому мы с вами можем спокойно вести дискуссию еще девятнадцать минут. Все, кто хочет выступить, можете писать в чате или поднимать руку, я готов дать слово. Пожалуйста.

Вопрос Селезневу Федору Александровичу от Игоря Владимировича Омелянчука.

СВОБОДНАЯ ДИСКУССИЯ

И. В. ОМЕЛЬЯНЧУК

Федор Александрович, вот вы сказали, что главная причина создания блока — недопущение сепаратного мира. Не кажется ли вам, что сепаратный мир — это всего лишь один из таких жупелов, которым пугали народ? Про сепаратный мир никто, кроме небольшой кучки дубровинцев, не говорил, и если говорить о самодержавной власти, то там вообще вопрос о сепаратном мире никак не рассматривался.

И здесь же еще вопрос: Кривошеин, были ли он либерал или нет? Вы знаете, у меня сложилось впечатление, может быть, ошибочное, что он был интриган, и что блок ему нужен был, когда он захватит власть. Он очень долго за спинами отсиживался, очень долго старался как бы кукловодить, а когда он захватит власть, блок ему нужен как уздечка для революции. Но он не смог ее оседлать, и вот такой результат. Кривошеинские взгляды вообще непонятны; сепаратный мир, мне кажется, — это не аргумент.

Наконец, последнее — победа, военная катастрофа, но она случилась в мае, Горлицкая операция, а к августу уже ситуация стабилизировалась, хотя, конечно, проблемы военные были. И мне кажется, что это был всего лишь повод, а не причина.

Ваше мнение по этим трем пунктам. Спасибо.

Ф. А. СЕЛЕЗНЕВ

Спасибо огромное за очень содержательные вопросы и интересные для меня.

Начну с августа 1915 года. Все-таки в августе еще достаточно тяжелое было положение на фронте. Поэтому вопросы, связанные с фронтом, с военными действиями, конечно, мне кажется, были на первом месте и в центре внимания общества.

Что касается сепаратного мира, вопрос, конечно, очень сложный, но я этим вопросом занимался специально, и у меня сложилось такое впечатление, что Николаем Вторым этот вопрос рассматривался, потому что война России с Германией не имела никаких ни экономических, ни геополитических оснований. То есть что могла получить Россия в случае победы над Германией? Польские земли? Но это только проблемы бы принесло лишние. Поэтому если говорить, я не беру в данном случае Австро-Венгрию, об отношениях России и Германии, то здесь было о чем подумать. Я не говорю, что Николай Второй стремился к этому миру, но такая возможность им рассматривалась. На самом деле такая возможность рассматривалась и лидерами всех других стран, кроме Англии, то есть только Англия было жестко нацелена на войну до победы, до разгрома Германии. Франция тоже вела сепаратные переговоры с немцами, ничего страшного, это обычная, нормальная вещь. И, естественно, англичане и те, кто хотел вести войну до победы, хотели себя обезопасить

от неожиданностей всяких в лице Николая Второго. Поэтому Прогрессивный блок как раз и создавался как опора будущего правительства доверия, правительства войны до победного конца, эта связка должна была помешать Николаю Второму соскочить. Хотя такая возможность была на самом деле очень мала, но, тем не менее, она была, на мой взгляд, все-таки реальной, а не только жупелом.

И. В. Омелянчук: А по Кривошеину?

Ф. А. Селезнев: А по Кривошеину... Кривошеин — это один из сторонников войны до победного конца; Кривошеин по своим политическим взглядам ближе к правому лагерю, он отнюдь не либерал, это человек, который был «птенцом гнезда Столыпина». Столыпин же к либералам, в кадетском смысле, отнесен быть не может, это лагерь более правый, более консервативный. И как раз то, что именно Кривошеин становится одним из архитекторов Прогрессивного блока, — это как раз и показывает, что для Прогрессивного блока главным была не внутренняя политика, не захват власти, а вопросы именно доведения войны до победного конца, ведения ее с союзниками. Кривошеин считал это своей главной задачей, на мой взгляд.

С. В. Холяев: Федор Александрович, не кажется ли вам, что все-таки они ломались в открытую дверь? Все равно Николай Второй реально не собирался заключать сепаратный мир.

Ф. А. Селезнев: Хорошо, не собирался... Знаю, мы не можем говорить однозначно. Такую возможность он рассматривал. А иначе зачем бы тогда Думбадзе ездил в Германию в мае 1915 года? Ведь он ездил с ведома Сухомлинова, Николай Второй знал об этой поездке. Он же там вел переговоры, это же реальный факт.

С. В. Холяев: Но война до победного конца — это все-таки и правительственный лозунг. То есть они имели два одинаковых лозунга и устроили такую бучу между собой?

Ф. А. Селезнев: Я не говорю, что Николай Второй декларировал, что он хочет вывести Россию из войны, я говорю о том, что такой вариант рассматривался. Николай Второй этот вариант рассматривал, как и элита Франции, она тоже вела сепаратные переговоры тайные, это тоже было. Эти же переговоры вела и часть австро-венгерской элиты. То есть все страны вели тайную дипломатию.

С. В. Холяев: Но скорее Германия пыталась вести переговоры с Россией, нежели Россия с ней.

И. В. Омелянчук: Можно маленькую реплику? С точки зрения логики война между Германией и Россией абсолютно нелогична. Правые подчеркивали, что от этой войны выиграет только Англия, мы же только можем потерять. А вот с точки зрения сепаратного мира, здесь, кажется, ключевую роль играли личные качества Николая Второго. Кто-то говорит, что он был слаб, возможно, но он был при этом еще очень упрям и, мне кажется, достаточно злопамятен. И действия кузена Вилли вывели его из себя, если можно так говорить про хладнокровного Николая.

Поэтому личную обиду он простить бы никак не мог. Мне кажется, что сепаратный мир был невозможен, хотя бы вот из-за этой личной позиции Николая Второго: он хотел победить своего «любимого» кузена. И поэтому даже с такой точки зрения мир был невозможен.

С. В. Холяев: То есть либералы все-таки ломались в открытую дверь?

Ф. А. Селезнев: Да.

С. В. Холяев: А националисты куда ломались, в какую дверь?

Ф. А. Селезнев: Прогрессивные националисты ушли далеко влево. «Левение» — это была общая тенденция. Даже Пуришкевич поддержал Февральскую революцию потом.

А. Н. Егоров: Уважаемые коллеги, еще есть немного времени. Кто хочет, пожалуйста, говорите.

В. А. ДЁМИН

Во-первых, я хотел бы с некоторыми выступающими поспорить. Прежде всего, я не говорил, что октябристы не принимали участие в Прогрессивном блоке, конечно же, а говорил, что они постепенно уступили руководящее положение кадетам.

Во-вторых, я категорически не согласен с мнением последнего выступающего о будто бы отсутствии геополитических и прочих причин для войны России с Германией. На самом деле такие причины были, точнее, такая причина была одна, но ее было вполне достаточно. Германия в тот момент реально претендовала на, мягко говоря, преобладание в мире и Европе, и Россию такое положение устроить не могло. Вот именно этим обстоятельством объясняется то, что в Первой мировой войне четыре страны воевали против всего мира. Тут дело не в том, что англичане будто бы подчинили себе весь мир, а именно амбиции Германии практически никого не устраивали.

Также хотел бы остановиться на том сюжете, который ведущий поставил вначале, — все-таки цели членов блока. Я думаю, что действительно нет никаких сведений, что члены блока были революционерами, за исключением небольшой группы левых кадетов. Относительно остальных кадетов вопрос спорный. Но все, кто были правее кадетов, точно революционерами не были. И блок именно выступал за увеличение полномочий Государственной думы, а поскольку правительство не хотело увеличивать в том объеме, в котором этого блок требовал, то получилось, что блок начал вынужденно борьбу с правительством и, соответственно, из-за объективных причин, которые, в частности, перечислялись, это вот и привело к тому, к чему привело.

Также все-таки, на мой взгляд, Государственная дума, во всяком случае публично, оставалась во главе оппозиции, никоим образом не уступая эту роль Земгору и Центральному военно-промышленному комитету, поскольку все-таки антиправительственная агитация, публиковавшаяся во всех газетах, велась именно с трибуны Думы, а не с трибуны ЦВПК, и, соответственно, именно Государственная дума, как известно,

фактически устранила для правительства возможность подавления февральского восстания. Если бы Алексееву и прочим генералам пришла бы телеграмма от председателя ЦВПК с просьбой воздействовать на Николая Второго в смысле отречения, то я очень сомневаюсь, что такую телеграмму военное командование приняло бы к руководству в отличие от телеграммы председателя Государственной думы.

Благодарю за внимание.

А. Н. Егоров: Коллеги, время еще есть, кто хочет, можно выступить.

И. В. Омелянчук: Можно вопрос Вадиму Александровичу? Вы сказали, что революционеры только левые кадеты. А прогрессисты, которые по какой-то случайности оказались гораздо радикальнее кадет, нельзя ли их отнести к революционерам?

В. А. Дёмин: Они не оказались гораздо радикальнее кадет. В свое время Федор Александрович Гайда показал, что прогрессисты хотели формирования правительства, ответственного перед третьиенюнской Думой, а для кадетов такое правительство было бы слишком консервативным, и они под предлогом правительства доверия хотели правительства более радикального. Что касается того, что прогрессисты не были такими уж радикальными, четко показывает состав их фракции: там председатель — богатый помещик Ефремов, один из лидеров — крупнейший предприниматель Коновалов, и остальные в основном такие люди, которые явно в радикализме заинтересованы не были. Вообще, насколько я понимаю, прогрессисты — это группировка людей, которые не имели четкой программы и были объединены неприятием авторитарного строя. В программных вопросах они примыкали скорее к правому крылу Прогрессивного блока, чем к кадетам. Поэтому просто они, не имея четкой программы, оказались сильнее всего под воздействием конъюнктуры, но и в этом плане они все равно радикальнее кадетов были лишь на бумаге, а не на деле.

И. В. Омелянчук: У меня два слова про Коновалова: был ли он радикалом или нет? Ведь Коновалов финансировал большевиков, так что уже одно это показывает, что человек этот был достаточно радикальный. Спасибо.

В. А. Дёмин: Это ретроспективно показывает, конечно, а если от ретроспективы отрешиться, то просто он их финансировал как людей, которые способны оказать успешное силовое давление на правительство, только и всего.

И. В. Омелянчук: А вот такой тезис, что Дума осторожна. А нельзя ли предположить, что там один Родзянко был осторожен? Потому что он не получал того, что хотел, в результате и был осторожен, а Дума была — вот я не помню, что это высказал, что Дума была неосторожна в революции. Может быть, не Дума, а один Родзянко был осторожен?

В. А. Дёмин: За Родзянко стояла целая фракция ... октябристов, плюс там была фракция центра, еще более консервативная. То есть, соответственно, уже как минимум половина блока была достаточно осторожна.

Если взять еще Шульгина, которого мне все-таки сложно считать либералом, то, соответственно, и получится, что весьма значительная часть была за Родзянко.

А. Н. ЕГОРОВ

Уважаемые коллеги, давайте заканчивать, время истекает. Позвольте мне коротко подвести итоги.

Конечно, мы проводили дискуссию не для того, чтобы прийти к единому мнению. У нас нет единого мнения, и это нормально. Когда в науке существуют самые разные точки зрения, это вполне естественно. Если мы все будем думать одинаково, это будет уже не наука, а нечто иное. Спасибо всем участникам дискуссии за интересные выступления, за высказанные точки зрения. Все выступления записаны и будут опубликованы.

Если говорить про тематику дискуссий будущих конференций, то мне кажется, было бы неплохо провести обсуждение двух проблем. Одна из них — это влияние не только Прогрессивного блока, а в целом Государственной думы на положение дел в стране. Мне представляется, что мы слишком много внимания уделяем политическим событиям в стенах Таврического дворца, забывая, что Россия этими стенами не ограничивается. В этом плане интересно посмотреть, как все думские инициативы, споры, дискуссии развивались за пределами Таврического дворца. Думается, такая дискуссия была бы полезна.

Другая важная тема для будущей дискуссии — мировоззренческие позиции депутатов, их установки. Нам нужно понимать, ради чего депутаты шли в Думу, и, главное, почему они стали участвовать в революции: было ли это решение спонтанным, вызванным текущими событиями, или оно было осмысленным? Кем были депутаты — участники революции: флюгерами, которые поменяли свои позиции в ходе Февраля, или людьми, изначально нацеленными на революционные преобразования? Эти вопросы нуждаются в серьезной проработке. Поэтому я считаю, что у нас впереди еще много работы, много полезных дискуссий по изучению русского парламентаризма. Всем спасибо!

ВСЕРОССИЙСКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

РОСПУСК УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ КАК ПРИЧИНА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: PRO ET CONTRA

КАЛАШНИКОВ ВЛАДИМИР ВАЛЕРЬЯНОВИЧ,
доктор исторических наук,
профессор кафедры истории культуры, государства и права
Санкт-Петербургского государственного
электротехнического университета
«ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Ленина),
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: vvk2@mail.ru

Аннотация: статья посвящена анализу той роли, которую сыграл роспуск большевиками Учредительного собрания (Конституанты) в истории зарождения Гражданской войны в России. Различные трактовки этого вопроса присутствуют в отечественной и зарубежной историографии на протяжении ста лет. Актуальность темы показали научные конференции, приуроченные к столетней годовщине Великой российской революции, а также ряд последующих публикаций.

Ключевые слова: историография, Учредительное собрание, Конституанта, Гражданская война в России, военная интервенция, «демократическая контрреволюция», Белое движение, продовольственная диктатура, крестьянская война.

1. Две позиции

По вопросу о роли роспуска Учредительного собрания в истории Гражданской войны в России существуют две основные историографические позиции. Согласно первой, именно роспуск Конституанты стал «точкой невозврата», после которой Гражданская война в России была неизбежной¹. Эту позицию активно отстаивал М. В. Вишняк, крупный деятель партии эсеров, избранный 5 января 1918 г. секретарем Учредительного собрания. В 1932 г. в Париже он издал книгу под названием

¹ Все выделения в тексте за исключением особо оговоренных сделаны автором статьи.

«Всероссийское Учредительное собрание»¹, которая была переиздана в 2010 г. в издательстве «РОССПЭН». Факт разгона Учредительного собрания, писал автор, «имел решающее значение»². В постсоветской историографии эту позицию защищал Л. Г. Протасов в книге «Всероссийское Учредительное собрание. История рождения и гибели» (М., 1997). По его мнению, этой акцией большевиков «была фактически спровоцирована Гражданская война, для которой это был более чем весомый *casus belli*», роспуск придал Гражданской войне «особо затяжной и ожесточенный характер»³. В последние годы эту позицию поддержал известный историк В. В. Кондрашин. В интервью журналу «Историк» он говорил: «Россия могла избежать Гражданской войны в случае, если бы большевики не разогнали Учредительное собрание. ... Разгон ... подтолкнул антибольшевистские силы к активизации сопротивления. Поэтому я считаю, что точка невозврата была пройдена в январе 1918 года»⁴.

Согласно второй историографической позиции, роспуск Учредительного собрания не стал «точкой невозврата» в истории развязывания масштабной Гражданской войны в России. Такая война началась только летом 1918 г. под воздействием *факторов, созданных иностранной интервенцией*. Вторая позиция доминировала в советской историографии и опиралась на высказывание В. И. Ленина о том, что именно «всемирный империализм ... вызвал у нас, в сущности говоря, гражданскую войну и виновен в ее затягивании»⁵. Не следует понимать эту позицию как отрицание внутренних причин для гражданской войны в России того времени. Ее смысл в том, что именно интервенция изменила соотношение сил внутри страны и позволила внутренней контрреволюции начать масштабную вооруженную борьбу против большевиков. В советской историографии такой взгляд отразил фундаментальный труд «Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия», вышедший двумя изданиями в 1983 и 1987 гг. Название труда фиксирует неразрывную связь Гражданской войны и военной интервенции в Россию⁶.

Автор настоящей статьи придерживается именно этой позиции, считая, что она более точно выявляет роль иностранной интервенции как фактора, который положил начало широкомасштабной гражданской войне. Без этого фактора Россия могла избежать кровавого внутреннего конфликта.

В современной историографии существует масса переходных трактовок, сторонники которых ориентируются в большей или меньшей степени на первую или вторую позиции. Эту ситуацию отразили материалы Санкт-Петербургской международной конференции, проведенной

¹ Вишняк М. В. Всероссийское Учредительное собрание. Париж, 1932.

² Вишняк М. В. Всероссийское Учредительное собрание. М., 2010. С. 347.

³ Протасов Л. Г. Всероссийское учредительное собрание. История рождения и гибели. М., 1997. С. 323–324.

⁴ Кондрашин В. В. Уроки Гражданской // Историк. 2020. Ноябрь. № 11. С. 38.

⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 39. С. 343.

⁶ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1987.

в 2018 г. в столетнюю годовщину начала Гражданской войны. Организаторы конференции провели опрос, в ходе которого ряд отечественных и зарубежных историков ответили на ряд ключевых вопросов. Первым был вопрос: «*Каким временем (событием) Вы датируете начало Гражданской войны?*». Три участника опроса (А. Рабинович, Р. Уэйд, В. Шелохаев) выбрали вариант ответа: разгон Учредительного собрания. Восемь историков (Д. Бажанов, Р. Гагкуев, А. Ганин, В. Голдин, А. Давыдов, В. Калашников, Д. Чураков, В. Шишкин) выбрали ответ: «выступление Чехословацкого корпуса (май 1918)», имея в виду начало именно крупномасштабной Гражданской войны. Остальные (А. Захаров, П. Кенез, Б. Колоницкий, С. Полтораки, А. Посадский, А. Пученков, Д. Рэйли, Дж. Санборн, Дж. Суэйн, В. Цветков, М. Ходяков) заняли иные позиции, связанные главным образом с различным пониманием термина «Гражданская война»¹.

Ответы показали важность учета того содержания, которое тот или иной историк вкладывает в понятие «Гражданская война в России». Автор статьи — сторонник точки зрения, согласно которой это понятие следует употреблять в узком и широком смыслах. В *узком* смысле — это период войны в собственном значении этого слова: крупномасштабных и продолжительных боевых действий, т. е. период, когда военный вопрос был главным, определяющим. Именно этому периоду посвящена упомянутая энциклопедия «Гражданская война и военная интервенция в СССР»². В *широком* смысле — это период, когда в обществе шла открытая борьба за власть, в которую были втянуты массы людей, но боевые действия были только *одной из форм этой борьбы*. На одних этапах они носили локальный и кратковременный характер, а на других перерастали в настоящую фронтовую войну. Такой подход отразила «История Гражданской войны в СССР» (1935), первый том которой начинался с предыстории и истории Февральской революции³.

Опрос 2018 г. показал, что большинство его участников не называли роспуск Учредительного собрания «точкой невозврата» — событием, вызвавшим Гражданскую войну. В то же время никто не отрицал того факта, что роспуск способствовал росту опасности вооруженного противостояния в масштабах всей страны. Иными словами, вопрос о роли Учредительного собрания вновь проявил себя как открытый и спорный. Для его прояснения необходим специальный и обстоятельный анализ проблемы.

Автор настоящей статьи не претендует на такой анализ. Он только намечает некоторые ключевые сюжеты для его проведения.

Pro et contra. В основе первой позиции лежит тезис о том, что роспуск Конституанты был нелегитимной акцией, которая нарушала

¹ Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии. СПб., 2018. С. 187–189, 193–197.

² Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1987.

³ История Гражданской войны в СССР: в 5 т. М., 1935. Т. 1.

волю, высказанную на выборах большинством избирателей, и давала всем оппонентам большевиков моральные и политические основания для объединения и выступления против них с оружием в руках. Марк Вишняк так сформулировал этот тезис: роспуск «давал полное морально-политическое оправдание переходу к военным действиям, возлагал неоспоримую ответственность за пролитую кровь на большевиков»¹. В постсоветский период тезис Вишняка развил философ А. Н. Медушевский, написавший вступительную статью к переизданной книге Вишняка: «Роспуск Учредительного собрания, следовательно, означал полную внутреннюю и внешнюю изоляцию режима; разрушение всех инструментов социального примирения (от партийных компромиссов до роли церкви); Гражданскую войну и интервенцию, многомиллионную эмиграцию; отчуждение большевистской власти от общества и возможность ее сохранения лишь с помощью террора и репрессий по отношению к инакомыслящим»².

Однако дальнейшие реальные события не подтверждают эту трактовку. Если бы роспуск вел к «полной внутренней изоляции режима», большевики были бы тут же отстранены от власти и лишены какого-либо политического будущего. На деле произошло обратное. Правые социалисты, выдвинув лозунг борьбы в защиту прав Учредительного собрания, не нашли поддержки ни у рабочих и крестьян, ни у политических сил, стоявших правее эсеров и меньшевиков, ни у элиты национальных окраин бывшей Российской империи. Все эти силы остались равнодушными к судьбе Конституанты. О настроении крестьян говорят анкеты волостных Советов Центральной России, заполненные в апреле — июне 1918 г. Из 1002 анкет в 81,6% выражено позитивное отношение к Советской власти и только 1,5% поддерживали лозунг с требованием созыва Учредительного собрания³. Позицию буржуазии выразил ЦК партии кадетов, который вскоре после роспуска заявил, что Учредительное собрание «не было в состоянии осуществить подлежащих ему функций и тем выполнить задачу восстановления в России порядка, и потому *возобновление* его деятельности должно быть сочтено *нецелесообразным и ненужным*»⁴.

Иными словами, в полной изоляции оказались победившие на выборах эсеры. Роспуск не вызвал Гражданскую войну. Она началась только летом 1918 г., и на всех ее этапах лозунг защиты прав Учредительного собрания присутствовал эпизодически и не играл главной роли.

Почему события пошли таким путем?

¹ Вишняк М. В. Всероссийское Учредительное собрание. М., 2010. С. 347.

² Медушевский А. Н. Предисловие // Вишняк М. В. Всероссийское Учредительное собрание. М., 2010. С. 72.

³ Осипова Т. В. Российское крестьянство в революции и Гражданской войне. М., 2001. С. 97–98.

⁴ Цит. по кн.: Поликарпов В. Д. Пролог Гражданской войны в России. М., 1976. С. 383.

2. Советы или «буржуазный парламентаризм»

Итоги выборов. Исходным фактором, создавшим возможность роспуска Конституанты, стали политические итоги выборов: 1) формальная победа правых эсеров, получивших голоса крестьянской провинции; 2) реальная политическая победа большевиков, получивших голоса той части населения, которая определяла исход борьбы за власть; 3) поражение буржуазных партий; 4) победа в национальных районах бывшей Империи национальных партий, сепаратистских по своим подлинным целям.

Наиболее полные подсчеты итогов выборов сделал Л. Г. Протасов, но они принципиально не отличались от тех, что были известны в январе 1918 г. Цифры Протасова гласят: в Петрограде большевики получили 45%, кадеты — 26%, эсеры — 17%; в Москве большевики получили 48,2%, кадеты — 34,3%, эсеры — 8,1%, меньшевики — 2,8%. По городскому населению большевики в целом по стране получили 34,3%, кадеты — 19%, эсеры — 16,2%¹. По армии в целом большевики собрали 42,1% голосов, тогда как эсеры — 37,2%, меньшевики — 3,4%, кадеты — 2,3%². Минская и Витебская губернии дали большевикам 59% голосов крестьян, промышленный центр (9 губерний вокруг Москвы) — 50%, губернии Северо-Запада — 42%³.

Победа в обеих столицах, в промышленных центрах, по городскому населению и по армии, а также в губерниях, расположенных вблизи столиц, делала большевиков политической силой, способной распустить Конституанту. В то же время, итоги выборов не давали гарантии мирного роспуска: половина армии не голосовала за большевиков. Однако большевики избрали тактику, которая позволила нейтрализовать опасность начала Гражданской войны по этому поводу. И их тактика не была политической «уловкой», а определялась выбранным стратегическим курсом.

Вся власть Советам. Важнейшую роль в судьбе Конституанты сыграло немедленное решение большевиками вопросов о земле и мире на II Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов — первом всероссийском съезде, где они получили поддержку большинства делегатов. Большевики сразу сделали то, что восемь месяцев не делали правые социалисты, и сделали это *от имени власти Советов*. Далее они созвали Учредительное собрание и выявили его роль как *противника Советской власти*. Этот шаг точно учитывал позицию делегатов II Всероссийского съезда крестьянских Советов (26 ноября — 10 декабря 1917 г.), которые высказались за созыв Конституанты, но объявили, что будут решительно бороться за утверждение власти Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Решение съезда поддержали более половины волостных Советов (данные по 415 волостям): 53,5% волостей

¹ Протасов Л. Г. Указ. соч. С. 208, 212–213, 216.

² Там же. С. 242, 243, 249.

³ Там же. С. 174–175, 228.

высказались за власть Советов, 30% настаивали на передаче власти Учредительному собранию, в 16,5% волостей население колебалось¹.

В самом начале работы Конституанты большевики предъявили депутатам декларацию ВЦИК, первый пункт которой гласил: «Россия объявляется Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам»². Эсеровское большинство делегатов отказались рассматривать Декларацию и объявили Россию демократической республикой без упоминания о Советах как органах власти. Тем самым Ленин получил возможность обвинить эсеров в отказе признать Советы органами государственной власти в условиях, когда лозунг «Вся власть Советам» был популярным среди рабочих, солдат и крестьян. Отметим, что в 1917 г. крестьянство по всей России с самого начала выступило против создания всесословных органов власти, заменяя старые земства крестьянскими советами и комитетами. В декрете ВЦИК о роспуске Учредительного собрания оно было названо «венцом буржуазно-парламентарной республики», которое «не могло не встать поперек пути ... Советской власти»³. Такая причина роспуска Конституанты сразу встретила понимание 11 губернских съездов крестьян (Вятский, Московский, Олонецкий, Орловский, Пензенский, Пермский, Тамбовский, Тверской, Самарский, Саратовский и Симбирский), которые уже в январе одобрили акцию большевиков⁴.

Следующий шаг большевиков — созыв заранее запланированных III Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов и III Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов. 13 января два съезда объединились и 18 января приняли основные статьи Закона о социализации земли в точном соответствии с желаниями крестьянских депутатов. Объединенный съезд одобрил политику СНК по всем ключевым вопросам. Особо отметим согласие съезда на продолжение *сепаратных* переговоров о мире (единственной реальной возможности прекратить войну), а также подтверждение права наций на самоопределение, «понимаемого в духе самоопределения *трудовых масс* всех народностей России»⁵. Съезд представлял большинство рабочих, солдат ключевых фронтов, а также крестьянство губерний, связанных с промышленными центрами. Это были наиболее грамотные и организованные слои простого народа. У крестьянской «глубинки» не было причин подниматься на борьбу с властью, созданной III объединенным съездом. Особенно, с учетом того, что его решения выигрывали на фоне решений Учредительного собрания.

Решения Конституанты. После ухода большевиков депутаты приняли: 1) первые 10 статей Закона о земле; 2) обращение к Антанте

¹ Осипова Т. В. Указ. соч. С. 65.

² Всероссийское Учредительное собрание. М.; Л., 1930. С. 4.

³ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. I. С. 335–336.

⁴ Осипова Т. В. Указ. соч. С. 65.

⁵ Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Пб., 1918. С. 91–94.

с предложением приступить к определению условий демократического мира, приемлемых для всех воюющих народов; 3) постановление о государственном устройстве России, которое провозглашало ее «Федеративной Республикой, объединяющей в неразрывном союзе народы и области, в установленных федеральной конституцией пределах, суверенные»¹.

Статьи *Закона о земле* предусматривали ликвидацию частной собственности на землю без выкупа. После октябрьского декрета о земле январское решение Конституанты выглядело и, действительно, было вынужденным. Об этом свидетельствовал аграрный законопроект министра земледелия эсера С. Л. Маслова, опубликованный 18 октября, т. е. накануне Октябрьской революции, по которому крестьянам предлагалось передать только часть земли помещиков за арендную плату. Проект говорил о том, что правые эсеры искали компромисс, который бы позволил сохранить коалицию с кадетами. После большевистского Декрета о земле, эсеры уже не могли предлагать иной аграрный закон. В итоге они и приняли закон, который имел важные последствия. Запрет частной собственности на землю был неприемлем для помещиков и буржуазии. Такой шаг правых социалистов исключил возможность образования единого антибольшевистского фронта, что снимало с повестки дня вопрос о вооруженном ответе на роспуск Собрания.

Обращение к союзным державам с предложением приступить к определению условий демократического мира также не могло стать инструментом мобилизации народа в защиту Конституанты. Правительства стран Антанты уже не раз отвергали предложения прекратить войну с Германией. «Обращение» показывало, что эсеры не были готовы заключить сепаратный мир, а он был единственной возможностью для России выйти из мировой войны.

Предложенная эсерами *формула федерализации* также не поднимала авторитета Конституанты, поскольку не устраивала элиты национальных регионов бывшей Российской империи. Об этом ясно говорила позиция Центральной Рады Украины. К 5 января 1918 г. из сотни украинских социалистов, избранных депутатами, в Петроград приехали только 1 еврейский социалист и 11 украинских эсеров, которые получили наказ не участвовать в голосовании и не брать на себя ответственность за решения, принятые Конституантой. Украинские депутаты предложили иной план действий: «созыв краевых учредительных собраний и конгресса народов России, долженствующего объединить и завершить работы краевых собраний и в окончательной форме установить условия союза российских республик»². Понятно, что *Конгресс народов России* — это конгресс равноправных народов, а не Учредительное собрание с большинством делегатов от русских губерний. В ночь на 9 января Центральная Рада приняла IV Универсал, которым УНР провозглашалась «суверенным

¹ Всероссийское Учредительное собрание. М.; Л., 1930. С. 112–113.

² Там же. С. 85–86.

государством украинского народа». 27 января делегация УНР подписала сепаратный мирный договор в Бресте, нарушавший интересы России.

Сепаратизм был сильным и в других районах бывшей империи. В Тифлисе уже 11 ноября 1917 г. было принято решение о создании «Независимого правительства Закавказья». 11 декабря свою независимость от России провозгласила буржуазная Литва, заключившая союз с Германией. 5 января латышский и эстонский депутаты, выступая в Таврическом дворце, ясно дали понять, что Латвия и Эстония ждут от России признания их прав на полное самоопределение¹. В январе Латвия, а в феврале Эстония провозгласили независимость. Сепаратистские силы не собирались защищать права Всероссийского Учредительного собрания. Впрочем, и те, кто на словах признавали эти права, по-своему трактовал понятие «федеративная республика». Так, 5 января на заседании в Таврическом дворце фракция мусульманских социалистов потребовала «санкционирования Учредительным собранием как образовавшихся штатов, так и находящихся в процессе образования, в частности штата „Поволжье“, „Южный Урал“, „Туркестанского“ штата и др.». Штаты должны были немедленно получить права на «формирование и выделение (из общероссийской армии — В.К.) национальных частей»².

Отмеченные факты говорили о том, что власть, созданная на базе Конституанты, не имела шансов собрать распадающуюся Империю. Такую задачу могла решить власть Советов, которая действовала на иной основе — классовой солидарности всех эксплуатируемых против всех эксплуататоров. Только такая идеология могла противостоять идеологии буржуазного национал-сепаратизма. Неслучайно III съезд Советов трактовал право народов на самоопределение как *право трудящихся*, а не буржуазии.

Легитимность роспуска. У большевиков был вполне законный повод к роспуску Конституанты — отсутствие кворума. В Учредительное собрание из запланированных 820 депутатов *были избраны* не более 767 депутатов. В начале заседания 5 января в зале Таврического дворца, по самым оптимистическим оценкам, присутствовали 410 депутатов³. Выше было сказано об отказе участвовать в работе Собрания большинства украинских депутатов. Бросалось в глаза отсутствие большинства мусульманских делегатов, получивших 62 мандата. Практически не было депутатов от правых партий и организаций (64 мандата). Кадеты заранее решили не принимать участие в первом дне заседания, требуя освобождения 4-х своих депутатов, арестованных большевиками. В такой ситуации вопрос о кворуме стоял остро уже с момента открытия собрания. Квалифицированного большинства в две трети не было изначально. По признанию секретаря собрания Марка Вишняка, при открытии

¹ Всероссийское Учредительное собрание. М.; Л., 1930. С. 102–104.

² Там же. С. 58.

³ Протасов Л. Г. Указ. соч. С. 309.

Конституанты у него не было списка депутатов¹. Вопрос о мандатной комиссии и проверке полномочий депутатов не ставился. В первом ключевом голосовании по выборам председателя Конституанты участвовало только 397 депутатов (за Виктора Чернова подано 244 голоса, а за Марию Спиридонову — 153)². Поздно ночью в ключевом голосовании, решавшем судьбу декларации ВЦИК, участвовало 383 депутата: большинством в 237 голосов против 146 было решено не рассматривать декларацию³. После этого более сотни большевиков покинули Таврический дворец. Под утро за большевиками ушли три десятка левых эсеров, которые также требовали одобрить декларацию ВЦИК. В зале осталось немногим более 200 депутатов, которые заведомо не имели права решать вопросы будущего страны. Опыт первого дня говорил о том, что собрать новое заседание, которое бы обладало даже простым большинством избранных депутатов, было нереальным.

Все эти обстоятельства объясняют тот факт, что в сложившейся ситуации ни о какой Гражданской войне в защиту прав Учредительного собрания не могло быть и речи. Почему же война вспыхнула в июне, и какую роль в ней играл лозунг защиты Конституанты?

3. Причины Гражданской войны

Продовольственная диктатура. Широко распространена версия о том, что причиной Гражданской войны стала продовольственная диктатура, введенная большевиками в мае 1918 г. Так ли это?

Действительно, самой большой проблемой для большевиков весной — летом 1918 г. была нарастающая нехватка хлеба в крупных городах, в том числе в столицах. Нехватка была обусловлена совокупным действием ряда факторов. Первый — проблема транспорта, который уже в дореволюционном 1916 г. не справлялся со снабжением хлебом не только городов, но и фронта. Временное правительство не смогло улучшить работу транспорта. Большевики также не смогли этого сделать. Транспортный коллапс нарастал. Второй причиной было нежелание зажиточных крестьян, основных держателей хлебных излишков, продавать государству хлеб по низким ценам в условиях растущего обесценивания бумажных денег. Эту проблему не решило ни царское, ни Временное правительство. Вот оценка ситуации, которую дал министр Временного правительства Андрей Шингарев в мае 1917 г.: «никаких хлебных запасов в распоряжении государства не осталось. Жутко сказать и страшно вспомнить, что в начале марта были минуты, когда оставалось хлеба на несколько дней в Петрограде и Москве, и были участки фронта с сотнями тысяч солдат, где запасы хлеба оставались лишь на полдня»⁴. Шингарев прав в том, что

¹ Вишняк М. В. Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954. С. 367.

² Всероссийское Учредительное собрание. М.; Л., 1930. С. 9.

³ Там же. С. 64.

⁴ Цит. по: Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 205.

весной 1917 г. хлеба было мало в столицах и на фронте, хотя формально в 1916/17 сельскохозяйственном году (с 1 августа 1916 г. по 1 августа 1917 г.) по всей Российской империи государством было заготовлено примерно 8,3 млн т хлеба, а в великорусских губерниях около 5,2 млн т¹. Главной проблемой было то, что этот хлеб с трудом и лишь частично доходил до потребителей. С 1 августа 1917 г. Временное правительство, подняв в 2 раза закупочные цены, смогло заготовить часть хлеба нового урожая (около 0,4 млн т.). Тем не менее, после штурма Зимнего на столе Керенского была обнаружена записка, которая касалась ситуации в Петрограде: «Хлеба на 1/2 суток!»².

К концу года галопирующая инфляция устранила эффект повышения закупочных цен, и крестьянин перестал продавать хлеб за бумажные деньги. В такой ситуации большевики пришли к власти. И вскоре поняли, что ошиблись в расчетах на то, что в условиях Советской власти крестьянин даст хлеб рабочим в виде налога и государственных закупок по низким ценам. С января 1918 г. государственные хлебозаготовки стремительно падали. В мае большевики ввели продовольственную диктатуру, которая предусматривала государственную монополию на торговлю хлебом и изъятие излишков у зажиточных крестьян при помощи продотрядов. Ситуация в деревне обострилась, но все конфликты носили локальный характер и не создавали реальной угрозы для Советской власти.

В перспективе политика продовольственной диктатуры могла породить гражданскую войну, но события могли повернуться и по-другому: уже в августе 1918 г. поступление нового обильного урожая должно было облегчить продовольственное положение, что открывало возможности найти компромисс с крестьянством, как это и предусматривалось политикой «переходных шагов к социализму», утвержденной большевиками весной 1918 г. Однако эта благоприятная альтернатива была закрыта военной интервенцией. Она-то и стала важнейшим фактором развязывания Гражданской войны.

Первый фронт. В конце мая 1918 г. части чехословацкого легиона начали мятеж в городах Поволжья, Урала и Сибири вдоль Транссибирской магистрали. ВЦИК Советов, получив известие о выступлении чехов, принял 29 мая 1918 г. декрет «О принудительном наборе в рабоче-крестьянскую Красную Армию» и объявил мобилизацию пяти возрастов рабочих и крестьян в 51 уезде Приволжского, Уральского и Западно-Сибирского военных округов, т. е. в зоне действия мятежного корпуса³. 13 июня СНК принимает решение о создании Восточного фронта. Первый фронт создали там и тогда, где и когда началась большая война. И начали ее чехи по приказу Антанты. Иначе не объяснить тот факт, что легионеры, приняв решение пробиваться к Владивостоку, остановились, развернулись и заняли волжский рубеж. Такого рода интервенция

¹ Статистический справочник за 1928 год. М., 1928. С. 702.

² Бонч-Бруевич В. Д. Избранные сочинения. М., 1963. Т. 3. С. 184.

³ Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 428–429.

Антанты была абсолютно неожиданным фактором. Заключив Брестский мир, большевики не боялись масштабной интервенции, поскольку на Западном фронте в Европе весной — летом 1918 г. шли ожесточенные бои. Никто не мог предположить, что в глубоком тылу России в мае окажется иностранная военная сила, способная установить контроль от Волги до Владивостока и поднять на борьбу внутреннюю контрреволюцию.

«Демократическая контрреволюция». Интервенция легионеров сразу получила политическое прикрытие в виде Комитета членов Учредительного собрания (КОМУЧА), образовавшегося при поддержке чехов в Самаре. И этот факт позволяет формально говорить о том, что первый фронт Гражданской войны возник под лозунгом защиты прав Учредительного собрания. Однако на деле ситуация была иной. О расстановке политических сил в Поволжье накануне выступления чехов ясно рассказал один из лидеров самарских эсеров Прокопий Климушкин: «никто не верил в возможность свержения большевистской власти, все были убеждены, что она будет царствовать долго. ... Мы видели, что если в ближайшее время не будет толчка извне, то на переворот надеяться нельзя». И после прихода чехов КОМУЧ не получил поддержки со стороны населения: «реальная поддержка была ничтожна. ... Рабочие нас совершенно не поддерживали. И когда мы ехали в Городскую думу для открытия комитета под охраной, к сожалению, не своих штыков, а штыков чехословаков, граждане считали нас чуть ли не безумцами», — говорил Климушкин¹.

Свидетельство эсера опровергает тезис о том, что война в Поволжье началась как восстание крестьян против продовольственной политики большевиков. Это свидетельство подтверждают историки. Наиболее авторитетный современный исследователь крестьянского движения в Поволжье В. В. Кондрашин отмечает, что в «докомбедовский» период (январь — июнь 1918 г.) преобладали «противоречия между крестьянами в рамках одной общины, нежели между всей общиной и государством. <...> Высшие формы движения (*восстание, война*) не наблюдаются. Масштабы насилия ограничены небольшим числом жертв противостоящих сторон»².

Ограниченность крестьянского протеста была обусловлена тем, что жесткие формы заготовки хлеба в мае — июне 1918 г. в Поволжье были редкостью. Крестьяне игнорировали хлебную монополию и продавали хлеб «мешочникам». Местные Советы зачастую своей властью разрешали свободную торговлю хлебом. Не только в Поволжье, но и в других районах страны масштабы государственных хлебозаготовок весной — летом 1918 г. были незначительными. С 1 августа 1917 г. по 1 августа 1918 г. государство сумело заготовить только около 50 млн пудов (0,8 млн т) зерна,

¹ См.: Пионтковский С. Гражданская война в России, 1918–1921. Хрестоматия. М., 1925. С. 214–215.

² Кондрашин В. В. Крестьянство России в Гражданской войне: М., 2009. С. 97–98.

т. е. почти в 7 раз меньше, чем было заготовлено в 1916/1917 г.¹. Половина этого объема была заготовлена Временным правительством. В первую половину 1918 г. почти весь товарный хлеб был реализован через «черный рынок», обогатив держателей излишков хлеба и перекупщиков.

Крестьянский протест весомо заявил о себе *осенью* уже в условиях *начавшейся* войны, вызванной мятежом сорокатысячного иностранного корпуса. Первые массовые восстания были направлены против *мобилизации* в Красную армию, а затем пошли восстания против реквизиции скота, лошадей и хлеба, необходимых для того, чтобы обеспечить растущую армию и промышленных рабочих. Положение обострили и созданные осенью комитеты бедноты, без которых большевики тогда не могли осуществить госзаготовки. Массовое крестьянское сопротивление явилось следствием *факторов, созданных и обостренных военной интервенцией*.

Привело ли введение жестких форм продовольственной диктатуры к массовой поддержке крестьянами политических противников большевиков? Нет. О прочности власти большевиков говорит тот факт, что в центральных районах они, несмотря на многочисленные выступления крестьян, провели в целом успешную мобилизацию в Красную армию: в 1918 г. только 16,3% призванных крестьян уклонилось от призыва². Созданной армии было достаточно для того, чтобы одержать первые победы на Восточном фронте.

В свою очередь эсеровский КОМУЧ смог *мобилизовать* в его «Народную армию» только около 23 тыс. крестьян, которые не хотели воевать³. Реальной силой КОМУЧа оставались белочехи и офицерские дружины, формально поддерживавшие эсеров. Уже в сентябре 1918 г. красные отбросили войска КОМУЧа, освободив Казань и Симбирск. В освобожденных районах Поволжья тысячи крестьян вступали в Красную армию добровольцами. Только Самарская губерния в сентябре — октябре дала 10 тыс. добровольцев⁴. В. В. Кондрашин так объяснил причины поведения крестьян: «за демократическим фасадом Комуча, красивыми словами о свободе крестьяне увидели помещика, жаждавшего вернуть свою землю и жестоко покарать их за самоуправство в 1917 г.»⁵.

Слабость правых социалистов в Поволжье, а также на Урале и в Сибири привела к тому, что уже осенью 1918 г. адмирал А. В. Колчак совершил переворот. С «демократической контрреволюцией» и лозунгом борьбы в защиту прав Учредительного собрания было покончено.

Белое движение. Ни А. В. Колчак, ни А. И. Деникин не вели с большевиками борьбу за то, чтобы передать власть эсеру В. М. Чернову.

¹ Четыре года продовольственной работы. М., 1922. С. 18.

² Осипова Т. В. Указ. соч. С. 282.

³ Медведев В. Г. Белый режим под красным флагом (Поволжье, 1918). Ульяновск, 1998. С. 53, 60.

⁴ Осипова Т. В. Указ. соч. С. 258.

⁵ Кондрашин В. В. Самарский Комуч и крестьянство // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М., 2000. С. 127.

Реальная программа белых была буржуазно-монархической. Они выступали против ликвидации частной собственности на землю, против национализации промышленности и против федеративной республики, выдвинув лозунг «единой и неделимой» России. Ядро белого офицерства видело Россию под скипетром традиционной царской власти. Как бы ни прикрывались Колчак и Деникин тезисом о «непредреждении» основных вопросов революции, классовая суть белого движения была очевидной, и они не смогли получить поддержки широких масс. Логика этого этапа гражданской войны была такова: чем больше были успехи белых, тем больше крестьян поддерживали красных, несмотря на политику продразверстки. В первой половине 1919 г. крестьянин не хотел давать большевикам хлеб и срывал мобилизации, а когда Деникин летом — осенью стал приближаться к Москве, в Красную армию вернулось 975 тысяч дезертиров¹.

Важно отметить, что масштабы госзаготовок продолжали оставаться ограниченными: в 1918/19 г. государство с подконтрольной территории заготовило лишь 1,8 млн т хлеба, в 1919/20 г. — 3,5 млн т хлеба (для сравнения: в 1916/17 гг. царским и Временным правительствами было заготовлено 5,2 млн т хлеба)². Собрав необходимый минимум для снабжения армии и промышленных рабочих, СНК предоставил населению фактическую свободу для закупок на свободном рынке, который назывался «черным» только потому, что по закону продажа хлеба была монополией государства. Планы продразверстки никогда не выполнялись (в 1919 г. план был выполнен на 41,5%). Как следствие, в 1918 и 1919 гг. крестьяне производящих губерний не только не снизили, но даже увеличили личное потребление: они потребляли 17 пудов в год, а в довоенный период — 16 пудов³. Конечно, даже небольшие по объему хлебозаготовки при помощи насилия порождали эксцессы, но при угрозе победы белых большинство крестьян поддержало красных.

«**Крестьянская война**». После разгрома белых большевики остались один на один с крестьянством, недовольным политикой «военного коммунизма». Уже весной 1920 г. Л. Д. Троцкий предложил заменить продразверстку продналогом и частично вернуть свободу торговли хлебом⁴. Однако в преддверье войны с Польшей большинство членов ЦК побоялось оставить растущую армию без гарантированного запаса хлеба. В 1920/21 г. государство заготовило 5,68 млн т⁵. Прибавка была обеспечена за счет распространения продразверстки на Сибирь, Украину

¹ Осипова Т. В. Указ. соч. С. 319.

² Статистический справочник за 1928 год. М., 1928. С. 702.

³ Бюллетень Центрального статистического управления. М., 1920. № 19–20. 1 марта.

⁴ Одиннадцатый съезд РКП (б). Март–апрель 1922 года. Стенограф. отчет. М., 1961. С. 270.

⁵ Струмилин С. Г. На плановом фронте. М., 1958 С. 31, 33. По другим данным: 4,6 млн т на территории РСФСР, или более 6 млн т на территории будущего СССР в целом (Статистический справочник за 1928 год. С. 702).

и Северный Кавказ, очищенных от белых. Ответом стали крестьянские восстания.

Анализ восстаний подтверждает их локальный характер и то, что они всегда были связаны с просчетами местной власти, которые резко обостряли общую трудную, но терпимую ситуацию. Это ярко показывает история «Антоновщины». Белые офицеры и местные эсеры летом 1920 г. на так называемом «Совещании ста» заключили союз и подняли на восстание крестьян 3-х из 12 уездов Тамбовской губернии. Эти три лесных уезда в условиях *плохого* урожая были обложены наиболее тяжелой продразверсткой за то, что укрывали дезертиров из Красной армии. Дезертиры и составили основную ударную силу антоновских отрядов. Попытка распространить восстание еще на два уезда дала частичные результаты. Большинство крестьянских обществ Тамбовской губернии не пустили повстанцев на свою территорию. По максимальным оценкам на пике восстания в феврале 1921 г. в нем участвовало около 40 тыс. повстанцев, что составляло менее 5% взрослого мужского населения губернии и не более 10% в зоне мятежа¹. Большое число крестьян было втянуто в восстание насильно, порой откровенно бандитскими приемами².

Крестьянские восстания не создавали реальной угрозы свержения Советской власти, но не позволяли завершить Гражданскую войну. Для нашей темы принципиальное значение имеет тот факт, что восставшие крестьяне не выступали против Советов и были равнодушны к лозунгу восстановления прав Учредительного собрания, хотя эсеры его выдвигали в районах восстания. Главным был лозунг «Советы без коммунистов», который отражал недовольство продразверсткой.

Решающим фактором, который определял основной ход событий в революционной России, был крестьянский менталитет. Непризнание крестьянством принципа частной собственности на землю обеспечило победу большевиков, а нежелание крестьян «кормить город» в условиях распада государственных институтов власти и управления создало ситуацию, когда политические противники большевиков, получив внешнюю опору, смогли развязать против них масштабную войну. Крестьяне решили судьбу этой войны, поддерживая красных против белых. Переход к НЭПу не был результатом военного поражения красных в войне с крестьянством. Локальные крестьянские восстания лишь подтолкнули большевиков к тому, чтобы вернуться к стратегии «переходных шагов», принятой весной 1918 г. Отметим, что большевики, вводя НЭП, даже не обсуждали вопрос о возврате к «буржуазному парламентаризму», символом которого было Учредительное собрание.

¹ «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920–1921 гг. Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007. С. 13, 494. В 1920 г. в губернии среди сельского населения было 1 млн 678 тыс. мужчин. Если отбросить половину (дети и старики), то получится около 840 тыс. взрослых мужчин.

² Там же. С. 11, 653.

Значение роспуска. Не став причиной Гражданской войны, роспуск Учредительного собрания тем не менее был важной вехой в истории Русской революции в том плане, что он закреплял курс Ленина на социалистическую революцию в России. Отказ от роспуска вел к сохранению буржуазного характера революции, несмотря на неизбежное радикальное решение аграрного вопроса путем «черного передела». Сохранение буржуазного характера революции закрывало путь к социально-экономическому и культурному рывку, который был необходим для России в геополитических условиях XX века. Только социализм мог обеспечить такой рывок на основе форсированных индустриализации, коллективизации, культурной революции в условиях достаточно устойчивого социально-политического и национального единства общества. К сожалению, цена рывка оказалась неоправданно большой, но это уже другая тема.

РАЗВИТИЕ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В ГОСУДАРСТВАХ — УЧАСТНИКАХ СНГ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ГОСУДАРСТВ — УЧАСТНИКОВ СНГ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В УСЛОВИЯХ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ И ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ГУРЬЯНОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Международного юридического института,
Москва, Россия;
e-mail: Avgustin354@mail.ru

Аннотация: В статье, в соответствии с принципами классической диалектики, раскрываются некоторые аспекты парламентаризма в условиях регионализации и глобализации. Выделяется форма организации социума в постсоветских странах через категорию «технологическая природа государства». Предлагаются некоторые выводы об адаптивности принципов классического парламентаризма в современных условиях.

Ключевые слова: регионализация, глобализация, форма организации социума, технологическая природа государства, форма правления, парламентаризм.

В XX в. наиболее общим критерием раскрытия сущности государства считалась общественно-экономическая формация. Она олицетворяла собой исторический тип социума, основывающийся на определенном способе производства, выступающем основным механизмом поэтапного развития человечества. Однако, крах социалистической системы в XX в. практически показал крайности научных подходов о формационной структуре общества. В итоге человечество стало переживать проблему смены идеологических курсов, мировоззрений. Государственность из классической, марксистской перешла в состояние поиска. Исследования, объясняющие судьбу моторного движения государств, подтверждают, что ситуации постоянно меняются. Теперь, как видно,

при исследовании движения государства нельзя останавливаться только на диалектическом материализме, экономике, собственности.

В конце XX — начале XXI вв. полным ходом стали происходить процессы трансформации государственного суверенитета, изменения самой сущности государства и его функций, объединения стран в наднациональные сообщества. Человечество стало наблюдать кризис и распад одних стран и образование других, конвергенцию обществ и объединение государств во множество союзов. Вместе с тем, как отмечает Ю. А. Тихомиров: «в XXI в. государство не демонстрирует признаков отмирания, несмотря на предсказания утопистов и прогнозы марксистов, напротив, в условиях общепланетарной глобализации количество государств, как ни парадоксально, увеличивается — за прошедшее столетие почти в четыре раза»¹. Так на постсоветском пространстве образовалось около двадцати государственных (государство-подобных) образования, одиннадцать из которых представляют страны Содружества Независимых Государств, обладающие суверенитетом.

Как представляется, образование новых государств в XX–XXI вв. стало происходить в условиях, «когда человечество, став целостностным организмом в масштабах планеты, в полной мере осознало свое единство перед лицом многочисленных угроз глобального характера, перед необходимостью решать сложнейшие задачи выживания, освоения космоса и т. п.»². Уровень и скорость развития научно-технических достижений (обмен информацией, развитие транспортных сетей, полное освоение всех континентов планеты и др.) привели к необходимости слаженности действий и взаимопониманию в объединении усилий и ресурсов всего мирового сообщества.

Начались глобальные и региональные процессы с коллективными усилиями по стандартизации и унификации формирования государств (государственного аппарата, современных государственных механизмов). Так, В. Я. Любашиц и Н. В. Разуваев убедительно утверждают: «... если мы обратимся к анализу социально-политических и юридических процессов, сопровождавших становление современного государства в различных регионах мира в течение XVIII–XIX вв., то без труда сможем убедиться, что основным стимулом, движущей силой этих процессов явилось формирование и активное заимствование рационалистических моделей и представлений о государстве, оказавших существенное влияние не только на западную, но и на восточную политико-правовую культуру»³. В итоге, стало массово происходить заимствование видов форм правления, принципа разделения властей, порядка формирования органов государственной власти, уже

¹ См.: Тихомиров Ю. А. Государство: монография. М., 2013. С. 8.

² См.: Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира: монография. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2021. С. 8.

³ См.: Любашиц В. Я., Разуваев Н. В. Эволюция государства: историческая динамика и теоретическая модель: монография. М., 2018. С. 22.

не только на возникших тысячелетия назад государственных территориях, но и в новых государствах, образованных в XX в.

Таким образом, развивающаяся природа государства еще больше стала определяться не только внутренними, но и мощными внешними факторами (информационными, финансовыми, энергетическими, транспортными, культурными). Количественный рост образования государств в XX–XXI вв. показал, что процесс динамического движения политий стал зависеть как от формационных, так и от цивилизационных факторов.

Такие условия стали диктовать необходимость выработки новых знаний о социуме. Знаний, которые станут более адаптивными к глобальным изменениям XX в. Знания об управлении, которые смогут, с одной стороны, более эффективно снимать социальную нагрузку и угрозы мировых катастроф, а с другой удовлетворять потребности как растущего населения планеты, так и интересы различных социальных групп.

В связи с этим в отечественной и зарубежной науке ученые пришли к выводам, что в условиях глобализации и регионализации процессы государственного управления стали называться «высокотехнологичными». В узком смысле социальные технологии стали применяться для совершенствования руководства в локальных коллективах, в учреждениях, предприятиях, кооперациях¹. Но скорость и колоссальные объемы обмена информацией между всеми субъектами международного общения в глобальных масштабах, уровень заимствования способов организации форм государств, форм правления, механизмов государств, государственных аппаратов по всему миру, возникновение «электронного правительства, доказывают, что политогенез в XX в., в широком смысле слова, привел к социальным и политическим технологиям.

Соответственно, в течение последнего столетия суть категории «технология» видоизменилась от механического, производственного процесса к его виду как социальной технологии. Социальное знание из описательной, объяснительной, анализирующей и прогнозирующей информации переходит уже в так называемую «производительную силу».

Ретроспективно технологии и научно-технические революции стали происходить еще с периода неолита. Но все же только за последние столетия возник вопрос о возможностях управления технологиями на региональном и глобальном уровнях при колоссальном воздействии технoзнания на человеческую жизнь. Одним из первых, кто поставил эту проблему таким образом в XX в., был немецкий ученый М. Хайдеггер. В своей работе «The Question Concerning Technology» (Вопрос о технологии) он показал, что «вся наша цивилизация работает на „пóстав“, т. е. осуществляется в форме воспроизводства технологических поставляющих цепочек и процессов»².

¹ См., напр.: Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Научно-ред. совет: В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, А. П. Огурцов. М., 2001. Т. IV. С. 65.

² См.: Grant G. P. Philosophy and culture: Perspectives for the future. XVII th World Congress of Philosophy. Montreal, 1983; Грант Дж. П. Философия, культура, технология: перспективы на будущее // Новая технократическая волна на Западе. Сборник статей. М., 1986. С. 153.

Приведенные глобальные изменения динамического движения политических в XX–XXI вв., по нашему мнению, дают возможность синтеза научной категории *«технологическая природа государства»*, представляющая собой процесс научного, искусного описания эволюционного движения природных (органических, неорганических) и природно-антропогенных (созданных, измененных человеком) объектов (территориальных, социальных, управленческих), составляющих форму организации общества на стадиях образования, развития, кризиса и распада политики¹.

Технологическая природа государства, как вид социальной технологии, оказывает значительное воздействие на общество, основывается на социальном изобретении, обладающим значительным потенциальным воздействием на уровне ее перемещения в социальных системах на фиксируемой обществом территории.

Перемещение технологии, состоящее из «вертикальных» и «горизонтальных» компонентов динамического движения, может осуществляться на уровне развития и уровне воздействия². Виды перемещения технологической природы государства в условиях регионализации можно классифицировать следующим образом:

1) «по вертикали» — движение синусоидообразным способом с фазовыми изгибами (переломами) по интегральным стадиям. Ярким примером такого перемещения может являться постсоветское экономическое пространство, которое характеризуется следующими этапами:

- а) создание Содружества Независимых Государств;
- б) углубление интеграции в экономической и гуманитарной областях;
- в) образование Евразийского экономического сообщества;
- г) формирование Таможенного союза;
- д) переход к единому экономическому пространству;
- е) образование Евразийского экономического союза.

2) «по горизонтали» — распространение в XX и XXI вв. интегральных общественных закономерностей по регионам планеты: постсоветский регион (Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия), западноевропейский регион (Скандинавские страны), восточноазиатский регион (Китай, Вьетнам), южно-азиатский регион (Индия), латиноамериканский регион (Бразилия) и др.

Государственная форма социальной организации постоянно эволюционирует как в политическом, интеграционном, так и в философском отношении. Исследователи отмечают, что такая эволюция происходит как

¹ См. подробно: Государство в XXI веке (правовые проблемы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации): монография / отв. ред. А. А. Гурьянов. Голицыно, 2021.

² Перемещение технологической природы государства — это динамическое движение моделей (организаций) государства, которое можно разделить на «вертикальные» и «горизонтальные» компоненты распространения ее применения (заимствование моделей демократических государств в XX и XXI вв.) или отказа от применения (крах социалистических моделей государств в XX в.) — прим. авт.

в вертикальной динамике как в виде формационных стадий: первобытно-общинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической, коммунистической, новой интегральной¹, так и в виде горизонтального, цивилизационного распространения: православной, исламской, западной и др. цивилизаций.

Представленные технологические процессы по использованию западноевропейских управленческих моделей в полной мере стали реализовываться в евразийском регионе и конкретно на территории постсоветского пространства. Во всех странах Содружества Независимых Государств принята республиканская форма правления, что прямо закреплено в текстах конституций данных государств². Основные законы государств — участников СНГ также закрепили понятие парламента как высшего представительного и законодательного органа государственной власти. Тем самым были положены конституционные основы для развития парламентаризма³ на постсоветском пространстве.

Постсоветские страны широко использовали опыт демократического строительства других государств. Формирование института парламентаризма в постсоветских государствах во многом осуществлялось в русле европейской политико-правовой традиции. Современный парламент — это общегосударственный представительный орган, главная функция которого в системе разделения властей заключается в осуществлении законодательной власти.

¹ См.: Новое интегральное общество: общетеоретические аспекты и мировая практика / Под ред. Г. Н. Цаголова. М., 2016. С. 129.

² См.: ч. 1 ст. 1 Конституции Российской Федерации; ч. 1 ст. 2 Конституции Республики Казахстан; ст. 1 Конституции Республики Армения; ч. 1 ст. 7 Конституции Азербайджанской Республики; ч. 1 ст. 1 Конституции Кыргызской Республики; ст. 5 Конституции Украины; ч. 2 ст. 1 Конституции Республики Молдова; ст. 1 Конституции Республики Узбекистан; ст. 1 Конституции Республики Беларусь; ст. 1 Конституции Туркменистана; ст. 1 Конституции Республики Таджикистан // Информационно-правовая система «Законодательство стран СНГ» [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://spinform.ru/>

³ В узком смысле парламентаризм — принцип правления, установленный в Англии (известный как Вестминстерская система монистического парламентаризма), означающий, что власть премьер-министра и членов кабинета зависит от одобрения большинства легислатуры. В более широком смысле это порядок управления, основанный на разделении властей, в котором парламенту отводится функция разработки и принятия законов, определения стратегии правовой политики государства, наряду с другими ветвями власти. Классический парламентаризм — модель, возникшая и развивавшаяся в XVIII–XIX вв. в странах Западной Европы. Она основана на идее народного суверенитета, возобладавшей в ходе Американской, Французской и других буржуазных революций — принципе «мы народ», выражающем создание институтов представительной власти, подотчетных гражданскому обществу и гарантирующих соблюдение основных прав личности (Медушевский А. Н. Парламентаризм в условиях глобализации: сохранит ли жизнеспособность классическая модель? // Таврические чтения 2019. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 5–6 декабря 2019 г.: Сборник научных статей. В 2 ч. / Под ред. А. Б. Николаева. СПб., 2020. Ч. 2. С. 7–8).

Новые высшие органы законодательной власти, отражая национальные особенности каждой конкретной страны, на практике представляют различные общественные слои и объединения граждан, социальные и национальные группы населения этих стран. Парламенты государств — участников СНГ представлены законодательными органами: Милли Меджлис в Азербайджанской Республике; Национальное Собрание Республики Армения; Национальное Собрание Республики Беларусь; Парламент Республики Казахстан; Законодательное собрание Жогорку Кенеш Кыргызской Республики; Парламент Республики Молдова; Маджлиси Оли Республики Таджикистан; Меджлис Туркменистана; Олий Мажлис Республики Узбекистан; Верховная Рада Украины.

Парламентаризм является сложным многоэлементным механизмом, имеющим разнообразные связи и отношения с другими институтами власти. Однако, стоит всегда помнить, что парламент — это единственный официальный орган народного представительства. Его представительная функция фиксирует связь с населением в целях реализации и защиты их прав и свобод как фундаментального демократического принципа.

Однако, теория и практика классического парламентаризма в условиях регионализации и глобализации стали существенно меняться. В связи с этим ученые выделяют ряд проблем:

- рост процессов унификации глобального правового регулирования при росте его асимметричности, т.е. фрагментальной интеграции международного и конституционного права;

- отсутствие глобального гражданского общества, вызывающее вакуум глобальной демократии и эрозию парламентаризма;

- отсутствие легитимности парламентаризма на транснациональном уровне;

- пересмотр принципа Вестфальского государственного суверенитета, являющегося основополагающим для международного, конституционного права и классического парламентаризма;

- формирование многоуровневого парламентаризма, порождающего бюрократию и недоверие населения к парламентским институтам;

- трансформация принципа разделения властей от национального на транснациональный уровень, приводящая к сужению роли государственных парламентов в связи с влиянием международных организаций на государственные органы;

- делегирование значительного объема власти от парламентов к судам и др.

Кроме того, негативные технологические и популистские процессы стали отрицательно влиять на доверие населения к парламентским структурам. Так, по мнению А. Н. Медушевского, негативным трендом является «принятие новых технологий глобального управления (заимствуемых из корпоративного сектора) с ориентацией на экономическую и функциональную эффективность в ущерб демократическим процедурам парламентаризма и качеству законодательной работы. ... При этом

утрачивается важное преимущество традиционного парламентаризма — демократический характер принятия решений на основе критического анализа аргументов сторон и поиска компромисса»¹.

Таким образом, подводя итог некоторым аспектам парламентаризма в условиях регионализации и глобализации, сделаем следующие выводы:

1. Эволюционное движение природных (органических, неорганических) и природно-антропогенных (созданных, измененных человеком) объектов (территориальных, социальных, управленческих), составляющих форму организации общества на стадиях образования, развития, кризиса и распада политий, детерминирует как политический, так и научный процесс движения технологической природы в государствах — участниках СНГ.

2. В государствах, входящих в состав Содружества Независимых Государств, функционируют парламенты, характерные для развитых демократических стран. Очевидно, что парламентаризм в СНГ способствует становлению более процветающих социумов.

3. По мнению авторов, в государствах — участниках СНГ происходили отдельные процессы заимствования систем управления (форм правления) из западноевропейской традиции (в конституциях указанных государств закреплены нормы о республиканских формах правления, суверенитете, принципе разделения ветвей власти, примате международного права над государственным и вытекающей из этого унификации международного и национального законодательства).

4. Стоит согласиться с мнением, что «классическая модель парламентаризма может обеспечить свою жизнеспособность в новых условиях, сохранив ядро конституционных гарантий при изменении форм позиционирования на глобальном уровне. С одной стороны, очевидна необходимость восстановления размываемого ныне конституционного суверенитета национальных государств и приоритета их законодательных институтов — парламентов как центров производства законов — путь к стабилизации классической модели. С другой — усиление координирующих (но не принимающих решения) международных негосударственных институтов транснационального конституционализма и парламентаризма»².

5. Уровень противоречий в области управления в государствах постсоветского пространства достаточно высок. Это выражается в специфике государственного устройства стран СНГ (формах правления, взаимной подотчетности органов государственной власти, порядке их выборов и формирования). Процесс вхождения (попыток реализации вхождения) отдельных государств — участников СНГ в организации транснационального уровня — Европейского или Евразийского союзов и др. также оказывает влияние на технологическое движение постсоветских политий.

¹ См.: Медушевский А. Н. Указ. соч. С. 14–15.

² См., напр.: Медушевский А. Н. Указ. соч. С. 19.

ВТОРОЙ СЪЕЗД НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР: КРИЗИС ПЛАВНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ И ДИСКУССИЯ О СУДЬБЕ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

ЯЛЫШЕВ РЕНАТ АМИРУЛЛОВИЧ,

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории культуры, государства и права
Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета
«ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Ленина),
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: renyal@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются процесс обсуждения межнациональных отношений и пути реформирования федеративного государства на Втором Съезде народных депутатов СССР в 1989 г. Делается попытка проанализировать вопрос о том, как идея разработки и подписания нового Союзного договора становилась главным инструментом национальной политики СССР на заседаниях съезда, чтобы впоследствии фактически превратиться в механизм демонтажа СССР.

Ключевые слова: СССР, перестройка, Съезд народных депутатов СССР, новый Союзный договор, распад СССР, М. С. Горбачев.

В декабре 1989 г. состоялся Второй Съезд народных депутатов СССР. По сравнению со временем проведения Первого Съезда обстановка в межнациональных отношениях в Союзе основательно поменялась. В промежутке между двумя съездами произошел ряд событий, которые серьезно повлияли на дальнейшее развитие ситуации в стране: Верховные Советы Латвии и Азербайджана провозгласили суверенитет своих республик; Верховный Совет Литвы объявил присоединение республики к СССР в 1940 г. незаконным; Верховный Совет Грузии принял поправку к Конституции, дающую право «вето» на союзные законы; произошли столкновения на национальной почве в Новом Узене (Казахстан), в Южной Осетии и Абхазии (Грузия), а также в Молдавии.

Кроме того, стремительными темпами ухудшалось положение в экономике СССР¹. Это побуждало республики искать собственные решения по исправлению экономической ситуации.

В такой обстановке на Втором Съезде народных депутатов СССР, как и на Первом, вновь наиболее обсуждаемыми оказались именно национальные проблемы. Показательно, что в первый день работы Съезда

¹ См.: Калашиников В. В. Экономическая политика Правительства СССР в эпоху перестройки // Известия СПбГЭТУ «ЛЭТИ». Серия «Гуманитарные и социально-экономические науки». 2003. № 1. С. 2–6.

народных депутатов СССР компартия Литвы раскололась, и ее большая часть объявила о своем отделении от КПСС¹.

Начало Съезда прошло в борьбе за повестку дня. Многие депутаты, причем не только прибалтийские, стремились включить отдельным пунктом вопрос о разделении компетенций между Союзом и республиками и проблемы национально-государственного устройства СССР².

С первого дня на Съезде началась атака на 6 статью Конституции СССР, в которой говорилось о руководящей роли КПСС в общественно-политической жизни страны³. В частности, об этом говорил известный поэт Е. А. Евтушенко⁴.

Как и на Первом Съезде, тон дискуссии о путях реформирования Союза задавали депутаты от Литвы, Латвии и Эстонии. Среди депутатского корпуса вновь активно распространялись агитационные материалы по проблеме статуса прибалтийских республик, причем как антисоюзной направленности, так и агитировавшие за союз⁵.

С трибуны Съезда Председатель Президиума Верховного Совета Латвии А. В. Горбунов заявил, что в Латвии (и в Прибалтике в целом) «некоторое разочарование итогами работы Первого Съезда народных депутатов СССР по правовому регулированию самостоятельности республик у части населения, особенно коренного, **укрепило мысль о том, что единственный путь в будущее — это выход из СССР** (выделено мной — Р.Я.)». Тем не менее, по мнению А. В. Горбунова, «из кризиса можно было бы выйти за счет децентрализации и строгого разграничения функций Союза и республик в пользу последних...»⁶. То есть мы видим, что партийные руководители прибалтийских республик уже явно учитывали позицию сепаратистов, но пытались найти ту грань, которая позволила бы им остаться у власти в республиках и не идти на прямую конфронтацию с союзным руководством.

С резким заявлением выступили сами представители прибалтийских радикалов. Депутат от Литвы К. В. Мотека заявил: «Мы обращаем внимание Съезда на то, что включение Литвы, Латвии и Эстонии в СССР лишено международной правовой основы <...> Я как лицо, наделенное полномочиями избирателей от Литвы, **призываю Правительство Союза ССР в ближайшее время начать официальные переговоры** с уполномоченными представителями Литвы о ликвидации сталинских

¹ По опросам общественного мнения после этого решения популярность лидера литовских коммунистов возросла в республике до 82% (См.: *Кьеза Дж.* Переход к демократии. М., 1993. С. 121).

² Второй Съезд народных депутатов СССР. 12–24 декабря 1989 г.: Стенографический отчет. М., 1990. Т. 1. С. 18, 24–25, 65–66.

³ Там же. С. 22–23.

⁴ Там же. С. 24.

⁵ Материалы, распространенные народными депутатами СССР на Съезде народных депутатов СССР // ГА РФ. Ф. 9654. Оп. 1. Д. 100. ЛЛ. 1–4, 16–29.

⁶ Второй Съезд народных депутатов СССР. 12–24 декабря 1989 г.: Стенографический отчет. М., 1990. Т. 2. С. 161.

преступлений, **о восстановлении независимости Литовского государства** (выделено мной — *Р.Я.*)»¹.

По настоянию прибалтийских депутатов рассматривался вопрос «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года». Съезд осудил подписание секретных протоколов². Вновь анализировались события в Тбилиси в апреле 1989 г. Депутаты также осудили применение насилия³.

Мощной критике подверглись союзные власти со стороны российских представителей. На Съезде выступил опальный в тот момент коммунист Б. Н. Ельцин. Он сказал: «Я не согласен с утверждением некоторых ораторов на последнем Пленуме Центрального Комитета КПСС и здесь, на Съезде, о том, что мы идем не тем путем. Нет, не в этом виновны товарищ Горбачев, Политбюро ЦК КПСС и Правительство СССР. **Путь — тот, социалистический**, путь обновления нашего общества. **Но идем не так, идем вслепую** (выделено мной — *Р.Я.*). Топчемся на месте. Наши руководители сами себе плохо представляли рвы и преграды на этом пути и общество о них не предупредило. Вина инициаторов перестройки в том, что перестройка была объявлена в качестве очередного лозунга без тщательно разработанной тактики ее реализации»⁴. Как видим, в тот период Б. Ельцин вполне уверенно еще отстаивал идеи социализма, но уже вступил в активное противостояние со своими оппонентами и, прежде всего, с М. С. Горбачевым.

Представители Прибалтики, Грузии, Молдавии старались всячески противодействовать принятию Закона о конституционном надзоре в СССР⁵, продвигавшемуся союзными властями для укрепления порядка. Противники центра стопорили принятие закона, аргументируя это тем, что нельзя защищать устаревшую Конституцию.

Несколько раз депутатами напрямую ставился вопрос о необходимости нового Союзного договора. Об этом прямо заявил представитель Межрегиональной депутатской группы (МДГ) Ю. Н. Афанасьев: «Мы против подчинения национальных республик сильному центру, то есть против унитарного, имперского государства, созданного Сталиным и сохраняющегося поныне. **Мы считаем необходимым скорейшую выработку нового договора о Советском Союзе как свободном и добровольном объединении суверенных республик по формуле «сильные республики и созданный ими центр»** (выделено мной — *Р.Я.*)»⁶. Противостоять такому давлению теперь становилось намного труднее, чем ранее, когда только Прибалтика настаивала на новом договоре.

¹ Второй Съезд народных депутатов СССР. 12–24 декабря 1989 г.: Стенографический отчет. М., 1990. Т. 2. С. 454–455.

² Там же. М., 1990. Т. 4. С. 613.

³ Там же. С. 611.

⁴ Там же. Т. 2. С. 193.

⁵ Там же. Т. 1. С. 85, 94.

⁶ Там же. Т. 2. С. 399.

Депутаты от автономий вновь говорили о необходимости расширения прав автономий. Так, представитель Абхазской АССР В. З. Агрба в своей речи провозглашал следующее: «Автономная республика имеет право на самостоятельное осуществление государственной власти. Однако на деле это совсем не так. Мы четко стоим на позициях существования советской федерации, но лишенной всяких политических и экономических деформаций. Что же касается автономных республик, то их права надо наполнить реальным содержанием»¹. Таким образом мы видим, что постепенно входила в повестку сначала незаметная идея противопоставления автономий союзным республикам. В дальнейшем лидеры союзных республик, в которых были автономии, и особенно Б. Н. Ельцин, обвиняли центр в расшатывании ситуации в союзных республиках через автономии для ослабления позиций республиканских лидеров в переговорах с центром. Надо признать, что центр действительно был заинтересован перетянуть на свою сторону автономии, но придерживался в данном вопросе довольно сдержанной политики.

В заключительный день работы Съезда М. С. Горбачев в своем итоговом выступлении вновь говорил о необходимости сохранить федеративный характер союзного государства, наполнив его новым содержанием, и показал опасность сепаратистских настроений: «Оставаясь приверженным ленинской концепции права наций на самоопределение <...> я убежден, что **реализовать сегодня самоопределение через отделение — значит взорвать Союз, столкнуть народы, посеять и рознь, и кровь, и смерть.** Вот куда толкают нас сепаратисты... Однако я глубоко убежден, что мы сможем наполнить федерацию новым содержанием и тем самым выйти на суверенитет политический, экономический <...> это будут другой Союз и другие отношения. Поэтому, отмечая все провокационные призывы, **я стою на том, что нам надо наполнять федерацию новым содержанием** (выделено мной — Р.Я.)»².

Слабость этой позиции состояла в том, что тезис о наполнении федерации новым содержанием был всем давно известен, а конкретных мер по его воплощению в жизнь со стороны союзного руководства было явно недостаточно. Конституционная комиссия, созданная первым съездом для работы над изменением Конституции СССР, по словам самого М. С. Горбачева, сказанным депутатам, только начала работу³.

Наиболее серьезными шагами можно признать начало работы над законом о распределении полномочий между Союзом и республиками и проработку закона о переходе на хозрасчет Литвы, Латвии и Эстонии. Проект закона о переходе на хозрасчет республик Прибалтики рассматривался на заседаниях ВС СССР. В итоге накануне съезда был принят Закон «Об экономической самостоятельности Литовской ССР,

¹ Второй Съезд народных депутатов СССР. 12–24 декабря 1989 г.: Стенографический отчет. М., 1990. Т. 1. С. 517.

² Там же. Т. 4. С. 24.

³ Там же. Т. 1. С. 194.

Латвийской ССР и Эстонской ССР». В свете появления этого закона другие республики стали настаивать на необходимости экономической самостоятельности и требовали поставить этот вопрос в повестку дня, но вынести его на обсуждение съезда руководство Союза не решилось.

Реакция на такой подход союзных властей последовала со стороны Председателя Совета Министров РСФСР А. В. Власова, который сказал: «Реальным фактом стал Закон СССР „Об экономической самостоятельности Литовской ССР, Латвийской ССР и Эстонской ССР“. Все это **обязывает нас** на многое **взглянуть иначе**, нежели думалось совсем недавно. В том числе и **на вопросы экономического и политического суверенитета Российской Федерации** (выделено мной — Р.Я.). В первую очередь перед нами стоит вопрос о равновыгодном эквивалентном обмене между республиками»¹. Таким образом, на этом примере мы наблюдаем, как вполне лояльное к центру правительство России начинает расшатывать Союз в стремлении отстаивать интересы республики. В дальнейшем этой методологией гораздо более активно станет пользоваться российское руководство во главе с Б. Н. Ельциным.

На Втором Съезде союзные власти сделали ставку на обсуждении экономических проблем Советского Союза, и большая часть заседаний была посвящена отчету правительства Н. И. Рыжкова и его программе по оздоровлению экономики. Много внимания было уделено укреплению конституционной системы и авторитета союзного законодательства. Однако, конкретной мерой в этом направлении стало лишь принятие Закона о конституционном надзоре в СССР и избрание руководства Комитета конституционного надзора².

Бурные дискуссии на Съезде и стремление республик Прибалтики к отделению, видимо, повлияли на М. С. Горбачева. Былая уверенность в правильности курса консервативной модернизации Союза у него ослабла. Публично он по-прежнему говорил о необходимости действовать через Конституцию, но внутри его команды уже шла проработка новых решений, основанных на идее введения поста Президента СССР и разработке нового Союзного договора.

В докладной записке Г. Х. Шахназарова М. С. Горбачеву, написанной 28 декабря 1989 г., речь идет о предложении только что избранного председателем Комитета конституционного надзора СССР С. С. Алексеева создать Государственный Совет для экспертизы законов. Шахназаров советует Горбачеву отказаться от этой затеи. Он пишет: «Создание еще одного органа сейчас было бы не очень понятно, породило бы всякие дополнительные толки о раздувании бюрократического аппарата вокруг президентской власти. Это тем более так, что **впереди — процесс преобразования государственной структуры на основе нового Союзного**

¹ Второй Съезд народных депутатов СССР. 12–24 декабря 1989 г.: Стенографический отчет. М., 1990. Т. 1. С. 270.

² Там же. Т. 4. С. 589–601, 605.

договора (выделено мной — *Р.Я.*)»¹. Из записки мы видим, что Г. Х. Шахназаров пишет о новом Союзном договоре как о деле практически решенном, но сказать однозначно о том, что Горбачев согласился на смену курса уже в тот момент, мы не можем.

Некоторые выводы. Обострение отношений между народами в огромном многонациональном государстве в период «перестройки» было вызвано целым комплексом объективных и субъективных причин самого различного характера. В одних случаях они уходили вглубь истории и питались территориальными спорами. В других случаях речь шла об изменениях в демографической ситуации, об экономическом соперничестве различных этносов. Где-то они питались обидами, которые были нанесены народам в период правления И. В. Сталина, а также ошибками руководителей СССР постсталинского периода, включая ошибки лидера «перестройки». М. С. Горбачев, провозгласив политику «гласности» и демократизации, не просчитал последствия этой политики в национальной сфере, а затем не нашел адекватного и своевременного ответа на нарастание центробежных тенденций.

Стремительное нарастание проблем в сфере межнациональных отношений заставило руководство СССР искать способ урегулирования ситуации и пути реформирования всей национальной политики. Различные силы видели основные причины межнациональных проблем в несовершенстве национально-государственного устройства СССР и требовали решения этих вопросов. Самый радикальный вариант решения предусматривался идеей заключения нового Договора о Союзе ССР.

Представители так называемых «неформальных» объединений в Прибалтике уже с лета 1988 г. стали говорить о необходимости заключения нового Союзного договора для создания союза государств конфедеративного типа. В ноябре 1988 г. идея получила поддержку Верховного Совета Эстонской ССР, который принял Резолюцию о Союзном договоре. Идея звучала в период работы Первого и Второго Съездов народных депутатов СССР, на Пленуме ЦК КПСС по национальной политике, но была отвергнута. Анализ показывает, что тому было две причины. Во-первых, союзное руководство было в принципе не готово рассматривать идею перехода к союзу конфедеративного характера. Во-вторых, уже на Первом Съезде народных депутатов СССР депутаты высказывали обоснованные подозрения в том, что процесс разработки нового Союзного договора станет способом выхода прибалтийских республик из состава СССР, поскольку в республиках активно муссировалась тема советско-германского секретного протокола 1939 г. и прямо выдвигались лозунги о независимости и выходе из СССР.

Руководство СССР понимало опасность идеи заключения нового Союзного договора, поскольку сам процесс составления договора

¹ Докладная записка Г. Х. Шахназарова М. С. Горбачеву о предложениях С. С. Алексеева о Государственном Совете // Архив Горбачев-Фонда. Ф. 5. Оп. 1. Д. 18255. Л. 1.

и его подписания открывал для каждой республики возможность выбора очень многих альтернатив, вплоть до отказа подписать новый договор. И предсказать, какой будет выбор в каждой из республик, было трудно, а в отношении республик Прибалтики была ясной опасность того, что они новый Договор не подпишут.

Именно поэтому Центр настаивал на поправках к Конституции в той или иной форме или даже на принятии новой Конституции. Эта позиция руководства была закреплена решениями первых двух Съездов народных депутатов СССР и специального Пленума ЦК КПСС по национальному вопросу.

Однако Центр явно запаздывал с конкретными шагами, что компрометировало всю его концепцию и позволяло радикалам активно предлагать иной путь — новый Договор. К концу 1989 г. сепаратистские настроения окрепли не только в Прибалтике, но и в Грузии и Молдавии, что создавало новую обстановку. М. С. Горбачев явно упустил время для совершенствования федеративных отношений в рамках «плавной» модернизации, что можно было сделать в 1988 и даже в 1989 гг.

В конце 1989 года мы видим растерянность союзного руководства, точно не знавшего, что делать дальше в сфере национальных отношений.

ПОДГОТОВКА ВТОРОГО (ВНЕОЧЕРЕДНОГО) СЪЕЗДА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ РСФСР: ЗАДАЧИ, ПРОБЛЕМЫ, ИТОГИ

МАЛХОЗОВА ФАТИМА ВИКТОРОВНА,

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник ИРИ РАН,
заведующая кафедрой истории российской государственности
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Москва, Россия;
e-mail: fa-m@yandex.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается работа Президиума и Верховного Совета РСФСР по подготовке Второго Съезда народных депутатов РСФСР. Второй Съезд народных депутатов РСФСР, кроме повестки дня, интересен еще и тем, что это был первый Съезд, который готовился Президиумом и Верховным Советом РСФСР нового созыва. Завершая свою работу, Первый Съезд народных депутатов РСФСР принял решение о проведении Второго (внеочередного) Съезда по проблеме возрождения российского села. Ключевое место в дискуссиях по развитию аграрно-промышленного комплекса занял вопрос о земле. В стране происходили радикальные перемены. Очевидно, что все важные законопроекты должны были опираться на действующий Основной Закон. Вместе с тем в Конституции РСФСР 1978 г. была прописана социалистическая собственность на землю, и весь аграрный пакет законопроектов противоречил ее основным положениям. Важным пунктом повестки дня стал вопрос о принятии новой Конституции России. На Съезде развернулась ожесточенная борьба между сторонниками и противниками Союза ССР. В повестку дня был включен вопрос о новом Союзном договоре. Но главная борьба развернулась вокруг вопроса о собственности на землю.

Ключевые слова: Съезд народных депутатов, Верховный Совет, Президиум Верховного Совета, парламент, Советы, представительная власть, реформы.

Завершая свою работу, Первый Съезд народных депутатов РСФСР принял решение о проведении Второго (внеочередного) Съезда по проблеме возрождения российского села. Созыв Второго Съезда народных депутатов РСФСР был назначен на 27 ноября 1990 г. Съезд планировал рассмотреть законопроекты по развитию аграрно-промышленного комплекса, которые стали бы практическим шагом по обновлению российского села и обеспечению населения продовольствием.

Второй Съезд народных депутатов РСФСР кроме повестки дня интересен еще и тем, что это был Первый Съезд, который готовился новым Президиумом и Верховным Советом РСФСР. Первый Съезд народных депутатов, который состоялся сразу после выборов, готовился Президиумом Верховного Совета РСФСР предыдущего созыва под председательством

В. И. Воротникова. Основная нагрузка по подготовке Съезда легла на Аграрный комитет Верховного Совета РСФСР во главе с В. А. Агафоновым и Председателем Совета Республики В. Б. Исаковым, которые в течение лета 1990 г. должны были разработать аграрный пакет законов с тем, чтобы утвердить его на Съезде народных депутатов¹. В августе 1990 г. Президиум Верховного Совета обратился к населению республики с просьбой принять активное участие в подготовке предстоящего Съезда народных депутатов РСФСР и высказать через средства массовой информации свои предложения по вопросам развития аграрного сектора республики². Соответствующее обращение было опубликовано в газете «Советская Россия».

22 октября 1990 г. в рамках подготовки к предстоящему Съезду состоялось заседание Президиума Верховного Совета РСФСР. Повестка дня предстоящего Съезда на 90% была предопределена поручениями первого Съезда народных депутатов России³. С содержательной точки зрения большинство вопросов были связаны с аграрной реформой и земельными вопросами.

На Съезд выносились проекты закона о земельной реформе и о крестьянско-фермерском хозяйстве. При обсуждении механизма принятия законов возникла проблема: объемный и фундаментальный проект Земельного кодекса постатейно рассмотреть на Съезде 1060 депутатами представлялось нецелесообразным. Тогда был предложен следующий вариант: рассматривать и принимать документ будет Верховный Совет, а на Съезде будет сделан доклад.

Удивительно, что проблема громоздкости и неэффективности такого большого представительного органа возникла с самого начала его работы. Законотворческая работа перетекала к Верховному Совету, а Съезду оставалось только утверждать принятые решения. В дальнейшем данный опыт работы был учтен Конституционной комиссией и другими авторами при разработке проекта новой Конституции, в которых Съезд народных депутатов был упразднен.

Председатель Комиссии Совета Республики по социальной политике М. Л. Захаров в своем выступлении в Президиуме обосновал необходимость такого решения: «Съезд у нас предстоит тяжелый, трудноуправляемый. Я думаю, на уровне Верховного Совета мы легче достигнем результата. Поэтому на Съезд, мне кажется, надо вносить те вопросы, которые действительно имеют значение для Съезда как высшего государственного уровня. Поэтому закон о земле, закон о крестьянском хозяйстве можно принимать и нужно принимать, по-моему, не на Съезде, а в Верховном Совете»⁴.

¹ Исаков В. Председатель Совета Республики. Парламентские дневники. 1990–1991. Екатеринбург, 1997. С. 173.

² Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. 9 августа. № 10. С. 172.

³ ГА РФ. Ф. 10026. Оп 1. Д. 1275. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 14.

Такой подход к законотворческому процессу был чреват непредсказуемыми последствиями, и у членов Президиума не было однозначного мнения. Первый заместитель Председателя Верховного Совета РСФСР Р. И. Хасбулатов сомневался: «нас Съезд сразу же обвинит в том, что мы ничего не представляем, никаких законов, сами напринимали и так далее, это еще хуже кончится»¹.

В результате обсуждения было принято решение 12 законопроектов и проектов постановлений не выносить на съезд, а представить только такие радикальные, как законопроекты о Земельной реформе и о крестьянском хозяйстве. Р. И. Хасбулатов и Председатель Комитета по вопросам экономической реформы и собственности С. Н. Красавченко, которых В. Б. Исаков называл «педологами» реформ, рассуждали так: надо принять законы в целом, чтобы поставить Съезд перед свершившимся фактом².

Сложно обстояло дело и с Конституцией России. В стране происходили радикальные перемены. Очевидно, что все важные законопроекты должны были опираться на действующий Основной Закон. Но в Конституции не было права частной собственности на землю. В таком случае возникала необходимость внести изменения в Конституцию, а потом принимать новые законы. Второй вариант состоял в том, чтобы содержательно рассмотреть весь пакет законопроектов, который будет вынесен на обсуждение, а затем принимать решение о внесении изменений в конкретные статьи и положения Конституции РСФСР.

Председатель Совета Национальностей Р. Г. Абдулатипов настаивал: «наиболее престижный вопрос, наиболее нужный вопрос, но вместе с тем и наименее подготовленный вопрос на Съезд народных депутатов — это вопрос о Конституции Российской Федерации»³. Председатель Совета Национальностей предлагал представить на Съезд не весь проект Конституции, а ее концепцию и основные принципы. Следующим пунктом регламента Съезда мог стать вопрос о принятии новой Конституции. Но даже Конституционная Комиссия не смогла прийти к согласию по ее концепции.

Еще одной важной задачей, требующей решения, был вопрос о Федеративном договоре. Абдулатипов предлагал его «очень осторожно вносить на Съезд», чтобы не будоражить противостояние между сторонниками автономистских настроений и сторонниками территориальных, административных и прочих»⁴.

За неделю до открытия Второго Съезда 21 ноября 1991 г. состоялось заседание Президиума Верховного Совета РСФСР под председательством Б. Н. Ельцина. В центре внимания — готовность к рассмотрению на Съезде проекта новой Конституции РСФСР. По данному вопросу выступил

¹ ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1275. Л. 15.

² Исаков В. Указ. соч. С. 175.

³ ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1275. Л. 16.

⁴ Там же. Л. 19.

председатель Конституционной комиссии О. Румянцев. На Съезд было решено вынести три документа. Первый — это аналитический доклад Конституционной комиссии о действующей Конституции и о новом проекте. Второй документ, который Конституционная комиссия представляла съезду, — это Закон об изменениях и дополнениях к действующей Конституции, согласно которому предлагалось изменение 49 статей и включение одной новой статьи, посвященной Президенту РСФСР. Это было продиктовано необходимостью привести Конституцию в соответствие с теми изменениями, которые были приняты на Первом Съезде народных депутатов РСФСР.

В то же время, Румянцев отметил, что если концептуально приводить действующую Конституцию в соответствие с решениями, принятыми на Первом Съезде, то «надо менять не 49 статей и одну включать, а можно менять все 185»¹. В этой связи было принято решение ускорить подготовку проекта новой Конституции РСФСР с последующим представлением ее на Съезд.

Учитывая определенные трудности в связи с тем, что параллельно шла сессия Верховного Совета, работали комитеты и комиссии, опыт подготовки Первого Съезда, председатель Комитета по законодательству С. Шахрай предложил создать рабочую группу или комиссию при Президиуме Верховного Совета РСФСР, куда входили бы народные депутаты, все заведующие аппарата Президиума Верховного Совета РСФСР, представители Правительства, для того чтобы этот рабочий орган занялся координацией и организационно-технической подготовкой съезда.

Данное предложение получило одобрение, в Президиум Верховного Совета был представлен проект состава подготовительной комиссии авторства С. Шахрая, куда вошли два человека от Совета Министров РСФСР, все заведующие отделами, первый заместитель Председателя Верховного Совета РСФСР, народные депутаты. Проект был доработан Президиумом, который принял постановление Президиума Верховного Совета РСФСР «О подготовке внеочередного Съезда народных депутатов РСФСР», в соответствии с которым для решения вопросов, связанных с подготовкой внеочередного Съезда, была образована Комиссия из числа народных депутатов РСФСР, работников Президиума Верховного Совета РСФСР и Совета Министров РСФСР под председательством первого заместителя Председателя Верховного Совета РСФСР Р. И. Хасбулатова.

План организационных мероприятий по подготовке Съезда включал в себя большую работу всех отделов от Организационного до Финансово-хозяйственного, а также Управления Делами Совета Министров РСФСР. Для начала необходимо было проинформировать народных депутатов РСФСР о времени, месте проведения Съезда с указанием вопросов, предлагаемых в повестку дня Съезда. Соответствующие комиссии и комитеты совместно с отделами Президиума Верховного Совета готовили

¹ ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1287. Л. 57.

доклады, содоклады проектов законов и других материалов в соответствии с вопросами повестки дня Съезда. Утверждался список приглашенных на Съезд представителей государственных органов, общественных организаций, трудовых коллективов, печати, телевидения и радио.

Для народных депутатов готовились раздаточные материалы: сборник постановлений Верховного Совета РСФСР и его Президиума, принятых после Первого Съезда народных депутатов РСФСР; информация о деятельности Совета Министров РСФСР; информация о ходе выполнения предложений и замечаний, высказанных народными депутатами РСФСР на первом Съезде; информация о состоянии работы с наказами избирателей, высказанными народным депутатам РСФСР в ходе выборной кампании; Статистический сборник об итогах Всесоюзной переписи населения и т. д.¹

Финансово-хозяйственный отдел обеспечивал заключение договора аренды помещений Кремля для Съезда народных депутатов, делал план размещения народных депутатов РСФСР, народных депутатов СССР, а также приглашенных в зале заседаний Съезда.

Комитету по средствам массовой информации, связям с общественными организациями, массовыми движениями граждан и пресс-службе необходимо было подготовить освещение работы Съезда средствами массовой информации, ведение трансляций по телевидению и радио заседаний Съезда, публикации отчетов о ходе работы Съезда. Пресс-служба Верховного Совета организовывала пресс-конференции для советских и зарубежных журналистов в период подготовки и проведения Съезда с участием членов Президиума Верховного Совета РСФСР, народных депутатов.

Кроме того, формировался рабочий аппарат Съезда с привлечением специалистов и работников аппаратов Президиума, палат, комиссий и комитетов Верховного Совета, Совета Министров РСФСР, министерств и ведомств. Это группы обслуживания: Мандатной комиссии, Секретариата Съезда, Редакционных комиссий, Конституционной комиссии, Счетной комиссии, по контролю за ходом голосования с использованием электронной системы, по размещению народных депутатов и приглашенных, группа регистрации народных депутатов, группа консультирования народных депутатов, группа регистрации и обработки писем, обращений, адресованных Съезду, группа оперативной подготовки материалов по порядку ведения Съезда, группа поручений и связи с Президиумом Съезда и залом заседаний, группа социологических исследований и др.

Финансово-хозяйственный отдел совместно с Управделами Совета Министров РСФСР должны были позаботиться о культурно-массовых мероприятиях для народных депутатов во время Съезда.

Большой блок вопросов был связан с деятельностью финансово-хозяйственного, редакционного и общих отделов, такие как: издание бюллетеней Съезда, подготовка стенографического отчета, подготовка печатных машинок и множительной техники, необходимого количества микрофонов для размещения в зале заседаний Съезда, телевизионных

¹ ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1277. ЛЛ. 16–17.

мониторов и обеспечение телефонной связи со всеми службами, раздача канцелярских принадлежностей участникам съезда, оборудование места для тайного голосования, организация работы по транспортному обслуживанию, организация питания народных депутатов в Кремлевском Дворце Съездов, оказание медицинской помощи, составление графика прибытия народных депутатов в Москву с организацией дежурства в аэропортах и вокзалах¹.

В связи с подготовкой и проведением 27 ноября 1990 г. Второго (внеочередного) Съезда народных депутатов РСФСР выезды народных депутатов РСФСР в зарубежные командировки временно приостанавливались до окончания Съезда².

На период подготовки и проведения Второго Съезда народных депутатов РСФСР для проведения оперативной экспертно-аналитической работы распоряжением Председателя Верховного Совета РСФСР от 23 ноября 1990 г. была создана консультативная группа в составе: Г. Э. Бурбулиса, В. В. Илюшина, Л. Е. Суханова, А. Н. Царегородцева, Г. А. Явлинского, В. Н. Борцова, П. И. Вощанова, А. Л. Головкова, А. И. Корабельщикова, В. М. Корешкова, И. В. Нита, Н. В. Постового, Л. Г. Пихоя, Г. Н. Харина³.

В процессе подготовки ко второму съезду возник вопрос, с одной стороны, вроде бы организационный, в действительности решение его лежало гораздо глубже. Это был вопрос о новом гимне России. При открытии Съезда народных депутатов РСФСР появилось предложение исполнить гимн России. Но у РСФСР не было своего гимна. На заседании Президиума Верховного Совета РСФСР 21 ноября 1990 г. Б. Н. Ельцин объяснял: «Когда в Союз композиторов поступил сигнал о необходимости нового гимна, то, естественно, мы задумались каким путем пойти: путем ли сочинения новой художественно-музыкальной идеи, либо путем привлечения того, что уже имеется в нашей российской культуре...». Как признался Борис Николаевич, одновременно у всех «возникла в сознании мысль обратиться к Михаилу Ивановичу Глинке»⁴. Таким образом была выбрана «Патриотическая песнь» Глинки в качестве музыкального материала гимна.

Тут же возникла следующая проблема: можно ли считать гимном только мелодию, без слов? Для того чтобы гимн России исполнялся на открытии Съезда, предварительно его должен был утвердить Верховный Совет РСФСР. Но не будет ли нарушением утверждение гимна без слов? В результате обсуждения депутаты нашли следующее обоснование. Гимн существует в двух ипостасях: инструментальном и вокальном, со словами и без слов. Следовательно, приняв музыкальный гимн, Верховный Совет РСФСР принимает одну из форм его существования.

Президиуму были представлены два варианта записи мелодии Глинки. После исполнения музыки депутатам показалось, что мелодия

¹ ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1277. ЛЛ. 6–10.

² Там же. Д. 1281. Л. 6.

³ Там же. Л. 9.

⁴ Там же. Д. 1287. Л. 1.

напоминает «Боже, Царя храни»¹. В конце концов Б. Н. Ельцин вынес решение: «Мы что, профессора этого дела?.. Давайте на Верховный Совет. Пусть Верховный Совет послушает»².

Дальше членам Президиума предстояло решить вопрос с оформлением президиума Съезда. На первом Съезде народных депутатов России за президиумом стоял российский флаг. Но должен ли в оформлении присутствовать теперь Ленин? «И там стоит Владимир Ильич Ленин. Здесь мы должны, по крайней мере, определиться, идем с таким же оформлением и на будущий съезд внеочередной или же будем делать какие-то изменения и какие могут быть реакции?» — спрашивал Ельцин³.

Следующий пункт, размещение депутатов в зале. Комиссия по подготовке съезда сошлась на том, что необходима ротация депутатов в зале. Если часть депутатов, которая сидит в середине зала, будет все время занимать эти места, то возникнет недовольство среди остальных депутатов. Чтобы не вызывать недовольства, решено было сделать три зоны. Размещение по алфавиту территории: «А–И, алфавит территории, уходит под балкон, то есть на самые последние ряды; О–К остается, а Я–П уходят на первый ряд. То есть мы делаем три зоны и три зоны смещаем»⁴. В соответствии с данной схемой народные депутаты размещались в зале: Москва, Московская, Омская, Оренбургская и Астраханская области оказались на последних рядах⁵.

Еще один организационный вопрос касался питания депутатов в гостинице «Россия». Торговые организации Москвы выставили организаторам свои расчеты — 40–50 руб. в сутки, что было отвергнуто Комиссией. Велись переговоры с Министерством торговли РФ, с комбинатами питания гостиницы «Россия» и Большого Кремлевского Дворца о выделении фондов, обеспечении продуктами питания, чтобы «не ставить депутатов в столь неловкое положение». Особое возмущение членов Президиума вызвало то, что «сейчас бутылка шампанского стоит 35 р. (оживление)»⁶.

В Президиум поступила информация, что союзные республики хотели бы присутствовать в качестве наблюдателей на Втором Съезде народных депутатов России. Председательствующий на данном заседании Р. И. Хасбулатов высказал сомнение: «Это как раньше на съезды партий приглашали гостей? Я не знаю, как? Все-таки рабочий Съезд»⁷. Кроме того, это накладывало дополнительные расходы, гостиница, транспорт, места для них предусматривать и внимание уделять. «И шампанское 35 рублей стоит к тому же», — привел последний аргумент Хасбулатов и предложил подождать с решением данного вопроса⁸.

¹ ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1287. ЛЛ. 8–10.

² Там же. Л. 10.

³ Там же. Л. 52.

⁴ Там же. Л. 45.

⁵ Там же. Д. 1280. Л. 26.

⁶ Стенограмма заседания Президиума Верховного Совета РСФСР (подлинник) // ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1287. Л. 46.

⁷ ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1287. Л. 56.

⁸ Там же.

До начала работы Второго Съезда депутатам для ознакомления была разослана повестка дня. Таким образом Президиум пытался заранее снять возможный всплеск дискуссий и споры по пунктам повестки дня. Опасения были обоснованны: достаточно вспомнить, как сложно принималась повестка дня Первого Съезда народных депутатов. Учитывая этот опыт, подготовительная комиссия разослала не входившим в Верховный Совет народным депутатам письма с просьбой в случае, если у них есть замечания по повестке дня, обосновать свои предложения до 20 ноября. К назначенному числу поступило около двух десятков предложений. Все предложения были рассмотрены комиссией и в основном аргументированно отклонены.

Вопрос об освещении работы съезда средствами массовой информации также оказался непростым. Собственные советские печатные органы Российской Федерации находились еще в стадии развития. Тем не менее, было аккредитовано свыше 1,5 тысяч журналистов. В связи с этим было дано указание: «довести до каждого из участников Съезда, каждого из депутатов минимум препятствий в работе прессы, максимум контактов с ними. Чтобы наша деятельность могла освещаться на местах»¹.

Сложнее обстояло дело с публикацией стенограмм Съезда народных депутатов РСФСР. Член Верховного Совета Ю. М. Лучинский докладывал в Президиум: «На сегодняшний день мы, слава Богу, избавились от „Советской России“, она теперь не наша, и мы не можем обязать ее печатать стенограммы съезда»². Министерство печати и массовой информации предложило печатать стенограммы в новой газете («Российская газета»), которая с 27 ноября 1990 г., то есть со дня открытия Второго Съезда, должна была выходить как ежедневная, тиражом более 500 тысяч экземпляров³. Учредителем «Российской газеты» являлся Верховный Совет РСФСР. 23 ноября 1990 г. постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР был утвержден Временный устав редакции газеты⁴.

Что касается телевизионного освещения работы Съезда, то председатель Российской телерадиокомпании и по совместительству народный депутат О. М. Попцов рекомендовал трансляции в виде «Дневника Съезда народных депутатов РСФСР» по 2 часа в день. По практике Первого Съезда ежедневное проведение брифингов было признано нецелесообразным, так как часто для этого не хватало информации. Было решено проводить брифинги по мере необходимости и по запросам от журналистов.

Еще одна неожиданная проблема, которая возникла при подготовке к Съезду, была связана с переименованием республик. Это вызвало целый комплекс вопросов, начиная с табличек для депутатов и документов. Совет Министров в своей практике нашел следующую форму: давал старое название территориально-административной единицы, а в скобках указывал новое. Обсуждение этого вопроса вызвало острые дискуссии:

¹ ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1287. Л. 10.

² Там же. Л. 58.

³ Там же.

⁴ Там же. Д. 1288. Л. 87.

«надо давать новое название, чтобы не подумали, что цепляемся за старое», «это вопрос конституционный»; соответственно без изменений Конституции никаких решений принимать нельзя. Другие возражали: «от того, что мы решим оставить или нет, все равно этих АССР сегодня нет», «оставив прежнее название, мы еще раз подчеркиваем свою консервативность, косность и осложняем имеющуюся напряженность»¹.

Татария или Татарстан, Башкирия — Башкирстан? Многие депутаты стали на своих визитках писать историческое название своего города. Были и такие случаи, когда, например, в Тюменской области округ принял решение об изменении названия, а потом отказался. В качестве компромисса было принято решение идти по тому же пути, что и Правительство, указывая двойные названия.

21 ноября 1990 г. Президиум ВС РСФСР принял постановление «О готовности к проведению внеочередного Съезда народных депутатов РСФСР»², согласно которому предложения, связанные с проведением внеочередного Съезда народных депутатов РСФСР, были одобрены и вынесены на рассмотрение Съезда.

Президиум Верховного Совета РСФСР предложил на внеочередном Съезде народных депутатов сформировать следующие рабочие органы: Президиум, Секретариат, две Редакционные комиссии, Счетную комиссию, Комиссию по контролю за ходом голосования с использованием электронной системы.

Президиум Съезда в соответствии со ст. 10 Временного регламента образовывался в составе Председателя Верховного Совета РСФСР, его Первого заместителя и заместителей.

Секретариат Съезда предлагалось избрать открытым голосованием в составе руководителя Секретариата и 21 члена (всего 22 человека). Комиссия по подготовке внеочередного Съезда выработала предложения по персональному составу Секретариата с учетом равномерного представительства депутатов от групп регионов, а также сохранения преемственности за счет включения в состав Секретариата внеочередного Съезда депутатов, работавших в составе Секретариата Первого Съезда (около 25%). Предложения по составу Секретариата раздавались депутатам во время регистрации и на Съезде выносились от имени Президиума Верховного Совета РСФСР³. Секретариат Съезда избирался открытым голосованием, члены Секретариата размещались в партере зала заседаний на специально отведенных для них местах.

На втором Съезде было предложено образовать две Редакционные комиссии для подготовки документов Съезда по следующим вопросам:

1) о деятельности Совета Министров РСФСР по стабилизации экономики и переходу к рыночным отношениям в РСФСР;

¹ ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1287. Л. 69.

² Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР «О готовности к проведению внеочередного Съезда народных депутатов РСФСР» от 21 ноября 1990 № 345 // ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1280. Л. 5.

³ ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1280. Л. 22.

2) о программе возрождения российской деревни и развития агропромышленного комплекса.

В то же время данное решение противоречило ст. 16 Временного регламента, в соответствии с которым образовывалась одна Редакционная комиссия. Предложения по составам комиссий были выработаны с учетом характера обсуждаемых вопросов. Списки депутатов, рекомендованных в комиссии, вручались участникам Съезда накануне, избрание данных комиссий также проводилось открытым голосованием. Редакционную подготовку материалов, связанных с обсуждением вопроса о Конституции РСФСР, проводила Конституционная комиссия.

В состав Счетной комиссии, которая состояла из 36 человек, было предложено включить основной состав Счетной комиссии Первого Съезда, успешно справившегося со своими обязанностями. Комиссия избиралась открытым голосованием.

На Втором (внеочередном) Съезде народных депутатов предстояло избрать заместителя Председателя Верховного Совета РСФСР и члена Совета Национальностей от Кемеровской области. Голосование при избрании члена Совета Национальностей предлагалось провести с использованием системы электронного голосования под контролем соответствующей депутатской комиссии. «Комиссия по контролю за ходом голосования с использованием электронной системы» состояла из 5 человек, также избиралась открытым голосованием.

Для каждого рабочего органа Съезда были предусмотрены помещение для работы, необходимое оборудование и группы обслуживания из числа специалистов и работников аппарата Президиума, комиссий палат, комитетов Верховного Совета, Совета Министров¹.

27 ноября 1990 г. открылся Второй (внеочередной) Съезд народных депутатов РСФСР. Хотя формально Съезд был посвящен аграрным вопросам, на самом деле он вышел далеко за рамки своей программы. Важным пунктом повестки Съезда стал вопрос о принятии новой Конституции, одновременно была произведена ее «деидеологизация». На Съезде развернулась ожесточенная борьба между сторонниками и противниками Союза ССР. В повестку дня был включен вопрос о новом Союзном договоре.

Но главная борьба развернулась вокруг вопроса о собственности на землю. Под напором сторонников частной собственности, широкого освещения в средствах массовой информации, под давлением руководителей Съезда депутаты проголосовали за «многообразие и равенство государственной, колхозно-кооперативной, частной, коллективно-долевой собственности». Лед был взломан. По всему миру прокатилась волна сообщений о том, что после 70 лет господства социализма в Россию вернулась частная собственность на землю².

¹ ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 1. Д. 1280. Л. 25.

² Исаков В. Председатель Совета Республики. С. 175.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ РФ ПЕРВОГО СОЗЫВА: ВТОРОЙ ГОД РАБОТЫ

УЗЛОВА ИРИНА ВИТАЛЬЕВНА,

кандидат исторических наук,
заведующая кафедрой истории культуры, государства и права
Санкт-Петербургского государственного
электротехнического университета
«ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Ленина),
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: uzlova2@mail.ru

Аннотация: Рассмотрены основные аспекты деятельности Федерального Собрания Российской Федерации в 1995 году. Подведены общие итоги работы парламента первого постсоветского созыва за весь двухгодичный срок, определенный в Заключительных и переходных положениях Конституции РФ.

Ключевые слова: Федеральное Собрание РФ, Совет Федерации, Государственная Дума, Президент РФ Б. Н. Ельцин, Правительство РФ, Конституционный Суд РФ, Чеченская война.

В декабре 2020 г. исполнилось 25 лет с момента фактического завершения работы Федерального Собрания РФ первого созыва, избранного в декабре 1993 г. и проработавшего до декабря 1995 г. в соответствии с двухлетним сроком, определенным в Заключительных и переходных положениях Конституции РФ, принятой в декабре того же 1993 г.

Четвертьвековая дата стала своего рода информационным поводом для того, чтобы в рамках изучения истории парламентаризма в России уделить особое внимание анализу опыта работы первого постсоветского парламента. Изучение этого опыта действительно имеет важное научное и практическое значение, поскольку именно в эти годы закладывались основы современной парламентской практики. Депутаты осваивали свои новые конституционные полномочия в нелегком противостоянии с первым президентом России Б. Н. Ельциным, который был склонен к авторитарным методам правления и весьма «свободному» толкованию и обращению с нормами Конституции. Эти особенности наиболее драматично проявились осенью 1993 г., когда в нарушение действующей Конституции Б. Н. Ельцин прекратил работу Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ и взял курс на создание нового парламента на основе принципиально новой Конституции РФ, подготовленной его командой.

Первый год работы: краткие итоги

На конференции «Таврические чтения 2019» автором был представлен доклад и затем опубликована соответствующая статья с анализом особенностей того нового конституционного поля, в котором стали

действовать обе палаты постсоветского парламента, а также подведены итоги первого года его работы¹. Автор отметил, что новая Конституция определила более скромное место парламента в системе органов государственной власти России, что повлияло на характер взаимодействия парламента с Президентом РФ, который разговаривал с депутатами с позиции сильного. Были рассмотрены особенности формирования, расстановка сил и наиболее важные аспекты деятельности Государственной Думы и Совета Федерации.

Говоря о деятельности Государственной Думы, автор уделил внимание борьбе депутатов за реализацию своих полномочий при объявлении политической амнистии участникам событий 1991 г. и осени 1993 г., когда большинство думских фракций отбили попытку президента ущемить конституционные права нижней палаты парламента. Рассмотрена деятельность депутатов по выработке процедуры представления, обсуждения и принятия федерального бюджета — фактически единственного инструмента влияния парламента на экономическую политику правительства. При решении этого вопроса депутаты Думы активно взаимодействовали с депутатами Совета Федерации, что позволило преодолеть «вето», которое президент наложил на принятый парламентом федеральный закон РФ «О порядке рассмотрения и утверждения федерального бюджета на 1995 год». Рассмотрена неудачная попытка депутатов Думы вынести вотум недоверия правительству осенью 1994 г. в связи с резким ухудшением экономической ситуации в стране. Эта попытка наглядно показала ограниченную способность парламента влиять на политику правительства. Отмечены и столь же неудачные попытки депутатов определить правила проведения второго этапа приватизации. Они были сорваны президентской командой, что позволило Б. Н. Ельцину ввести и осуществить программу приватизации своим указом.

При анализе деятельности Совета Федерации главное внимание было уделено борьбе верхней палаты парламента за свои права при назначении Генерального прокурора РФ, а также судей Конституционного Суда РФ.

Несмотря на все сложности во взаимоотношениях с президентом и исполнительной властью, Федеральное Собрание РФ первого созыва в первый год своей работы успело сделать многое в сфере законодательной деятельности. Главным результатом стало принятие первой части Гражданского Кодекса Российской Федерации, который обычно называют экономической Конституцией страны.

Конец 1994 г. ознаменовался началом войны с сепаратистским режимом Д. Дудаева на территории Чеченской республики, которая наложила свой отпечаток на второй год работы парламента.

¹ См.: Узлова И. В. Федеральное Собрание РФ первого созыва: первый год работы // Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 5–6 декабря 2019 г.: Сборник научных статей. В 2 ч. / Под ред. А. Б. Николаева. СПб., 2020. Ч. 2. С. 187–196.

Парламент и начало первой чеченской войны

Конец 1994 и начало 1995 годов прошли под знаком напряженных попыток палат парламента не допустить развязывания крупномасштабного военного конфликта в Чечне, обусловленного действиями сепаратистов. Как известно, еще в 1991 г. новое руководство Чеченской республики во главе с Д. Дудаевым встало на путь отделения от России, и все попытки вернуть его в конституционное русло путем переговоров успехов не имели. За 1992–1994 гг. ситуация в Чечне резко криминализировалась. Только в одном 1994 г. было совершено 405 нападений на поезда с целью грабежа грузов и пассажиров. Совершались многочисленные акты насилия по отношению к русским, которые стали массово покидать Чечню уже с 1990 г. Через Чечню шли незаконная торговля крупными партиями нефти и нефтепродуктов, поток оружия и наркотиков. Команда Ельцина, занятая в 1992–1993 гг. борьбой с Верховным Советом, а затем проведением масштабной приватизации и другими проблемами, практически не уделяла внимания ситуации в Чечне, хотя имела в своем распоряжении широкий комплекс экономических и других невоенных мер воздействия.

В августе и ноябре 1994 г. Москва попыталась свергнуть режим Д. Дудаева силами внутренней оппозиции, но это не удалось. Тогда 29 ноября 1994 г. на закрытом заседании Совета безопасности РФ при участии глав обеих палат парламента было принято решение о применении военной силы против сепаратистов. 30 ноября Ельцин издал секретный указ № 2137 «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики», в котором говорилось о начале таких мероприятий с 1 декабря 1994 г. Указ предусматривал создание группы «для руководства действиями по разоружению и ликвидации вооруженных формирований, введению и поддержанию *режима чрезвычайного положения* на территории Чеченской Республики»¹.

Депутаты Государственной Думы и Совета Федерации узнали о содержании указа и посчитали, что необходимо предпринять дополнительные попытки решить проблему мирным путем.

Совет Федерации принял постановление, в котором Президенту РФ было предложено «принять *конституционные меры* по нормализации обстановки в Чеченской Республике»². Сенаторы справедливо полагали, что президент мог использовать Вооруженные Силы РФ на территории Российской Федерации лишь в рамках режима чрезвычайного или военного положения, которое могло быть введено только после утверждения Советом Федерации соответствующего указа Президента РФ. Усмотрев в действиях президента Ельцина нарушение Конституции, сенаторы обратились в Конституционный Суд с просьбой проверить

¹ Указ был рассекречен в связи с рассмотрением в Конституционном Суде РФ его конституционности по запросу Совета Федерации. См.: Постановление КС от 31 июля 1995 г. № 10-П.

² Постановление СФ ФС РФ от 08.12.1994 № 291–1 СФ «О положении в Чеченской Республике» // Собрание законодательства РФ. 12.12.1994. № 33. Ст. 3418.

конституционность указа № 2137 и ряда других актов, принятых на его основе президентом и правительством.

Позиция сенаторов побудила Ельцина уже 9 декабря издать указ № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта»¹, который не предусматривал введение режима чрезвычайного положения. Затем 11 декабря он издал новый секретный Указ № 2169, которым отменялся Указ № 2137с, но предусматривалось использование войск в Чечне вне режима ЧП, а, следовательно, и без утверждения со стороны Совета Федерации². Можно утверждать, что в этом вопросе парламент одержал некоторую победу — заставил президента действовать в конституционном поле.

В Государственной Думе депутаты обсуждали чеченскую проблему 8 декабря и не смогли окончательно принять постановление, прямо осуждавшее деятельность президента. Но уже сам факт принятия такого постановления за основу побудил Ельцина заявить о готовности провести еще одну попытку мирного урегулирования.

11 декабря президент обратился к гражданам России, в котором он сообщил о начале ввода войск в Чечню, но при этом так определил цели этой акции: «Наша цель состоит в том, чтобы найти *политическое* решение проблем одного из субъектов Российской Федерации — Чеченской Республики, защитить ее граждан от вооруженного экстремизма. ... На 12 декабря намечены переговоры между представителями России и Чечни. Мы должны предотвратить их срыв»³.

12 декабря во Владикавказе начались переговоры представителей Ельцина и Дудаева. В этот день в Думе состоялось новое закрытое обсуждение ситуации в Чечне. Вечером лидеры фракций провели пресс-конференцию, из которой стало ясно, что 7 депутатских фракций (Выбор России, Яблоко, ПРЕС, ДПР, КПРФ, Аграрная, Женщины России) осудили введение войск в Чечню. Акцию президента поддержали фракция ЛДПР и депутатские группы «Российский путь» (С. Бабурин) и «Либерально-демократический Союз 12 декабря» (Б. Федоров). Отметим условный характер этой поддержки. Так, группа Б. Федорова заявила, что «силовые методы означают не бомбежку и стрельбу, а специальные профессиональные действия; все силовые министры должны быть уволены, так как не могут справиться с поставленной задачей; военнослужащим, проходящим службу по призыву, делать в Чечне нечего»⁴. Пресс-конференция показала, что расстановка сил в Думе по чеченскому

¹ Постановление СФ ФС РФ от 08.12.1994 № 291–1 СФ «О положении в Чеченской Республике» // Собрание законодательства РФ. 12.12.1994. № 33. Ст. 3422.

² Конституционный Суд РФ, рассмотрев дело лишь в июле 1995 г., отметил отмену указа № 2137 самим президентом и не стал выносить решения по поводу его конституционности. Конституционный Суд РФ признал конституционным указ президента от 9 декабря 1994 г. и другие акты, вытекавшие из него.

³ Российская газета. 1994. 12 декабря.

⁴ Федоров Б. Десять безумных лет. М., 1999. С. 167.

вопросу резко отличалась от той, которая преобладала при решении всех вопросов социально-экономического характера и исключала совпадение взглядов таких фракций, как «Выбор России» и КПРФ.

13 декабря 1994 г. Дума приняла два постановления, которыми вновь пыталась открыть путь к мирному решению чеченского кризиса. В первом постановлении «О ситуации в Чеченской республике, субъекте Российской Федерации, и мерах по ее политическому урегулированию» президенту и правительству было предложено «использовать все имеющиеся в их распоряжении меры и средства *политического и правового* характера по прекращению вооруженного противоборства в Чеченской Республике»¹.

Второе постановление предписывало органам государственной власти освободить от уголовного наказания, прекратить и не возбуждать уголовные дела в отношении лиц, «совершивших противоправные деяния в связи с участием в вооруженных конфликтах на Северном Кавказе, не причастных при этом к тяжким преступлениям против жизни и здоровья граждан и добровольно сложивших оружие»².

Эти акции Государственной Думы создавали хорошую основу для прекращения силовой фазы операции. Однако на переговорах во Владикавказе ни одна из сторон не пошла на компромисс: представители Ельцина требовали от дудаевцев отказа от независимости и безусловного разоружения. Чеченская сторона прервала переговоры для консультаций с руководством республики и более их не возобновила.

И в этой ситуации депутаты настаивали на продолжении попыток мирного решения. Совет Федерации 16 декабря 1994 г. принял постановление, предложив Президенту РФ «немедленно прекратить боевые действия и выдвижение войск и вступить в переговоры»³. Однако 18 декабря Ельцин приказал Грачеву действовать «независимо ни от чего ... по полной схеме»⁴. Война вступила в новую фазу. Начались бомбардировки, росло число жертв с обеих сторон.

23 декабря депутаты Думы обратились к президенту, правительству РФ и противоборствующим сторонам в Чеченской Республике с требованием «*немедленного введения моратория на все боевые действия* и приступить к мирным переговорам»⁵. Это обращение давало Д. Дудаеву еще одну возможность начать новый раунд переговоров. Однако он ею не воспользовался, полагая, вероятно, что Ельцин не пойдет на масштабную войну.

¹ Собрание законодательства РФ. 1994. № 34. Ст. 3575.

² Постановление ГД РФ от 13.12.1994 г. № 386-1 ГД «Об объявлении амнистии в отношении лиц, участвовавших в противоправных деяниях, связанных с вооруженными конфликтами на Северном Кавказе» // Собрание законодательства РФ. 19.12.1994. № 34. Ст. 3576.

³ Постановление СФ ФС РФ от 17.12.1994 № 307-1 СФ «О положении в Чеченской Республике» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 35. Ст. 3666.

⁴ Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. М., 2001. С. 617.

⁵ Постановление ГД РФ от 23.12.1994 г. № 446-1 ГД «О заявлении Государственной Думы в связи с вооруженным конфликтом в Чеченской Республике» // Собрание законодательства РФ. 02.01.1995. № 1. Ст. 35.

В свою очередь Ельцин под влиянием позиции большинства депутатов парламента 27 декабря выступил с «Обращением к гражданам России». Он отметил, что «армия выполнила первый этап в наведении порядка в Чечне, и руководителям операции поручено ведение переговоров с лидерами незаконных вооруженных формирований. Предмет переговоров — прекращение огня и сдача оружия»¹. Несмотря на жесткость предлагаемых условий, сам факт начала переговоров позволял остановить войну. Это был последний шанс, но Дудаев отверг и его.

В ночь на 1 января 1995 г. начался штурм Грозного. Штурм показал неподготовленность российских войск для осуществления такой акции без огромных жертв и разрушений. Итоги штурма резко усилили недовольство депутатов действиями исполнительной власти.

Вместе с тем росло и понимание того, что режим Дудаева не пойдет на уступки. Это делало продолжение войны неизбежным. На позицию депутатов влиял и растущий поток информации о реальном положении дел, сложившемся в Чечне в 1992–1994 гг. 11 января думская фракция «Выбор России» предложила включить в повестку дня вопрос о внесении поправки в Конституцию РФ и о принятии федерального закона о запрете Вооруженным Силам РФ ведения боевых действий на территории России². Однако депутаты Думы большинством голосов отклонили это предложение. В ходе обсуждения были высказаны весьма разные оценки чеченских событий. При этом большинство депутатов критиковали действия исполнительной власти как плохо подготовленные и непрофессиональные.

Возник вопрос о внесении поправок в Конституцию для усиления контроля со стороны парламента за деятельностью исполнительной власти. 13 января 1995 г. Дума приняла постановление «Об укреплении российской государственности и мерах по выходу из кризиса, возникшего в связи с ситуацией в Чеченской республике»³. В нем признавалась необходимость внесения поправок в Конституцию Российской Федерации, «направленных на расширение контрольных функций Федерального Собрания».

Депутаты рассматривали поправки, в соответствии с которыми Президенту предлагалось назначать Председателя Правительства, его заместителей, министра иностранных дел и силовых министров с согласия Государственной Думы. Две поправки усложняли процедуру роспуска Государственной Думы. В целом все эти поправки составляли конституционный закон, принятие которого требовало большинства в две трети голосов. В январе расстановка сил в Думе не позволяла довести работу над поправками до принятия соответствующего закона, тем более что процедура его принятия не была четко прописана, и вопрос о поправках был депутатами отложен.

¹ Эпоха Ельцина. С. 623–624.

² Государственная Дума: Стенограммы заседаний. Весенняя сессия. 1995 г. М., 1995. Т. 13. С. 4–5.

³ Постановление ГД ФС РФ от 13.01.1995 № 457–1 ГД «Об укреплении российской государственности и мерах по выходу из кризиса, возникшего в связи с ситуацией в Чеченской республике» // Российская газета. 1995. 21 января.

В свою очередь Совет Федерации 16 января начал бурное трехдневное обсуждение ситуации в Чечне, в ходе которого было вынесено на голосование предложение начать *процедуру импичмента* президента в связи с превышением им своих полномочий, выразившемся в применении армии в Чечне без объявления военного или чрезвычайного положения. За предложение проголосовал 61 сенатор, но оно не набрало необходимых 90 голосов. Среди законодателей росло число тех, кто понимал, что в сложившейся ситуации мирное решение чеченского кризиса зависело от позиции дудаевского режима.

В феврале–марте 1995 г. боевые действия в Чечне продолжались с разной степенью интенсивности. Тем не менее, федеральные войска постепенно вытесняли чеченских боевиков в горы.

На этом фоне 12 апреля Дума приняла закон «О временных мерах по политическому урегулированию кризиса в Чеченской республике», в котором поручала Правительству немедленно *начать прямые переговоры с Д. Дудаевым о прекращении боевых действий без предварительных условий*. Ельцин отклонил этот закон и дал «добро» на разгром баз боевиков в горах. Эта операция сопровождалась авиационными ударами по горным селам, что влекло за собой гибель гражданских лиц.

9 июня Дума приняла обращение к Президенту РФ. Оно было кратким и жестким: «Господин Президент! Шесть месяцев назад с Вашего одобрения началась операция в Чеченской Республике. Потери российских войск за это время составили более пяти тысяч солдат и офицеров. Потери мирного населения исчисляются десятками тысяч, среди безвинных жертв тысячи детей, женщин, стариков — люди разных национальностей. Общие человеческие потери за эти полгода войны в два раза превышают наши потери за десять лет войны в Афганистане. Как Президент Российской Федерации и Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами Российской Федерации Вы несете всю полноту ответственности за продолжение этой войны. Остановите войну!»¹.

Ельцин отклонил это обращение, поскольку считал, что операции в горах идут успешно и скоро завершатся полной победой. Действительно, к середине июня федеральные силы заняли главные центры сопротивления боевиков: Ведено, Шатой, Ножай-Юрт. Общие потери сил Дудаева, по докладом представителей федеральных сил, с начала операции составили более 12 тыс. убитыми.

Лето 1995: недоверие Правительству РФ

Летом ситуация резко изменилась. 14 июня чеченские боевики захватили более 1200 заложников в г. Буденновске Ставропольского края, потребовали прекратить военные действия в Чечне и вступить в переговоры с режимом Дудаева. Ельцин уклонился от переговоров с боевиками, улетев в Англию

¹ Постановление ГД ФС РФ от 09.06.1995 № 863–1 ГД «Об обращении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации „К Президенту Российской Федерации Б. Н. Ельцину о прекращении кровопролития в Чеченской Республике“» //Собрание законодательства РФ. 26.06.1995. № 26. Ст. 2419.

на саммит «Большой семерки». Премьер Черномырдин согласился с предъявленными требованиями, что позволило спасти жизнь большинству заложников. Тем не менее, 129 человек погибли, 415 были ранены.

В последнюю декаду июня в Грозном прошли переговоры между российской и чеченской сторонами, которые согласились на введение моратория на боевые действия на неопределённый срок, обмен пленными по принципу «всех на всех», разоружение отрядов сепаратистов, вывод российских войск с территории Чечни и проведение свободных выборов. Активная фаза первой чеченской войны на время была прекращена.

Депутаты оценили трагедию в Буденновске как закономерное следствие неэффективной политики, проводимой правительством и президентом Б. Н. Ельциным. 21 июня Дума выразила недоверие Правительству РФ. Для левой части парламента эта акция была обусловлена и общим протестом против политики Правительства, которая вела к углублению социально-экономического кризиса в стране.

Конституция РФ давала президенту право не согласиться с решением Думы, но обязывала его в случае повторного выражения в течение трех месяцев недоверия Правительству сделать выбор: отправить Правительство в отставку или распустить Государственную Думу (п. 3 ст. 117 Конституции РФ). Выражая недоверие правительству, большинство депутатов Думы полагали, что в любом случае у них есть три месяца, в течение которых можно было не опасаться досрочного роспуска Думы. Однако депутаты недооценили имевшийся в ст. 117 Конституции РФ правовой пробел, который президентская сторона тут же использовала.

Уже 22 июня в Думу поступили два документа: 1) письмо президента Б. Н. Ельцина, в котором он сообщил о своем несогласии с решением Думы о вотуме недоверия Правительству; 2) представление Председателя Правительства РФ В. С. Черномырдина, в котором он предлагал Думе включить во внеочередном порядке в повестку пленарного заседания вопрос о доверии Правительству РФ. Премьер обосновал свой шаг тем, что длительное, до трех месяцев, неопределенное положение правительства приведет к ухудшению социально-экономической ситуации в стране, осложнит разрешение чеченского кризиса и т. п.

В соответствии с п. 4 ст. 117 Конституции РФ, если вопрос о доверии Думы Правительству РФ ставит глава правительства, и Дума в доверии отказывается, то президент *в течение семи дней* должен был принять решение либо об отставке правительства, либо о роспуске Думы¹.

При анализе возникшего кризиса важно отметить, что Конституция РФ не давала ответа на вопрос, вправе или не вправе Председатель

¹ Примеч.: Поправка к п. 4 ст. 117 Конституции РФ, принятая в 2020 г., несколько смягчила последствия отказа Государственной Думы в доверии Правительству РФ. Теперь Президент РФ вправе (а не обязан) принять решение о роспуске Государственной Думы или об отставке Правительства РФ. Однако, если в течение трех месяцев Правительство РФ повторно поставит перед Думой вопрос о доверии, а Государственная Дума в доверии откажет, Президент России обязан принять решение о роспуске Государственной Думы или об отставке Правительства РФ.

Правительства *поставить вопрос о доверии* Думе Правительству, если Дума *уже выразила* недоверие Правительству. Выходом из сложившейся ситуации могло стать обращение в Конституционный Суд с просьбой дать толкование ст. 117 Конституции РФ, на чем настаивали некоторые депутаты. Они оказались в меньшинстве, поскольку было понятно, что Конституционный Суд не примет быстрого решения.

На пленарном заседании Думы 23 июня депутаты бурно обсуждали возникшую проблему — рассматривать или не рассматривать встречное обращение председателя правительства. Председатель Государственной Думы И. П. Рыбкин напомнил депутатам, что в соответствии со ст. 146 Регламента Государственной Думы, если решение о доверии или недоверии Правительству по его запросу не будет принято в течение десяти дней, это будет означать, что Дума в доверии Правительству отказывает. Иными словами, возникла реальная опасность роспуска Думы через 10 дней.

После споров 1 июля на голосование было предложено постановление Думы о вынесении *вторичного* недоверия Правительству РФ с явной целью провалить его принятие. Это произошло потому, что Президент предложил Рыбкину так называемый «нулевой вариант»: Дума аннулирует свое решение о недоверии Правительству, а Правительство в свою очередь откажется от требования провести в Думе голосование о доверии кабинету министров, в результате которого у Президента появлялась бы возможность распустить нижнюю палату. Как и ожидалось, 1 июля большинство депутатов не голосовали за вторичное выражение недоверия Правительству РФ. Эта ситуация еще раз наглядно показала, что право Президента распустить Думу в кризисные ситуации делало депутатов бессильными влиять на политику правительства.

Борьба за поправки к Конституции РФ

Уступив Правительству, Дума сосредоточила усилия на внесении поправок в Конституцию с тем, чтобы укрепить свои позиции. Уже 21 июня депутаты поддержали эту инициативу 306 голосами «за», и только 2 депутата проголосовали «против»¹. Для того, чтобы не «тормозить» принятие одних поправок, если другие не пройдут, депутаты решили принять по поправкам три отдельных закона, а не один общий.

Первая группа включала поправки к ст. 83 и 103 Конституции РФ, расширявшие круг должностных лиц, которые назначались Президентом РФ только с согласия Государственной Думы. К этим лицам предполагалось отнести не только Председателя Правительства, но и его заместителей, а также министров иностранных дел, обороны, внутренних дел и руководителей разведывательной службы и Федеральной службы безопасности, т. е. силовых структур государства. За принятие этих поправок проголосовали 305 чел., против — 9 чел., воздержалось — 3 чел.².

¹ Государственная Дума: Стенограммы. Весенняя сессия 1995 г. М., 1996. Т. 18. С. 570.

² Там же. С. 609.

Вторая группа поправок затрагивала вопросы парламентского контроля за деятельностью федеральных должностных лиц и вопросы о проведении парламентских расследований. Эти поправки должны были устранить, как объяснил депутат В. Б. Исаков, «беспрецедентное в мировой практике положение, когда парламент, принимающий законы, лишен права контролировать их исполнение»¹. За принятие этих поправок проголосовали 320 чел., против — 3 чел., воздержался — 1 чел.².

Третья группа поправок вводила институт персональной ответственности отдельных членов Правительства. Дума получала право выразить недоверие члену Правительства, после чего Президент был обязан в 14-дневный срок *рассмотреть вопрос* об освобождении соответствующего члена Правительства от должности и сообщить ей свое решение. Дума была вправе решить вопрос по данному члену Правительства повторным голосованием. Если квалифицированное большинство депутатов (две трети) выразит повторное недоверие этому члену Правительства, то его полномочия прекращаются, и Президент обязан освободить его от должности. За принятие этих поправок проголосовали 314 чел., против — 4 чел., воздержалось — 0 чел.³.

Принятые Думой *три закона о поправках в Конституцию РФ* были приняты и направлены в Совет Федерации. Однако верхняя палата Парламента РФ 4 июля 1995 отклонила все три закона⁴, что было очевидным успехом президентской команды, которая провела активную работу среди сенаторов.

Решить отчасти проблему, поставленную депутатами Думы в 1995 г., удалось только в 2020 г., когда в Конституцию РФ были внесены в числе других и поправки, изменившие порядок назначения Президентом РФ не только Председателя Правительства РФ, но и его заместителей, а также федеральных министров. Теперь «силовых» министров глава государства назначает и освобождает от должности после консультаций с Советом Федерации. Заместителей Председателя Правительства РФ и остальных министров глава государства назначает после того, как их кандидатуры были представлены Думе Председателем Правительства РФ и утверждены нижней палатой.

¹ Государственная Дума: Стенограммы. Весенняя сессия 1995 г. М., 1996. Т. 18. С. 597.

² Там же. С. 609.

³ Там же. С. 612.

⁴ Постановление СФ ФС РФ от 04.07.1995 № 512–1 СФ «О федеральном конституционном законе „О поправках к статьям 103 и 117 Конституции Российской Федерации“» // Собрание законодательства РФ. 10.07.1995. № 28. Ст. 2624; Постановление СФ ФС РФ от 04.07.1995 № 513–1 СФ «О федеральном конституционном законе „О поправках к статьям 83 и 103 Конституции Российской Федерации“» // Собрание законодательства РФ. 10.07.1995. № 28. Ст. 2625; Постановление СФ ФС РФ от 04.07.1995 № 514–1 СФ «О федеральном конституционном законе „О поправках к статьям 101, 102 и 103 Конституции Российской Федерации“» // Собрание законодательства РФ. 10.07.1995. № 28. Ст. 2626.

Подготовка к новым выборам

Осенью 1995 г. вся деятельность депутатов была сосредоточена на законодательной работе и подготовке к очередным парламентским выборам, назначенным на декабрь.

Проблеме законодательного обеспечения выборов всех уровней депутаты уделяли внимание на протяжении всего срока своих полномочий. Так, уже 26 октября 1994 г. был принят закон «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации»¹. Закон установил основные гарантии избирательных прав российских граждан при выборах Президента РФ, депутатов Государственной Думы, в иные федеральные государственные органы, предусмотренные Конституцией Российской Федерации, а также при выборах в органы государственной власти субъектов Российской Федерации и в органы местного самоуправления. Закон регулировал такие важнейшие вопросы, как выдвижение и регистрация кандидатов и их статус, правила ведения предвыборной агитации, порядок финансирования выборов, ответственность за нарушение избирательных прав.

Весной 1995 г. шла трудная работа по принятию законов о выборах Президента РФ и депутатов Государственной Думы. 21 апреля 1995 г. Дума приняла закон «О выборах Президента Российской Федерации». В нем содержалась важная норма о том, что для признания выборов состоявшимися в них должно принять участие не менее половины внесенных в списки избирателей, а избранным считается кандидат на должность Президента РФ, который получил более половины голосов избирателей, принявших участие в голосовании².

Драматичной была судьба закона РФ «О выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ». Он стал предметом торга между палатами Парламента, а затем между Думой и Президентом.

Совет Федерации стремился к тому, чтобы одновременно с законом о выборах депутатов Думы был принят закон о формировании Совета Федерации в редакции, которая устраивала сенаторов. Поэтому они не утвердили закон о выборах депутатов Государственной Думы, принятый думцами. Государственная Дума 11 мая 1995 года преодолела вето Совета Федерации квалифицированным большинством (2/3) голосов. Однако теперь президент отклонил этот закон и предложил создать трехстороннюю согласительную комиссию из представителей палат парламента и президента. Наибольшие разногласия были по вопросу численного соотношения между партийными списками и депутатами-одномандатниками. Депутаты Думы стремились сохранить существующее соотношение (225 на 225 по федеральному округу и одномандатным

¹ Закон РФ № 56-ФЗ от 06.12.1994 г. «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 12.12.1994. № 33. Ст. 3406.

² Закон РФ № 76-ФЗ от 17.05.1995 «О выборах Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 22.05.1995. № 21. Ст. 1924.

избирательным округам). Президент настаивал на соотношении 150 на 300. Он боялся, что по партийным спискам пройдет много сильных кандидатов, независимых от региональных властей, что затруднит возможность оказывать на них давление. В ходе споров был достигнут компромисс: избирательные блоки были обязаны разбить свои федеральные списки таким образом, чтобы они состояли из центральной и региональных частей. При этом центральная часть списка не должна превышать 12 кандидатов. Были разногласия и по вопросу о том, при какой явке избирателей выборы депутатов будут признаны состоявшимися. Президент предлагал поднять планку явки избирателей с 25% до 50%. Предложение не получило поддержки, поскольку были велики опасения, что при такой норме выборы могут не состояться¹. В новой редакции закон о выборах депутатов Государственной Думы был принят нижней палатой 9 июня и одобрен Советом Федерации 15 июня². О подписании его Президентом было объявлено в ходе пленарного заседания 21 июня 1995 г., когда Дума рассматривала вопрос о недоверии Правительству РФ. Дата не была случайной: Ельцин давал понять, что теперь он может без проблем распустить Думу и проводить досрочные выборы депутатов, поскольку соответствующий закон о выборах принят и подписан.

Последним из блока избирательных законов был принят закон «О формировании Совета Федерации ФС РФ». Этот закон тоже прошел трудный путь. Обсуждение проекта закона проходило вокруг трех основных вариантов. Первый вариант — члены Совета Федерации должны *избираться населением* субъектов Федерации. Второй вариант — члены Совета Федерации должны быть *делегированы* органами законодательной и исполнительной власти субъектов Федерации («вариант Шумейко»). Третий вариант предусматривал, что в Совет Федерации должны войти главы законодательных органов и органов исполнительной власти субъектов Федерации *по должности*³. Вначале обе палаты парламента поддерживали законопроект с концепцией *избрания* членов Совета Федерации сроком на 4 года на всеобщих прямых выборах. Предполагалось, что кандидатов будут выдвигать законодательные и исполнительные органы государственной власти субъектов Федерации. Однако Ельцин отклонял этот закон. Он боялся, что избранная прямым голосованием на всеобщих выборах верхняя палата окажется конфронтационной и породит для него

¹ Парламентаризм в России. Федеральное Собрание в 1993–1995 годах. V Государственная Дума, Совет Федерации. М., 1996. (Электронная версия издания: [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://legislature.ru/books/parl1996/part2.html>.)

² Закон РФ № 90-ФЗ от 21.06.1995 «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 26.06.1995. № 26. Ст. 2398.

³ См.: Парламентаризм в России. Федеральное Собрание в 1993–1995 годах. V Государственная Дума, Совет Федерации (Электронная версия издания: [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://legislature.ru/books/parl1996/part2.html>).

дополнительные трудности на предстоящих летом 1996 г. президентских выборах. Ельцин учитывал и тот факт, что Конституция РФ наделила именно Совет Федерации правом принимать окончательное решение об отрешении Президента РФ от должности. Именно поэтому 19 апреля 1995 года Б. Ельцин направил в Думу законопроект, близкий ко второму варианту («вариант Шумейко»). Осенью 1995 г. Дума предприняла несколько безуспешных попыток принять закон о порядке формирования Совета Федерации. В итоге в декабре был принят явно ущербный закон, который предусматривал следующий порядок формирования Совета Федерации. В него входили по два представителя от каждого субъекта Российской Федерации: глава законодательного (представительного) и глава исполнительного органов государственной власти по должности. Закон предусматривал, что выборы глав исполнительных органов власти субъектов РФ должны быть завершены не позднее декабря 1996 г.¹.

Из блока законов, регулирующих отношения в сфере экономики, важнейшим результатом стало принятие первой и второй частей Гражданского кодекса. Первая часть Гражданского кодекса была принята еще 21 октября 1994 г. и вступила в силу 1 января 1995 г. Она включила в себя разделы «Общие положения», «Право собственности и другие вещные права», «Общая часть обязательствного права». Вторая часть Гражданского кодекса посвящена особенной части обязательствного права и называется «Отдельные виды обязательств». Она была принята на последнем заседании Государственной Думы первого созыва 22 декабря 1995 г. Думе второго созыва предстояло принять третью часть этого закона. Принятие Гражданского кодекса по частям было обусловлено необходимостью скорейшего закрепления единых принципов правового регулирования отношений в сфере экономического оборота. За годы реформ в России появилось множество законодательных актов в этой сфере, нередко противоречащих друг другу. Эти противоречия необходимо было устранить. Гражданский кодекс создавал правовую базу для проведения экономических реформ.

Общие итоги работы Федерального Собрания первого созыва

Главная задача парламента — законотворческая деятельность. И здесь результаты были внушительными. За два года своей работы Государственная Дума приняла 461 закон. О том, насколько непростой была эта работа, свидетельствует тот факт, что Совет Федерации отверг каждый третий закон, принятый Думой, а Президент РФ — каждый четвертый. В силу вступили 282 закона. Среди вступивших в силу законов специалисты выделяют четыре блока. Первый блок составил 21 закон, посвященный вопросам государственного строительства. Второй блок — 43 закона, регулировавших отношения в сфере экономики. Третий блок — 25 законов, направленных на социальную защиту населения.

¹ Закон РФ от 05.12.1995 № 192-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 11.12.1995. № 50. Ст. 4869.

Четвертый блок — 15 законов, посвященных борьбе с преступностью и регулированию отношений в правоохранительной сфере. Парламент сумел принять и три конституционных закона — о Конституционном Суде РФ, об арбитражных судах и о референдуме в Российской Федерации. Еще три федеральных конституционных закона были подготовлены и переданы следующей Думе¹.

Важным направлением деятельности обеих палат парламента было овладение теми полномочиями, которые предоставила им новая Конституция РФ. Здесь они были первопроходцами. Тем более, что ряд конституционных норм на этом этапе не были конкретизированы специальными законами, и эти нормы можно было толковать по-разному. Задача решалась подчас в острой борьбе с президентом Ельциным и его командой, которые стремились ограничить и без того узкие полномочия парламента. Это проявилось в случае с политической амнистией, по сути ставшей первой акцией, осуществленной Государственной Думой. Президент попытался своим указом определить «параметры» амнистии, хотя Конституция предоставила безусловное право объявления амнистии только Государственной Думе. После горячих дебатов Думе удалось отстоять свое право. Совет Федерации также последовательно отстаивал свои конституционные права, например, при назначении Генерального прокурора и судей Конституционного Суда РФ.

Важнейшим достижением парламента (прежде всего, Государственной Думы) стало налаживание бюджетного процесса. Бюджет на 1996 г. был принят до начала календарного года, впервые за последние годы. Принятие блока избирательных законов создало правовую базу для проведения новых парламентских выборов в декабре 1995 г., а также президентских выборов в 1996 г.

Достоинство уважения и стремление обеих палат парламента использовать любую возможность для предотвращения, а затем и для прекращения войны в Чечне. Парламентские инициативы были сорваны главным образом из-за сепаратистской позиции тогдашнего руководства Чечни, что было неприемлемо для большинства депутатов.

В целом, опыт работы парламента первого созыва был очень богатым и позитивным. Он дает прекрасный материал для дальнейшего совершенствования парламентской практики в России.

¹ См.: Парламентаризм в России. Федеральное Собрание в 1993–1995 годах. V Государственная Дума, Совет Федерации. М.: Фонд развития парламентаризма, 1996. (Электронная версия издания: [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <http://legislature.ru/books/parl1996/part1.html#rybkin>.)

ИЗ ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

ФРАНЦУЗСКИЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМ НАЧАЛА XX ВЕКА: ДОКТРИНА И ПРАКТИКА

БОЧКАРЕВ СЕРГЕЙ ВАДИМОВИЧ,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры международного права
Российского государственного педагогического
университета им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: pkb-spb@yandex.ru

Аннотация. Изучение французского парламентаризма начала XX в. позволяет, с учетом отрицательных и положительных черт данного явления, выработать инструментарий для дальнейших доктринальных разработок и выявить современные тенденции развития государственных институтов. В статье отмечается, что парламентаризм во Франции к началу XX в. сложился в качестве целостной концепции. Политико-правовая доктрина предложила несколько вариативных постулатов, которые позволяют выделить наиболее характерные черты парламентского правления, что способствует построению практических моделей современного парламентаризма.

Ключевые слова: парламентаризм, конституция, парламент, законодательная власть, абсолютный парламентаризм.

Парламентаризм, как одна из форм институционализации власти, при которой парламент определяет структурное взаимодействие с исполнительной властью, является предметом многочисленных исследований различных социогуманитарных наук: истории, политологии, юриспруденции. Отчасти это объясняется ролью парламента в модификациях конституционно-правовых моделей, при которых представительная система, олицетворяемая парламентом, отражает тот или иной тип правления.

Французская политико-правовая доктрина рассматривает парламентаризм как один из методов осуществления государственной власти, который трансформируется в зависимости от конституционных положений и фактического правоприменения.

Ж. Бартелеми отмечал, что французское публичное право со времен революции основано на принципе преобладания парламента¹. Действительно, роль, отводимая парламенту, как в доктрине, так и на практике, была весомой, поскольку парламент являлся выразителем народной воли, исходя из постулата, закрепленного в Декларации прав человека и гражданина 1789 г., что закон есть выражение общей воли.

В современной французской юридической литературе выделяют несколько основных форм организации парламентского правления: монистический, дуалистический и рационализированный парламентаризм².

Две первые формы парламентаризма можно выявить на примере конституционной истории. При монистическом парламентаризме глава государства не обладает какой-либо автономной властью, позволяющей ему играть политическую роль. Таким образом, в соответствии с классической теорией парламентаризма, правительство подотчетно только парламенту. Большинство современных европейских парламентских режимов можно квалифицировать как монистические. Однако исторически сначала преобладала дуалистическая форма парламентской системы, поскольку она часто развивалась в рамках конституционных монархий, предполагающих синтез или взаимодействие между королем и парламентом. Правительство несло двойную ответственность: не только перед представительным органом, но также и перед главой государства. Однако при таком режиме часто возникали конфликты между ветвями власти, ведущие к нестабильности. Система дуалистического парламентаризма встречалась в Великобритании, Бельгии и Франции, особенно в XVIII или XIX вв. Во Франции она характеризовала систему, которая была установлена при Июльской монархии (июль 1830 г. — февраль 1848 г.). В этот период времени были закреплены механизмы министерской ответственности и контроль палат парламента над правительством. Ответственный перед королем кабинет должен был пользоваться доверием палат.

Это привело к двойной политической ответственности правительства перед королем, с одной стороны, и перед парламентом — с другой. Однако возникали конфликты, когда король не пользовался поддержкой большинства в Палате депутатов.

Именно этот баланс властных институтов оказался неразрешимым в период политического кризиса 1877 г., приведшего к отставке президента П. Мак-Магона, что, в свою очередь, ознаменовало отказ от дуалистического парламентаризма во Франции.

Кроме того, принятая в Третьей республике т. н. «орлеанистская» парламентская модель (Конституцию 1875 г. называют «Третьей Хартией»³)

¹ Barthélemy J. Précis de droit constitutionnel. Paris, 1932. P. 108.

² См., напр.: Hamon F., Troper M. Droit constitutionnel. 36-e éd. Paris, 2015. P. 109; Gicquel J., Gicquel J.-É. Droit constitutionnel et institutions politiques. 29-e éd. Paris, 2015. P. 155.

³ Morabito M. Histoire constitutionnelle de la France de 1789 à nos jours. 12-e éd. Paris, 2012. P. 312.

в виде дуалистического парламентаризма приводила не только к дисбалансу властных институтов, но и к политической нестабильности.

Конституционные законы 1875 г. не до конца прописывали модель дуалистического парламентаризма. В частности, исполнительная власть, в лице президента республики, получив право распускать нижнюю палату парламента, не могла самостоятельно осуществлять данную прерогативу. Для этого необходимо было получить согласие Сената, т. е. еще одной палаты. Следовательно, сам принцип равновесия или баланса властей нарушался.

Причины подобного противоречия заключались в той роли, которая отводилась парламенту. Только он, согласно французскому публичному праву того времени, являлся выразителем народной воли (законодательная деятельность парламента — это работа самого народа, т. е. суверена), а поскольку и глава государства избирался парламентским путем, и только парламента обладал конституирующими функциями, то конституционная практика привела к установлению во Франции в начале XX в. абсолютного парламентаризма. Как писал Р. Карре де Мальберг: «Сегодня, когда Конституция успела вступить в силу во всей своей полноте, стало ясно, что заложенные в ней институты не могут иметь другого результата, кроме как, в конечном счете, обеспечить абсолютное превосходство парламента. При таком превосходстве не было и не остается никаких ограничений, кроме тех ограничений, которые вытекают из власти»¹.

Кроме того, при Третьей республике, особенно в первой трети XX в., парламента не имел ограничений в реализации своих законодательных прерогатив: он принимал законы во всех направлениях и во всех областях. Это парадоксальным образом приводило к параличу институтов и, в частности, в осуществлении законодательных функций, что дополнялось особенностями политической ситуации, характеризующейся отсутствием стабильного парламентского большинства и, следовательно, нестабильностью действующих правительств. Таким образом, парламента перекладывал на исполнительную власть решение наиболее важных нормативных задач. Он был неспособен претворить важные политические решения в законодательную сферу и, отказываясь от законодательной функции, делегировал регулирующие полномочия путем принятия для этой цели так называемых законов о «полномочиях».

Ответом на «парламентское всевластие» стала концепция рационализованного парламентаризма, предложенная Б. Миркиным-Гецевичем, суть которой заключалась в механизмах, позволяющих правительству на этапе его формирования заручиться поддержкой парламентского большинства (механизмы выдвижения кандидатур, вотум доверия) или ограничить возможности применения ответственности правительства.

Рационализация заключалась в функциональном ограничении основных элементов парламентаризма во избежание злоупотреблений

¹ Carré de Malberg R. La loi, expression de la volonté générale. Étude sur le concept de la loi dans la Constitution de 1875. Paris, 1931. P. 196–197.

в системе и преодоления нестабильности правительства. Однако фактическое применение рационализированного парламентаризма началось во Франции только в Четвертой и Пятой республиках. Отметим, что на практике эти механизмы рационализации не всегда оказываются эффективными.

Единственным элементом баланса, гарантирующим, демократический характер системы, в конечном счете, была роль оппозиции и последовательных изменений, допускаемых в рамках властных институтов Третьей республики.

Итак, в начале XX в. Франция отклонилась от классической модели парламентского строя, который характеризовался сбалансированностью и сотрудничеством властей.

В частности, де-факто не используя право роспуска, исполнительная власть Третьей республики не имела возможности противодействовать министерской ответственности, предусмотренной Конституцией. В случае конфликта с палатами правительство должно было либо уйти в отставку, либо подчиниться.

Практика применения Конституционных законов 1875 г. зависела от политического ландшафта, сложившегося во Франции в начале XX в. В частности, в парламенте не было устойчивых партийных коалиций. Они формировались для разрешения конкретного вопроса, на короткие промежутки времени и были разнородными по своему составу. На подобные коалиции правительство не могло опереться при проведении своей политики, что вело, в свою очередь, к ограничению при принятии решений исполнительной власти, следствием чего при отсутствии консолидированной парламентской поддержки являлись частые правительственные отставки, приводившие к политической нестабильности и отсутствию политической преемственности.

Таким образом, французский парламентаризм начала XX в. с точки зрения доктринальной интерпретации характеризовался как монистический, при котором в парламенте одна из партий, обладающая большинством, формировала состав правительства и несла ответственность только перед представительным органом власти. Однако практика применения конституционных норм свидетельствовала об институциональной нестабильности, проявлявшейся как в деятельности законодательных и исполнительных властей, так и в их взаимодействии.

ДЖЕЙМС МЭКСТОН — ЛИДЕР НЕЗАВИСИМОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

БУГАШЕВ СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ,

доктор исторических наук,
профессор кафедры общественных наук
Санкт-Петербургского государственного
университета промышленных технологий и дизайна,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: aaa555580@inbox.ru

Аннотация: Статья посвящена политической биографии Джеймса Мэкстона, известного британского социалиста и лидера Независимой рабочей партии (НРП). Мэкстон прожил интересную и насыщенную событиями жизнь, побывал и заключенным британской тюрьмы, и депутатом британского парламента. Бескомпромиссность Мэкстона во многом привела к тому, что руководимая им с небольшим перерывом с середины 1920-х годов Независимая рабочая партия (НРП), входившая в лейбористскую организацию, в 1930-е годы покинула ее ряды. Это оказалось для НРП в конечном счете политическим самоубийством.

Ключевые слова: Великобритания, Независимая рабочая партия (НРП), Джеймс Мэкстон.

Среди британских социалистов XX в. фигура Джеймса Мэкстона занимает особое место. Джеймса Мэкстона уважали и друзья, и соперники. Мэкстон всегда находился на левом фланге лейбористского движения, был своего рода «возмутителем спокойствия». Мэкстон прожил интересную и насыщенную событиями жизнь, побывал и заключенным британской тюрьмы, и депутатом британского парламента. Убежденный заднескамеечник, он снискал себе славу блестящего оратора. Современники не без основания отмечали, что Мэкстон смог бы сделать карьеру на театральной сцене. Вплоть до самой смерти, стоило ему подняться для выступления в Палате общин, она тут же наполнялась депутатами, спешившими вернуться в зал заседаний, чтобы услышать, как говорит Мэкстон. Он был чуть ли не единственным за всю британскую историю заднескамеечником, чью кончину в 1946 г. Палата общин почтила минутой молчания¹.

Впрочем не только и не столько на парламентском поприще «величайший бунтарь своего времени»² оставил след в памяти современников. Мэкстон был яростным и бескомпромиссным борцом с бедностью, нищетой, вопиющим социальным неравенством. Его голос звучал на многочисленных лейбористских собраниях, уличных митингах и партийных

¹ Brown G. Maxton. Edinburgh, 1986. P. 18, 50, 306.

² McNair J. James Maxton. The Beloved Rebel. London, 1955. P. 3.

конференциях на протяжении десятилетий. Впрочем, несмотря на обилие лестных оценок и комментариев, фигура Мэкстона не столь однозначна. Своими левыми жесткими высказываниями и нежеланием маневрировать в угоду избирательной конъюнктуре он в 1920-е годы создавал немало проблем руководству лейбористской партии, стремящемуся к власти и заботящемуся о респектабельном облике движения. В результате внутрипартийные споры и разногласия, инициированные «бунтарем», нередко выплескивались на страницы британской прессы, становясь лакомым объектом спекуляций со стороны оппозиции. Более того, бескомпромиссность Мэкстона во многом привела к тому, что руководимая им с небольшим перерывом с середины 1920-х годов Независимая рабочая партия (НРП), входившая в лейбористскую организацию с момента создания последней в 1900 г., в 30-е годы покинула ее ряды. Это оказалось для НРП в конечном счете политическим самоубийством. В итоге, несмотря на популярность среди рабочих и ореол защитника обездоленных, Мэкстон заканчивал свою жизнь и политическую карьеру фактически в качестве «полководца без армии», лидера умирающей партии, которую он своими руками обрек на постепенное угасание.

Мэкстон родился 22 июня 1885 г. в Шотландии в небольшом населенном пункте Поллокшоз вблизи Глазго. Этот регион традиционно считался своего рода «кузницей социалистов». Принято говорить, что ни одна часть Великобритании не подарила миру столько борцов за интересы рабочего класса, сколько западная Шотландия во второй половине XIX в. Мэкстон явился выходцем из вполне благополучной семьи и не испытывал в детстве нужды. Его родители были учителями. Дома не увлекались политикой, однако отец являлся ярым почитателем Томаса Карлейля. Джеймс, рано решив пойти по стопам родителей, в 1902 г. поступил в университет Глазго¹.

Поистине судьбоносным стало знакомство Мэкстона с харизматичным Джоном Маклином, увлеченным марксистом и членом Социал-демократической федерации, одной из первых в Великобритании социалистических организаций. Одновременно Мэкстон с энтузиазмом посещал социалистические митинги и собрания в Шотландии, где выступали ведущие лейбористские активисты тех лет: Р. Смайли, Б. Глазье, Р. Макдональд, Филип Сноуден. Последний произвел на Мэкстона особое впечатление своей железной логикой и безупречной антикапиталистической аргументацией. В итоге в 1904 г. Мэкстон официально вступил в НРП, социалистическую организацию, созданную К. Гарди в 1893 г. с целью отстаивать интересы рабочего класса в стране и в парламенте².

По сути, с этого момента Мэкстон на долгие годы связал свою судьбу с лейбористской партией, поскольку членство в НРП фактически означало присоединение к лейбористской организации. Однако в те годы

¹ McNair J. Op. cit., p. 1.

² McAllister G. James Maxton. The Portrait of a Rebel. London, 1935. P. 12–13.

для молодого лейбористского сторонника пропагандировать социализм в Шотландии было занятием далеко не простым¹. Политические предпочтения шотландцев, в том числе и рабочих, традиционно были на стороне либеральной партии. Пытаясь хоть как-то привлечь внимание к вопиющим социальным контрастам, Мэкстон с друзьями, в том числе при участии Дж. Маклина, создал в Глазго Социалистическое общество учителей. Впрочем, круг общения Мэкстона тогда не ограничивался только шотландскими социалистами и местными активистами НРП. В это же время он завел знакомство с лейбористами «национального масштаба» — К. Гарди, Р. Макдональдом, Ф. Сноуденом². В 1912 г. Мэкстон стал уже достаточно широкоизвестен среди шотландских социалистов как опытный агитатор и пропагандист. В результате в том же году он был избран в качестве представителя Шотландии в Национальный Административный Совет (НАС) НРП, где в то время был представлен «весь цвет» британского социализма — К. Гарди, Р. Макдональд, Ф. Сноуден, Б. Глазье и другие³.

Рост милитаристских настроений и приближение Первой мировой войны лейбористы наблюдали с большой тревогой. Мэкстон, как и многие в НРП, был категорически против войны. Антивоенная деятельность Мэкстона привела к недовольству школьной администрации его частыми отлучками. Тем не менее «бунтаря» это не остановило. К 1916 г. война начала приобретать затяжной характер. В результате в стране была введена воинская повинность, которая неизбежным образом коснулась и молодого 31-летнего Мэкстона. Однако, ему было не суждено надеть военную форму. 26 марта 1916 г. он оказался среди главных ораторов на митинге в Глазго, устроенном по поводу недавнего ареста ряда руководителей движения шотландских шоп-стюардов. Спустя несколько дней Мэкстон был арестован полицией и доставлен в тюрьму Глазго. Суд приговорил его к одному году лишения свободы. Свое заключение Мэкстон отбывал в старой тюрьме Кэлтон в Эдинбурге. Будучи заключенным, в течение года он, не теряя времени даром, сумел убедить часть охраны организовать профсоюз тюремщиков, а некоторых даже склонил к вступлению в ряды НРП⁴.

Тем временем военные действия близились к своему завершению. Лейбористская партия заметно усилила свои позиции. Одновременно Мэкстон укрепил свои позиции на национальной авансцене британского лейборизма. Он был избран членом шотландского исполкома лейбористской партии, а вскоре и общенационального исполкома⁵. На выборах в декабре 1918 г. Мэкстон был выдвинут в парламент от своего родного округа Бриджтон. Однако, к таким как Мэкстон, «штрейкбрехерам

¹ *Hannan J. The Life of John Wheatley. Nottingham, 1988. P. 90–91.*

² *Brown G. Op. cit. P. 42.*

³ *McNair J. Op. cit. P. 37.*

⁴ *McAllister G. Op. cit. P. 63–65.*

⁵ *Brown G. Op. cit. P. 82, 88, 104.*

нации», отношение сразу после окончания войны было резко негативным¹. Вместе с Мэкстоном выборы 1918 г. проиграли даже такие известные лейбористы-пацифисты, как Макдональд и Сноуден.

Мэкстон, для которого после пребывания в тюрьме карьера учителя была закрыта, в начале 1919 г. был официально назначен партийным организатором НРП в Шотландии с окладом пять фунтов в неделю². Пожалуй, в эти годы послевоенного «социального брожения» Мэкстон еще больше убедился в необходимости скорейших социальных преобразований как в Шотландии, так и за ее пределами. На этом фоне среди ряда левых активистов под воздействием октябрьской революции в России стала популярной идея радикальной ломки существующей системы. Осенью 1922 г. было официально объявлено о разрыве консервативно-либеральной коалиции во главе с Ллойд Джорджем, и на ноябрь 1922 г. назначены новые всеобщие выборы. Они принесли успех лейбористам. Среди легендарной группы так называемых клайдсайдовцев, впервые отправившихся в 1922 г. в Вестминстер, были Дж. Уитли, К. Стефен, Д. Кирквуд, Дж. Бьюкенен и, конечно же, сам Мэкстон³.

Он пришел в парламент в первую очередь с тем, чтобы донести до всей страны мрачную картину бедственного положения его соотечественников, шотландских рабочих. 8 декабря 1922 г. Мэкстон произнес свою первую речь в Палате общин, запомнившуюся тем, что оратор не пожелал соблюдать этикет, позволив себе обратиться к коллеге-парламентарю по имени⁴. Другая гневная речь Мэкстона от 27 июня 1923 г. на долгие годы стала эталоном «непарламентского выступления». В какой-то мере фурор, произведенный им в ходе этого выступления, напомнил гневные парламентские речи Кейра Гарди конца XIX в. В результате Мэкстон и нескольких поддержавших его земляков были удалены из парламента.

При посредничестве Макдональда была достигнута неофициальная договоренность о скорейшем возвращении «бунтаря» и его земляков в парламент. Однако Мэкстон демонстративно не стал дожидаться официального разрешения и спустя несколько недель, 31 июля 1923 г., вместе с коллегами из Глазго предпринял попытку самовольно войти в здание парламента, но был остановлен полицией. Эти события вызвали не меньшую шумиху, нежели его июньская речь. В итоге Мэкстону разрешили вернуться в Палату общин, но сам скандал явился знаковым событием в начавшейся истории «великого» противостояния «бунтаря» и официальной лейбористской партии.

В январе 1924 г. Р. Макдональд по приглашению короля сформировал первый в истории Англии лейбористский кабинет. Хотя Мэкстон был одним из ярких представителей своего поколения, и его имя даже фигурировало на страницах прессы в качестве потенциального министра,

¹ Brown G. Op. cit. P. 92.

² McNair J. Op. cit. P. 87.

³ Brockway F. Towards Tomorrow. The Autobiography. London, 1977. P. 66.

⁴ Hansard. Parliamentary Debates. House of Commons, v. 159, col. 2231.

в правительство его не пригласили. Это было вполне объяснимо. Макдональд был чрезвычайно озабочен респектабельным обликом своего первого кабинета и не желал видеть в нем «бунтарей». Лейбористское правительство продержалось девять месяцев. В целом кабинет продемонстрировал свою дееспособность. Избирательная кампания 1924 г., сопровождавшаяся скандалом с так называемым «письмом Зиновьева», закончилась для лейбористов поражением. После ухода лейбористов в оппозицию Мэкстон стал одним из самых беспощадных критиков политики, проводимой Макдональдом. Его негодование вызывали как отсутствие каких-либо кардинальных социально-экономических реформ, так и в целом политика руководства лейбористской партии, не имевшего в своих ближайших и даже отдаленных планах построения социализма в Англии. На начальном этапе конфликт был сосредоточен вокруг двух вопросов. Во-первых, трактовки Лейбористской политики национализации. В отличие от официальной точки зрения, согласно которой владельцам предприятий в случае возможной национализации полагалась компенсация, Мэкстон был ярким сторонником конфискации и не скрывал этого¹. Во-вторых, отношений с компартией. Позиция лейбористской партии состояла в том, что коммунисты ни под каким видом не должны быть допущены в лейбористские ряды. Мэкстон, не будучи коммунистом, был категорически не согласен с подобной позицией, полагая, что наличие среди лейбористов сторонников компартии не несет в себе ничего предосудительного².

Однако все эти споры и выступления Мэкстона были лишь «пробными шарами». Бесспорно, рубежом в его политической карьере явился 1926 г., когда после ухода со своего поста К. Аллена Мэкстон был избран председателем НРП. Значение НРП после принятия Устава 1918 г., вводившего индивидуальное членство в самой лейбористской партии, существенно ослабло. Тем самым традиционная роль НРП оказалась под вопросом. Ее статус отныне сводился всего лишь к некой дополнительной пропагандистской организации внутри лейбористской партии. Оставшуюся часть 20-х годов Мэкстон всего себя посвятил пропаганде новой программы НРП «Социализм в наше время»³. Название документа ярко говорило само за себя. Смысл его заключался в необходимости борьбы за социализм для ныне живущего поколения. Новый документ был официально одобрен на ежегодной конференции НРП в апреле 1926 г. одновременно с избранием нового председателя. Мэкстон никогда не был социалистическим теоретиком, однако со всей страстью готов был пропагандировать идеи, казавшиеся ему верными. Разумеется, подобная попытка левого крыла в лице НРП перехватить у лейбористской партии

¹ Independent Labour Party. Report of the Annual Conference held at Gloucester, April, 1925. London, 1925. P. 150–151; Brockway F. Inside the Left. Thirty Years of Platform, Press, Prison and Parliament. London, 1947. P. 157.

² Brown G. Op. cit. P. 174–175.

³ Independent Labour Party. Report of the Annual Conference held at Whitley Bay, April, 1926. London, 1926. P. 16–18.

инициативу в написании программы была воспринята Макдональдом и другими руководителями резко негативно. В результате этих разногласий произошел открытый разрыв Р. Макдональда и Ф. Сноудена с НРП¹.

Вторая половина 1920-х годов оказалась ознаменована и рядом скандальных удалений Мэкстона из Палаты общин. На фоне разгневанных лейбористских парламентариев, старавшихся, тем не менее, не выходить за рамки парламентского этикета, выступление Мэкстона опять обернулось скандалом. В июле 1927 г. во время третьего чтения закона о тред-юнионах он публично обвинил генерального атторнея в «вероломстве», назвав его «негодяем и лжецом»². Следующим шагом на пути обострения отношений лидера НРП и официального руководства лейбористской партии явилось появление в июне 1928 г. так называемого Манифеста Кука — Мэкстона. Манифест явился открытым вызовом умеренной и осторожной политике Макдональда конца 1920-х годов. В документе резкой критике была подвергнута попытка выхолостить классовое содержание лейбористского движения. Запланированная кампания Кука — Мэкстона началась 8 июня 1928 г. с многолюдного митинга в Глазго. Затем аналогичные мероприятия прошли в течение июля в Манчестере, в августе — в Ньюкасле, Дерби, Ноттингеме, Кардиффе, Бристоле и в сентябре — в Галифаксе и Лидсе³. Однако кампания не принесла ожидаемых Мэкстоном результатов. Реакция руководства лейбористской партии на манифест была резко отрицательной⁴. Весной 1929 г. Мэкстон предпринял еще одну отчаянную попытку привлечь к себе внимание. На ежегодной конференции НРП он предложил следующему лейбористскому правительству кардинально увеличить налог на богатых и тем самым пополнить бюджет страны на 250 млн фунтов для того, чтобы финансировать социальные программы и борьбу с безработицей⁵. Парламентские выборы 1929 г. закончились победой лейбористов и формированием второго правительства Макдональда. Тем временем с наступлением мирового экономического кризиса ситуация в Великобритании стала стремительно ухудшаться. К концу 1930 г. количество безработных составило уже 2,5 млн человек⁶.

Судьба второго лейбористского кабинета была трагична. В августе 1931 г. при голосовании о сокращении пособий по безработице с целью преодоления глубочайшего финансового кризиса правительство Макдональда раскололось. Однако вместо ожидаемой отставки, после уговоров короля Георга V, Макдональд во имя спасения Англии согласился возглавить так называемое «национальное правительство», состоявшее

¹ Dowse R. *Left in the Center. The Independent Labour Party 1893–1940*. London, 1966. P. 149.

² Hansard. *Parliamentary Debates. House of Commons*, v. 207, col. 2136.

³ Brown G. *Op. cit.* P. 210–211.

⁴ Cook A. J., Maxton J. *Our Case for a Socialist Revival*. London, 1928. P. 11.

⁵ Independent Labour Party. *Report of the Annual Conference held at Carlisle, March–April, 1929*. P. 58.

⁶ Cole G. D. H. *A History of the Labour Party from 1914*. New York, 1969. P. 234.

в основном из консерваторов и либералов. Сама же лейбористская партия за исключением нескольких человек, верных сторонников премьер-министра, ушла в оппозицию. В итоге в сентябре 1931 г. Макдональд и его соратники были исключены из лейбористских рядов как предатели. Новым лидером лейбористской партии стал Артур Гендерсон. После попыток Мэкстона в 1930 г. создать из своих сторонников отдельную парламентскую группу и заставить их следовать постановлениям конференций НРП, лейбористам необходимо было что-то предпринять. В результате собравшаяся на свое ежегодное заседание конференция лейбористской партии проголосовала за ужесточение партийной дисциплины. Дальнейший статус НРП как некоей «партии внутри партии», к тому же не согласной с ужесточением партийной дисциплины и не желающей согласовывать свою парламентскую тактику с официальной лейбористской фракцией, вызывал все более острые споры. Лейбористская партия оказалась не готова идти на поводу у левого крыла даже перед лицом подобного «шантажа». Выход же из лейбористской партии был шагом весьма рискованным. В рядах самой НРП не было полного единства мнений. Тем не менее специально созванная в июле 1932 г. конференция НРП в Брэдфорде, вдохновляемая Мэкстоном и другими «бунтарями», в конечном счете проголосовала за выход из лейбористской партии.

Как показало время, в 1932 г. НРП подписала себе смертный приговор¹. История наглядно продемонстрировала, что еще одной отдельной рабочей партии явно не нашлось достойного места в британской партийно-политической системе 30-х годов². В стороне от официального лейборизма внимание Мэкстона в оставшиеся 1930-е годы в значительной мере было приковано к проблеме создания так называемого Единого антифашистского фронта. На фоне роста нацистской угрозы после прихода Гитлера к власти в Германии в 1933 г. идея объединения левых антифашистских сил в этот период приобрела популярность не только в Великобритании. После расставания с лейбористами НРП под руководством Мэкстона со всей очевидностью все дальше скатывалась на крайне левый фланг британской политической системы. Неудивительно, что на этом фоне парламентские выборы 1935 г. не принесли партии никакого успеха³. Не имея над собой никакого давления, Мэкстон мог позволить себе удовольствие говорить и делать в 30-е годы все, что считал нужным, не оглядываясь на бывших коллег лейбористов и их руководство. Хотя, справедливости ради нужно отметить, что и до расставания с лейбористской партией он часто вел себя аналогичным образом.

Тем временем тень грядущей мировой войны становилась все более отчетливой. В отстаивании своих социалистических взглядов Мэкстон в целом всегда был достаточно последователен и предсказуем. Что

¹ Милибенд Р. Парламентский социализм. Исследование политики лейбористской партии. М., 1964. С. 274.

² Pelling H. A Short History of the Labour Party. London, 1968. P. 76.

³ Joyce P. Politico's Guide to UK General Elections 1932–2001. London, 2004. P. 239.

касается внешней политики, то здесь его позиция оказывалась в 30-е годы порой парадоксальной, недальновидной и даже наивной. Можно сказать, что это был некий пацифизм, выходящий за рамки разумного.

На этом фоне вторая половина 30-х годов дала новый импульс борьбе за создание Единого фронта. К тому времени в рядах самой лейбористской партии у Мэкстона появился энергичный союзник в лице С. Криппса, который, как и он, не был удовлетворен состоянием дел в родной партии и по своим взглядам явно эволюционировал влево. В результате серия переговоров позволила в январе 1937 г. дать старт так называемой «Кампании единства» с участием НРП, коммунистов, а также левых лейбористов, сторонников С. Криппса. Однако кампания оказалась в итоге далеко не столь успешной, как ожидали организаторы, и к лету 1937 г. фактически выдохлась.

Уже скоро Мэкстон нашел новое применение своей неукротимой энергии. Его внимание давно было приковано к гражданской войне в Испании, начавшейся в июле 1936 г. Впрочем рьяный антифашизм Мэкстона, который он в полной мере продемонстрировал в связи с событиями в Испании, самым нелепым образом потускнел и померк в период дебатов по поводу Мюнхенского договора 1938 г. Подписанный премьер-министром Великобритании Н. Чемберленом и французским лидером Ф. Даладье договор с Гитлером о разделе Чехословакии принято считать кульминацией так называемой политики умиротворения. Несмотря на то, что пресса и многие британцы приветствовали Чемберлена по возвращении в Англию как героя, «привезшего мир для целого поколения», НРП, как и многие лейбористы, мюнхенскую политику не поддержала. Однако известное парламентское выступление Мэкстона 4 октября 1938 г. было выдержано в совсем ином ключе. Анализируя подобное поведение «бунтаря» в конце 30-х годов, нельзя не задаться вопросом, как мог Мэкстон быть столь близоруким накануне войны, не понимая, что пацифизм времен Первой мировой не имел ничего общего с его нынешней позицией.

Джеймс Мэкстон умер 23 июля 1946 г., дожив до победы лейбористов на парламентских выборах 1945 г., но так никогда и не примирившись с покинутой им партией. В результате его имя осталось олицетворением протеста для целого ряда поколений британских социалистов¹.

¹ Thomas J. My Story. London, 1937. P. 253.

СИТУАЦИЯ В АФГАНИСТАНЕ В 1978–1979 гг. И ПОЗИЦИЯ КОНГРЕССА США

РАБУШ ТАИСИЯ ВЛАДИМИРОВНА,

кандидат исторических наук,
доцент кафедры общественных наук
Санкт-Петербургского государственного университета
промышленных технологий и дизайна,
Санкт-Петербург, Россия;
taisarabush@mail.ru

Аннотация: Как исполнительная, так и законодательная ветви власти США играют довольно значимую роль в формировании и реализации американской внешней политики. Такое положение дел сохранялось и в годы холодной войны. Афганский вооруженный конфликт 1979–1989 гг. с участием СССР стал одним из самых крупных и драматичных региональных военных конфликтов холодной войны и не мог не привлечь к себе внимание американских законодателей. В статье рассмотрена позиция Конгресса США в отношении событий в Афганистане в 1978–1979 гг., то есть от Апрельской революции и до ввода советских войск. Согласно выводу автора, в указанный период Конгресс проявлял определенный интерес к ситуации в Афганистане, но вместе с тем его влияние на «афганскую» политику США в этот период нельзя назвать значительным.

Ключевые слова: конгресс США, афганская война, Афганистан, законодательная власть США, холодная война, политика США в Афганистане, афганский вооруженный конфликт, внешняя политика США.

Тема влияния законодательной власти Соединенных Штатов на внешнюю политику этой страны была и продолжает оставаться актуальной как предмет отдельного исследования и даже как политический вопрос. Стоит иметь в виду также и тот факт, что позиции законодательной и исполнительной власти США по какому-либо вопросу внешней политики отнюдь не всегда совпадают: например, петербургский исследователь В. Н. Коньшев рассмотрел это в монографии «Принятие решений о военных интервенциях: отношения президента и Конгресса США (1982–1991 гг.)»¹ на примере политики США в нескольких региональных военных конфликтах 1980-х гг. Настоящая статья посвящена следующему вопросу: какова была позиция Конгресса США в отношении ситуации в Афганистане в 1978–1979 гг. (то есть до ввода в Афганистан ограниченного контингента советских войск) и как она изменялась в этот период?

Вначале автор хотел бы объяснить, чем вызван его интерес к столь короткому периоду и какова актуальность изучения позиции Конгресса США применительно к данному вопросу. Известно, что в конце апреля 1978 г. в Афганистане был свергнут режим президента М. Дауда, представителя афганской

¹ Коньшев В. Н. Принятие решений о военных интервенциях: отношения президента и конгресса США (1982–1991 гг.) // Труды кафедры североамериканских исследований. СПб., 1999. Вып. 1.

королевской династии (М. Дауд сместил собственно афганского короля М. Захир Шаха и захватил власть в стране пятью годами ранее). Эти события получили известность как Апрельская революция в Афганистане, в результате которой страну возглавил социалистический политический режим НДПА (Народно-демократическая партия Афганистана), открыто проявивший также просоветскую направленность. Новый афганский режим вызвал у ряда государств, в частности, у Пакистана, Ирана, Саудовской Аравии и в том числе у США, интерес, сопряженный с обеспокоенностью путями дальнейшего политического развития Афганистана. Должностные лица Госдепартамента США вначале предполагали, что этот режим является скорее националистическим, нежели социалистическим: так, госсекретарь США С. Вэнс отмечает в документе, направленном в посольство США в Кабуле, говоря о природе нового афганского режима, следующее: «...фрагментарные свидетельства наводят на мысль, что они могут быть левыми или в значительной степени исламскими националистами»¹. Но буквально через несколько дней американское посольство в официальной переписке подчеркивает, что «истинный политический характер руководителей переворота является теперь открыто видимым для всех»², подразумевая в данном случае социалистическую ориентацию нового афганского правительства.

Таким образом, после Апрельской революции 1978 г. в самом сердце Азии вместо традиционно нейтрального Афганистана появился политический режим с четкой внешне- и внутривнутриполитической ориентацией на СССР. Это очевидно меняло баланс сил на Среднем Востоке, да и вообще в Азии, и поэтому не могло не стать предметом беспокойства для США, особенно в условиях холодной войны. Политика конкретно исполнительной власти США в отношении событий в Афганистане в указанный период времени требует проведения отдельных исследований, что уже частично и было сделано автором настоящей статьи. Здесь же будет рассмотрена политика исключительно законодательной власти. Временные рамки ограничены 1979 годом по той причине, что состоявшийся в конце 1979 г. ввод советских войск в Афганистан повлек процесс формирования совершенно новой политики США в отношении пребывания ограниченного контингента советских войск в Афганистане и военного конфликта в Афганистане в целом, что тоже является темой особого исследования. А 1978 (с конца апреля) — 1979 гг. были периодом формирования американского «ответа» и особой внешнеполитической линии в отношении бурных и постоянно изменяющихся событий в Афганистане.

Автор предполагает рассмотреть следующие темы: позиция Конгресса США в отношении Апрельской революции 1978 г.; обсуждения в Конгрессе дальнейшей политической линии США в отношении Афганистана; позиция по вопросу внутренних изменений, происходящих в Афганистане особенно бурно в течение 1979 г.; отношение к росту советского военного присутствия в Афганистане и к возможному вмешательству СССР

¹ Цит. по: Иващенко А. С. США и Афганистан (1978–1989 гг.). М., 1997. С. 39.

² Там же.

в афганский вооруженный конфликт. Для освещения этих и некоторых других вопросов автор будет ссылаться преимущественно на американские документы, в том числе и на документацию Конгресса США.

Рассматривая афганские события и политику Конгресса в хронологической последовательности, начнем с того, как собственно в Конгрессе отреагировали на саму Апрельскую революцию. Первоначально в политических кругах США имелаась точка зрения (в дальнейшем не получившая подтверждения), что Советский Союз был непосредственным образом причастен к этой революции. Сторонниками этой позиции были и некоторые конгрессмены: так, в заявлении сенатора Э. Дервински было указано, что Л. И. Брежнев «спровоцировал» Апрельскую революцию. Сенатором выдвигалась следующая версия афганских событий: когда устраненный силами НДПА президент Афганистана М. Дауд приезжал в Москву в 1977 г., Л. Брежнев предложил ему отдать ключевые посты в афганском правительстве фракции НДПА «Хальк», но М. Дауд заявил, что это является вмешательством во внутренние дела Афганистана. Брежнев якобы «обиделся» и «отомстил», организовав руками афганских «коммунистов» Апрельскую революцию. По мнению Э. Дервински, если Советский Союз увидит, что США «проявляют слабость в своем ответе» на его действия в Афганистане, то он «распространит свои амбиции» и на другие страны¹. Впрочем, от мнения о прямой причастности СССР к Апрельской революции в США достаточно быстро отказались, не найдя тому подтверждений.

До сих пор активные дебаты среди историков (и не только) вызывает вопрос: оказывали ли США уже до 1980 г., то есть до ввода советских войск, помощь афганским антиправительственным группировкам? Если опираться на документы Конгресса США, то в них нельзя найти сведений об оказании прямой военной помощи, хотя если отойти в сторону от непосредственной темы статьи, то можно отметить, что сведения о такой помощи (оказываемой уже в 1979 г.) можно получить из недавно рассекреченных американских документов², но именно законодателями документы на эту тему в означенный в статье период не принимались³, хотя в Конгрессе и проводились обсуждения по вопросу целесообразности и возможности оказания таковой.

После столь радикальной смены власти, которой стала Апрельская революция 1978 г., в Афганистане началась настоящая гражданская война, и одновременно — все большее вовлечение СССР в события в Афганистане. Особо трагичный поворот ситуация в стране приняла в 1979 г., что привлекло к себе острое внимание американских законодателей. Осенью 1979 г. положение в Афганистане становится особенно частым сюжетом для обсуждения в Конгрессе США и предметом для анализа подкомитетов обеих

¹ *Derwinski E. Afghan appeal to UN // Congressional record. V. 125. 1979. № 166.*

² См. подробн.: *Foreign Relations of the United States. 1977–1980. Afghanistan. Volume XII. Washington: United States government publishing office, 2018. P. 53–55, 109–110, 124–130, 152, 173, 206–207, 211, 224–225 и др.*

³ *Congressional record. 1979. V. 125. № 183, 188.*

палат Конгресса. Пристальное внимание привлекли, в частности, свержение власти Генерального секретаря ЦК НДПА и председателя Революционного совета Афганистана Н. М. Тараки и захват государственной власти его же сподвижником Х. Амином. В Конгрессе США отмечалось, что смена власти в Афганистане свидетельствует о слабости поддерживаемого Советским Союзом режима, который не имеет популярности в стране¹.

Расширение советского военного вовлечения в афганские события также стало предметом пристального анализа американских законодателей. Осенью 1979 г. в Конгрессе указывали, что увеличивающееся количество советского военного персонала в Афганистане может говорить о желании Советского Союза вмешаться во внутренний афганский конфликт: «Советы... в скором времени должны решить, принимать ли им на себя тяжелую ношу дальнейшего навязывания афганскому народу этого ненавистного ему режима... Возрастающее присутствие советского персонала и оружия в афганской гражданской войне показывает советское желание ввязаться в этот локальный конфликт без оглядки на интересы нации, на чьей стороне Советы предположительно действуют. В дальнейшем это намерение может угрожать стабильности во всем мире... Это ясно, что советское намерение будет катастрофичным для афганцев и непредсказуемым для Советов»².

21 сентября 1979 г. подкомитет по международным отношениям и иностранным делам палаты представителей Конгресса США представил доклад «Развитие событий в Афганистане и возможное расширение советского вмешательства». Авторами указывалось, что в Афганистане расширяются масштабы повстанческого движения, а советская материальная поддержка и несколько тысяч военных советников неспособны удержать режим НДПА у власти. Смещение Н. М. Тараки в итоге личного соперничества с Х. Амином прямо указывает на слабость афганского режима. Как отметили авторы доклада, в данной ситуации у Советского Союза есть два пути: прямо вмешаться во внутренний афганский конфликт и принять на себя все внутри- и внешнеполитические издержки такого вмешательства или воздержаться от военного вовлечения и таким образом позволить режиму НДПА пасть. Указано пять основных причин, руководствуясь которыми Советский Союз может пойти на прямое вооруженное вмешательство в афганский конфликт: претензии на контроль (хотя бы частичный) над Афганистаном, «существующие еще с царских времен»; расчет на то, что через Афганистан идеи социалистического общественно-политического устройства распространятся на сопредельные азиатские государства; желание иметь на своих южных границах дружелюбно настроенное буферное государство в противовес Китаю; потребность продемонстрировать США, что разрядка отнюдь не «связывает руки» Советскому Союзу в проведении желаемой внешней политики; надежды на скорую победу над афганскими повстанцами. В качестве

¹ Congressional record. 1979. V. 125. № 148.

² Bradley P. Recent events in Afghanistan // Congressional record. 1979. V. 125. № 152. P. S 15619–S 15620.

противовеса, который может удержать советскую сторону от прямого военного вовлечения в афганский конфликт, авторы доклада указали три наиболее вероятных причины: опасения руководителей СССР по поводу того, что Советский Союз не сможет успешно контролировать поведение Х. Амина; страх быть вовлеченными во «второй Вьетнам»; нежелание вывести отношения с США на уровень прямой конфронтации¹.

Впрочем, предполагался и такой вариант советской реакции на драматические события в Афганистане, как дальнейшее расширение масштабов экономической помощи Афганистану со стороны СССР². Но уже к концу осени 1979 г. в Конгрессе делали вывод о том, что СССР примет решение в пользу ввода войск, о чем свидетельствовали обширные военные приготовления СССР на советско-афганской границе³.

Пытались ли американские законодатели каким-то образом воздействовать на стремление советских руководителей осуществить прямое военное вмешательство в афганский вооруженный конфликт? Да, официальные предупреждения о нежелательности такого прямого вмешательства звучали в том числе и в ходе дебатов в Конгрессе⁴. Впрочем, какого-то влияния эти воззвания не оказали, что стало очевидно совсем вскоре.

Ввод советских войск в Афганистан, состоявшийся 25 декабря 1979 г., не был оставлен без внимания в США и во всем западном мире, несмотря на то, что в этот день все католики и протестанты празднуют Рождество Христово. Уже 27 декабря 1979 г. и Госдепартамент (по сути, главный орган исполнительной власти, отвечающий за реализацию внешней политики США)⁵, и Конгресс США приняли специальные воззвания, призывавшие осудить действия СССР в Афганистане⁶.

В дальнейшем на протяжении всех 1980-х гг. (вплоть до вывода ограниченного контингента советских войск из Афганистана) Конгресс США играл значимую роль в определении и проведении политики США в отношении как Афганистана, так и советского военного присутствия в Афганистане, но это уже является темой другого исследования. В целом можно прийти к выводу, что в 1978–1979 гг. роль Конгресса США в формировании и реализации внешней политики Соединенных Штатов в Афганистане была менее значимой в сравнении, например, с ролью Госдепартамента, но несомненно заинтересованность американских законодателей в изменениях ситуации в этой стране.

¹ *Lagomarsino A.* Carter had warning on Afghanistan // Congressional record. 1980. V. 126. № 11. P. H 351–H 352.

² *Michel R.* Afghanistan, Soviet Union and world peace // Congressional record. 1979. V. 125. № 159. P. E 5585–E 5586.

³ *Crane D.* The Soviets buildup in Afghanistan // Congressional record. 1979. V. 125. № 184. P. E 6242–E 6243; *Michel R.* Soviets go deeper into Afghanistan // Congressional record. 1979. V. 125. № 168. P. E 5863–E 5864.

⁴ Congressional record. 1979. V. 125. № 169, 187.

⁵ Department of state bulletin. 1980. Vol. 80. № 2035. P. 65.

⁶ *Derwinski E.* Soviet invasion in Afghanistan // Congressional record. 1979. V. 125. № 188.

СКУПЩИНА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ НЕЗАВИСИМОЙ ЧЕРНОГОРИИ (2006–2020 гг.)

КАТКОВА ЕКАТЕРИНА ПЕТРОВНА,

ассистент Гуманитарного факультета
Санкт-Петербургского государственного
электротехнического университета
«ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Ленина),
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: ekaterinak.17@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена истории создания и основам функционирования Скупщины Черногории. Изучение короткой истории и современности парламента независимой Черногории, а также электоральных настроений населения республики становится особенно актуальным в связи с итогами последних парламентских выборов, состоявшихся 30 августа 2020 г. при рекордной явке в 76%. По их итогам находящаяся у власти порядка 30 лет Демократическая партия социалистов Мило Джукановича потерпела поражение, проиграв просербской оппозиционной коалиции, и лишилась возможности самостоятельно сформировать правительство и назначить премьер-министра. Причинами к этому явились не только травматическое для большей части граждан вхождение страны в НАТО и инициированный М. Джукановичем раскол Сербской православной церкви, но и общее недоверие к действующему президенту. Одним из главных вопросов, выносящимся на рассмотрение автором статьи, является вопрос о последующей деятельности Скупщины Черногории в связи с кардинальным обновлением ее состава и просербскими настроениями ее большинства.

Ключевые слова: Черногория, Союзная Республика Югославия, парламент, Скупщина, Демократическая партия социалистов, оппозиция, коалиция, Сербская православная церковь.

История независимой Черногории началась 3 июня 2006 г., когда местным парламентом — Скупщиной (черногор. *Скупштина Црне Горе*) — был объявлен выход страны из состава государственного союза Сербии и Черногории. Решение депутатов подтвердило итоги референдума от 21 мая, когда большая часть населения республики высказалась за выход из состава конфедерации. В Декларации о независимости, принятой парламентом в 2007 г., Черногория провозглашалась многонациональным и мультикультурным государством, основанном на торжестве закона и рыночной экономики.

На этом сравнительно недолгая история так называемой Третьей Югославии в составе Сербии и Черногории закончилась, а отношения между исторически, этнически и религиозно близкими друг другу странами стали стремительно ухудшаться. Нетерпимость по отношению к Сербии, регулярное предъявление ей обвинений в «великосербском национализме» стали одной из доминант внешнеполитического курса правящей Демократической партии социалистов (ДПС) и ее

лидера, а также бессменного главы Черногории Мило Джукановича. Мило Джуканович занимал пост премьер-министра в 1991–1998 гг., президента Черногории в составе Союзной Республики Югославии в 1998–2002 гг.; в 2003–2006 гг., 2008–2010 гг., 2012–2016 гг. — премьер-министра уже независимой республики Черногории, а с мая 2018 г. пост президента. Следует заметить: в прошлом Джуканович — член ЦК Союза коммунистов Югославии, которому покровительствовал лично Слободан Милошевич. После заключения и смерти Милошевича в гаагской тюрьме Джуканович неизменно критикует последнего и его политический курс. Именно личной позицией и амбициями Джукановича сербские националисты объясняют выход Черногории из союза, введение в республике евро в качестве национальной валюты еще за несколько лет до выхода из конфедерации, курс на евроинтеграцию, регулярные антироссийские высказывания и наконец вступление страны в НАТО 5 июня 2017 г.

В свою очередь ДПС — это прямая наследница Союза коммунистов Черногории, сменившая коммунистическую идеологию на либерализм, проевропеизм и евроатлантизм.

Вернемся непосредственно к Скупшине. Скупщина Черногории представляет собой однопалатный парламент, состоящий из 81 депутата, которые избираются по партийным спискам по системе пропорционального представительства путем прямого тайного голосования и осуществляют свои полномочия в течение 4 лет. Скупщина работает на очередных и внеочередных сессиях и принимает решения большинством голосов депутатов, присутствующих на сессии. В соответствии с Конституцией Черногории очередная сессия проводится два раза в год. Первая сессия начинается в первый рабочий день марта и длится до конца июля, а вторая — в октябре и продолжается до конца декабря. Внеочередная сессия созывается по требованию не менее одной трети от общего числа депутатов, президента Черногории или премьер-министра¹.

Парламент утверждает кандидатуру премьер-министра, предлагаемую президентом, а также министров, выбираемых премьер-министром; принимает все законы в Черногории, ратифицирует международные договоры, назначает судей, утверждает бюджет. Одна из ключевых функций Скупщины — контролировать работу Правительства. В ее распоряжении есть несколько инструментов для осуществления соответствующего надзора: право вынесения вотума недоверия правительству, право парламентского запроса и расследования, а также парламентские слушания.

Принципы открытости и транспарентности деятельности Скупщины реализуются через сотрудничество с гражданским обществом, представители которого могут присутствовать на заседаниях рабочих органов; публикацию документов, принятых в ходе работы парламента, годовых

¹ См.: Официальный сайт Скупщины Черногории [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://www.skupstina.me/me/skupstina/o-skupstini>

и других отчетов в СМИ и на официальном сайте парламента; прямые видеотрансляции заседаний парламента.

Обращает на себя внимание чрезмерная бюрократизированность законодательной власти маленькой 650-тысячной Черногории.

Возглавляет Скупщину Председатель, который созывает ее заседания и председательствует на них; осуществляет контроль за соблюдением «Устава» Скупщины; обеспечивает ее функционирование и слаженную работу рабочих органов; принимает решения о приеме иностранных делегаций и официальных лиц, а также об официальных поездках депутатов за границу; подписывает законодательные акты. В выполнении задач в пределах перечисленных компетенций Председателю помогают его заместители.

По предложению Председателя назначается ее Генеральный секретарь. Он возглавляет т. н. «Службу» Скупщины (мы бы сказали Секретариат, но правильнее будет использовать все-таки понятие Службы, так как термином Секретариат обозначаются более мелкие структурные подразделения Службы). В ее обязанности входят составление законов и других правовых актов парламента, а также их хранение и учет; руководство финансовыми и материальными делами парламента и ведение соответствующей отчетности. У Генерального секретаря Ассамблеи есть два заместителя, которые помогают ему в его работе. Помимо заместителей Генеральный секретарь также имеет двух личных помощников.

В состав Службы входят Канцелярия, Сектор обеспечения законодательной и надзорной функции Парламента, Сектор исследований, документации и информационной сети, Отдел по связям с общественностью, Протокольный отдел и пр. Внутри этих секторов и отделов сформированы дополнительные структурные подразделения: институты, центры, управления, департаменты, секции и бюро.

Рабочими органами, сформированными на данный момент в парламенте Черногории, являются Законодательный комитет, Комитет по политической системе, судебной системе и администрации, Комитет безопасности и обороны, Комитет по международным отношениям и эмигрантам, Комитет по европейской интеграции, Комитет по экономике, финансам и бюджету, Комитет по правам и свободам человека, Комитет по гендерному равенству, Комитет по образованию, науке, культуре и спорту, Комитет по туризму, сельскому хозяйству, экологии и территориальному планированию, Комитет по здравоохранению, труду и социальному обеспечению, Антикоррупционный комитет. Каждый комитет, само собой, имеет свой Секретариат, функционирующий в рамках Службы.

Одними из наиболее интересных и противоречивых в истории страны были парламентские выборы 16 октября 2016 г., ставшие причиной серьезного ухудшения двухсторонних отношений между Россией и Черногорией. Главными антагонистами тогда выступили проевропейская и пронатовская ДПС и уступивший ей по итогам выборов пророссийский «Демократический фронт». Демпартия социалистов набрала

около 42% голосов, что позволило ей иметь 36 депутатов, а с учетом поддержки своих партнеров в лице социал-демократов и партий национальных меньшинств (хорватов, бошняков и албанцев — их интересы представляют «Хорватская гражданская инициатива», «Боснякская партия», «Албанская коалиция» и некоторые другие партии) — 42 мандата. Радикальная оппозиция в лице «Демократического фронта» (ДФ), которую публично поддержала Москва, получила 18 мест, а коалиция из «ДФ», объединения «Ключ» и партии «Демократы» — 35 мест¹. В свою очередь, Джуканович окрестил эти выборы «судьбоносными» и заявил следующее: «Мы отстаивали Черногорию и ее право самой определять свое будущее. Черногория продолжит путь в НАТО и ЕС»². Он также назвал голосование выбором между членством в ЕС и НАТО и тем, чтобы стать «российской колонией».

Накануне ночью 16 октября черногорская полиция арестовала группу из 20 граждан Сербии, которые готовили диверсии и теракты в день голосования. Как позже заявила Специальная прокуратура Черногории, «цель группы состояла в том, чтобы при провозглашении итогов голосования совершить вооруженное нападение и захватить парламент, провозгласив победу одной из партий, а также арестовать и убить премьера». В составе этой группы якобы действовали и российские граждане. Согласно официальному заявлению черногорского специального прокурора Миливойе Катнич, «российские националисты» принимали участие в данном сговоре с целью помешать вступлению Черногории в НАТО. Впоследствии Кремль опроверг обвинения, выдвинутые Подгорицей, и заявил, что официальные власти России не имеют никакого отношения к попытке сорвать парламентские выборы в Черногории.

В дальнейшем риторика Подгорицы в адрес Москвы и Белграда ужесточилась еще более, а 5 июня 2017 г. Черногория стала новым 29-м членом НАТО. В российско-черногорских отношениях наступило похолодание, в то время как правительство и подконтрольный Джукановичу парламент продолжили углублять и расширять сотрудничество с Западом по всем направлениям. В декабре 2019 г. Скупщина Черногории одобрила большинством голосов закон «О свободе вероисповедания и убеждений и правовом положении религиозных общин»³. Законопроект предусматривал изъятие церковной собственности у Сербской

¹ Выборы в Черногории выигрывает правящая прозападная партия [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/news-37674818>

² Черногория проголосовала за ЕС и НАТО [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3118448>

³ Zakon o slobodi vjeroispovijesti uvjerenja i pravnom položaju vjerskih zajednica [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://zakoni.skupstina.me/zakoni/web/dokumenta/zakoni-i-drugi-akti/884/2178-12812-23-3-19-7.pdf>

православной церкви. Речь шла о более чем 650 святынях. Несколько ранее Мило Джуканович обвинил Сербскую православную церковь в попытке сохранить религиозную монополию в стране и заявил, что будет добиваться автокефалии для «черногорской церкви» по примеру Украины. В рамках создания новой церкви кабинет министров Черногории провел через парламент вышеуказанный закон, что привело к многодневным демонстрациям и протестам и создало взрывоопасную ситуацию в стране. В поддержку закона, ущемляющего интересы Сербской православной церкви (СПЦ), тогда проголосовало 45 депутатов из 45 присутствующих. Голосов «против» и воздержавшихся не было, поскольку документ рассматривался после задержания полицией всех депутатов от оппозиции. Парламент, который был создан в 2016 г. в условиях попытки государственного переворота, показал свою полную несостоятельность и настроил против себя черногорский народ, для которого православие, принадлежность к СПЦ являются одним из маркеров самоидентификации. Все это способствовало существенной смене электоральных настроений, все громче звучали обвинения Джукановича и ДПС в национальной и государственной измене.

Очередные парламентские выборы состоялись 30 августа 2020 г. при рекордной явке в 76%. По их итогам находящаяся у власти порядка 30 лет ДПС Джукановича потерпела фактическое поражение в борьбе с просербской оппозиционной коалицией, лишилась возможности самостоятельно сформировать правительство и назначить премьер-министра. Демократическая партия социалистов Черногории (ДПС) набрала 35,06% голосов, оппозиционная коалиция «За будущее Черногории» — 32,55%, коалиция «Мир — наша нация» — 12,53%, коалиция «Черное на белое» — 5,53%, «Социал-демократы Ивана Брайовича» — 4,1%. Демократическая партия социалистов Черногории получила 30 мест в парламенте, оппозиционный блок «За будущее Черногории» — 27 мест, блок «Мир — наша нация» — 10 мест, блок «Черное на белое» — 4 места, партия «Социал-демократы Черногории» — 3 места, Бошняцкая партия Черногории — 3 места, Социал-демократическая партия Черногории — 3 места¹. Остальные партии не смогли преодолеть порог 3%.

Причинами к этому явились не только травматическое для большей части граждан вхождение страны в НАТО и инициированный М. Джукановичем раскол Сербской православной церкви, но и общее недоверие к действующему президенту, подозрения в коррупции, мафиозной деятельности и, как уже было выше отмечено, в предательстве национальных интересов. Лидеры входящих в состав оппозиционной коалиции блоков «За будущее Черногории», «Мир — наша нация» и «Объединенное реформистское действие» и движения настаивают

¹ Партия президента Джукановича победила на парламентских выборах в Черногории [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9330579>

на отставке президента и изменении внешнеполитического курса страны. 23 сентября на учредительном собрании нового парламента его председателем был избран Алекса Бечич, а главой правительства — Здравко Кривокапич.

ДПС заявила о готовности к переговорам с партиями, с которыми до сих пор составляла парламентское большинство. Однако сотрудничать с крупнейшей оппозиционной коалицией «За будущее Черногории», выступившей в поддержку Сербской православной церкви, в ДПС отказались: «Не будет переговоров с теми, кто на выборах перепутал веру и политику, которые государство возвращают в прошлое и отравляют великосербским национализмом»¹, — говорилось в заявлении партии. Однако в итоге коалиционное правительство все-таки было сформировано.

4 декабря Скупщина Черногории утвердила состав 42-го кабинета министров во главе с премьер-министром Здравко Кривокапичем. В поддержку нового правительства проголосовал 41 депутат из 81, против высказались 28, воздержался один парламентарий.

«Я приложу усилия быть премьером, который мало говорит, а много работает, который будет лишь одним из вас, будет присутствовать в народе, слышать и понимать его нужды. Я хочу выполнить ожидания всех, кто голосовал за перемены, но также успокоить опасения тех, кто перемен боится... Мы можем победить только все вместе, общими силами»², — заявил в обращении к парламенту Кривокапич. По его словам, приоритетами нового правительства будут реформы для экономического восстановления Черногории и ее последующего вступления в Евросоюз. Главой МИД Черногории был назначен Джордже Радулович, министром обороны — Оливера Иняц, а главой МВД — Сергей Секулович.

Еще одной задачей правительства и, в частности, Министерства иностранных дел должно стать налаживание связей с теми странами, отношения с которыми были испорчены в последние годы из-за действий режима ДПС: «Конечно, тут я имею в виду и Российскую Федерацию — нашу братскую, православную, славянскую страну, нашего исторического друга. Народ Черногории питает искреннюю симпатию к русскому народу, и, как показывают социологические исследования, на это не смогла повлиять агрессивная русофобская политика властей. Надеюсь, что новое правительство не просто вернет отношения с Россией на должный уровень, на котором они и были всю их историю, но и наведет новые мосты в сфере экономического и культурного сотрудничества»³, — заявил З. Кривокапич.

¹ Правящая партия Черногории готова формировать большинство без оппозиции // <https://ria.ru/20200902/chernogoriya-1576641404.html>

² Парламент Черногории утвердил новое правительство страны [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10176447>

³ Новый лидер черногорской оппозиции: «Заняться политикой меня заставили гонения на православную церковь» [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://balkanist.ru/novyj-lider-chernogorskoj-oppozitsii-zanyatsya-politikoj-menya-zastavili-goneniya-na-pravoslavnyuyu-tserkov/>

9 декабря 2020 г. новый министр иностранных дел Черногории Джордже Радулович отметил, что одной из целей нового правительства Черногории также станет улучшение отношений с Сербией. Власти Черногории планируют строить отношения с Республикой Сербия на основе принципа взаимного уважения, как и положено добрым соседям. С другой стороны, новый министр обороны Оливера Иняц в одном из своих выступлений обратила внимание: «Сотрудничество в области обороны между Черногорией и США будет углубляться и дальше, и Черногория остается надежным союзником США и НАТО»¹. Разумеется, это не будет способствовать интенсификации отношений Черногории с Сербией и Россией.

Таким образом, в той или иной степени внутривнутриполитический и внешнеполитический курс Черногории изменится, однако кардинальных перемен здесь ожидать не стоит. В частности, Черногория продолжит курс на вступление в ЕС, а решение о полном восстановлении отношений с Россией будет оттягиваться как можно дольше.

¹ Минобороны Черногории: страна остается надежным союзником США и НАТО [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/3136088.html>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

(на декабрь 2020 г.)

Аронов Дмитрий Владимирович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Юридического института Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева, Орел, Россия;

Бахтурина Александра Юрьевна — доктор исторических наук, профессор кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия;

Борисенко Виктор Николаевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории нового и новейшего времени Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия;

Бочкарев Сергей Вадимович — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия;

Бугашев Сергей Иванович — доктор исторических наук, профессор кафедры общественных наук Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург, Россия;

Власов Николай Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия;

Гавроева Екатерина Сергеевна — ассистент кафедры русской истории Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия;

Гайда Федор Александрович — доктор исторических наук, доцент исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; профессор-консультант БФУ имени И. Канта, Калининград, Россия;

Гурьянов Александр Александрович — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Международного юридического института, Москва, Россия;

Дёмин Вадим Александрович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, Москва, Россия;

Дмитриева Наталья Валерьевна — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Южного научного центра РАН; доцент Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия;

Евдокимов Артем Владимирович — кандидат исторических наук, преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук Приволжского исследовательского медицинского университета Минздрава России, Нижний Новгород, Россия;

Егоров Андрей Николаевич — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и философии Череповецкого государственного университета, Череповец, Россия;

Златина Мария Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории Института истории и социальных наук РГПУ имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия;

Иванков Эдуард Валентинович — экскурсовод ГБУК «Калининградский областной музей изобразительных искусств», Калининград, Россия;

Иванов Андрей Александрович — доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия;

Кабульдинов Зиябек Ермуханович — доктор исторических наук, профессор, директор Института истории и этнологии имени Ч. Ч. Валиханова, член-корреспондент Национальной академии наук Республики Казахстан, Алматы, Республика Казахстан;

Калашиников Владимир Валерьянович — доктор исторических наук, заслуженный профессор, профессор кафедры истории культуры, государства и права Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия;

Каткова Екатерина Петровна — ассистент Гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия;

Кириянов Игорь Константинович — доктор исторических наук, профессор кафедры междисциплинарных исторических исследований Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия;

Кобицкий Дмитрий Аркадьевич — Генеральный секретарь Совета МПА СНГ — руководитель Секретариата МПА СНГ, Санкт-Петербург, Россия;

Козодой Виктор Иванович — доктор исторических наук, независимый исследователь, Новосибирск, Россия;

Лавринович Дмитрий Сергеевич — доктор исторических наук, профессор, первый проректор УО Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова, Могилев, Республика Беларусь;

Малхозова Фатима Викторовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИРИ РАН, заведующая кафедрой истории российской государственности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия;

Малышева Ольга Геральдовна — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, Москва, Россия;

Маров Михаил Николаевич — кандидат технических наук, старший научный сотрудник, ведущий руководитель проектов АО «РАМЭК-ВС», Санкт-Петербург, Россия;

Науменкова Екатерина Олеговна — кандидат исторических наук, доцент, независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия;

Николаев Андрей Борисович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории (XIX–XXI вв.) Института истории и социальных наук РГПУ имени А. И. Герцена, заместитель председателя НМС Центра истории парламентаризма МПА СНГ, Санкт-Петербург, Россия;

Новосельский Сергей Сергеевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и теории исторической науки Исторического факультета Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия;

Омельячук Игорь Владимирович — доктор исторических наук, профессор Владимирского государственного университета, Владимир, Россия;

Орчакова Лариса Геннадьевна — доктор исторических наук, профессор Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, Москва, Россия;

Пленкин Олег Игоревич — независимый исследователь, Владимир, Россия;

Портнягин Дмитрий Игоревич — кандидат исторических наук, доцент кафедры европейских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия;

Портнягина Наталья Александровна — кандидат исторических наук, доцент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия;

Рабуш Таисия Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры общественных наук Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург, Россия;

Селезнев Федор Александрович — доктор исторических наук, профессор Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия;

Соловьев Кирилл Андреевич — доктор исторических наук, профессор Школы исторических наук факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник Института российской истории РАН, Москва, Россия;

Сорокин Александр Анатольевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия;

Стогов Дмитрий Игоревич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории культуры, государства и права Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия;

Талаева Алёна Андреевна — аспирант 1 года обучения Института истории и международных отношений ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону, Россия;

Тимохина Дарья Аркадьевна — кандидат исторических наук, ответственный редактор Некоммерческого партнерства «Издательское, исследовательское и просветительское содружество „Посев“», Москва, Россия;

Узлова Ирина Витальевна — кандидат исторических наук, заведующая кафедрой истории культуры, государства и права Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия;

Холяев Сергей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Ярославского государственного технического университета, Ярославль, Россия;

Юрковский Роман Янович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Всемирной истории Института истории Варминско-Мазурского университета в Ольштыне, Ольштын, Польша;

Ялышев Ренат Амирулович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории культуры, государства и права Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И АББРЕВИАТУР

- БФУ** — Балтийский федеральный университет имени И. Канта;
ВДСРН — Всероссийский Дубровинский Союз русского народа;
ВКГД — Временный комитет Государственной думы;
ВНС — Всероссийский национальный союз;
ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет;
ГАВО — Государственный архив Владимирской области;
ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации;
ГБУК — Государственное бюджетное учреждение культуры;
гр. — граф;
и. д. — исполняющий должность;
ИВСМП — Иваново-Вознесенская самодержавно-монархическая партия;
ИРИ РАН — Институт российской истории Российской академии наук;
КДП — Конституционно-демократическая партия;
ККПЛиБ — Конституционно-католическая партия Литвы и Беларуси;
кн. — князь;
КОМУЧ — Комитет членов Учредительного собрания;
МВД — Министерство внутренних дел;
МГУ — Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова;
МДГ — Межрегиональная депутатская группа;
МНП — Министерство народного просвещения;
МПА СНГ — Межпарламентская Ассамблея Государств — участников Содружества Независимых Государств;
НМС — Научно-методический совет;
НРП — Независимая рабочая партия;
ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки;
ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки;
ПСЗ-З — Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е;
ПСС — Полное собрание сочинений;
ПЦР — Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства;

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории;

РГАДА — Российский государственный архив древних актов;

РГАФД — Российский государственный архив фонодокументов;

РГИА — Российский государственный исторический архив;

РГПУ — Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена;

РНСМА — Русский народный союз имени Михаила Архангела;

РОС — Русский окраинный союз;

СЗРВ — Северо-Западное русское вече;

СНК — Совет народных комиссаров;

СРН — Союз русского народа;

ШСРПЛ — Шуйский Союз русских православных людей;

ЦГАМ — Центральный государственный архив Москвы;

ЧСК — Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так военного и морского ведомств.

Таврические чтения 2020

**Актуальные проблемы парламентаризма:
история и современность**

Международная научная конференция

Часть вторая

Дизайн обложки *Г.В. Метеличенко*
Компьютерная верстка ЦНИТ «Астерион»
Корректор *Е.С. Русанова*

ЦНИТ «Астерион».
Подписано к использованию: 07.10.21. Уч.-изд. л.: 13,06.
Тираж: 10 экз. Заказ: № 183.
Санкт-Петербург, 191015, а/я 83,
тел.: (812) 685-73-00, 663-53-92, 970-35-70
✉: asterion@asterion.ru 🌐: <https://asterion.ru/>
📄: https://vk.com/asterion_izdatelstvo

